

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ ВОКРУГ СВЕТА

№2(8)
1962

СКАТЕЛЬ

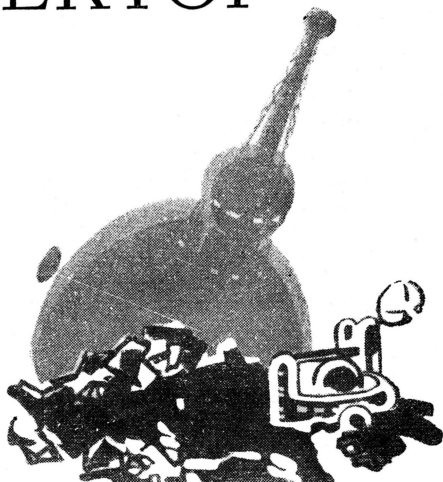
ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ,
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР

Рисунки Н. Гришина

В конце двадцатого века с одного из космодромов Советского Союза стартовал первый в мире фотонный планетолет «Хиуса». Экипажу «Хиуса» предстояло решить трудную задачу: разведать подступы к Урановой Голконде, мощному месторождению радиоактивных ископаемых на Венере.

Венера встретила разведчиков черными бурями, подземными взрывами, палящим дыханием атомных вулканов. Погибли командир экспедиции и бортинженер «Хиуса». Едва не затонул в бездонной трясине планетолет. Но больные, полумертвые от усталости люди не отступили. Задача была выполнена. Планетологи Юрковский и Дауге, штурман Крутиков и водитель вездехода Быков вернулись на родную планету. Об этом Аркадий и Борис Стругацкие рассказали в повести «Страна багровых туч».

После этих событий прошло несколько лет. Многого изменилось за это время на Земле и в солнечной системе. Объединенное человечество окончательно завоевало возлесолнечное пространство. И вот снова встречаются старые друзья, участники экспедиции на Венеру.

Но прошлое не сдается без боя. Его пережитки дают себя знать даже в космическую эру истории человечества. «Кое-где

в огромной сети космических поселений, охватившей всю солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим». Генеральным инспектором МУКСа назначен крупный ученый-планетолог Юрковский. Ответственный инспекторский рейс поручается экипажу фотонного корабля «Тахмасиб»: капитану Быкову, штурману Михаилу Крутикову и бортинженеру Жилину. На борту «Тахмасиба» в качестве стажера оказывается и молодой вакуум-сварщик Юра Бородин: он опоздал на пассажирский планетолет в систему Сатурна, где ведется строительство новой космической лаборатории.

Ниже публикуются две главы из новой повести Аркадия и Бориса Стругацких «Стажеры».

ЭЙНОМИЯ.

СМЕРТЬ-ПЛАНЕТЧИКИ

— Стажер, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, сунул ее в шкаф. «Не буду сегодня читать, — подумал он. — Надо, наконец, выспаться».

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — сказал Быков и развернул следующую газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский сказал:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш юноша. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь. Более важно. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От этой идиотской канцелярщины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя. Печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он очень любит Жилина и не любит одного бармена в Мирза-Чарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят. И я подался в космос.

— Стихи ты писали в космосе, — заметил Быков.

— М-да-а, — сказал Юрковский, задумчиво улыбаясь. — А теперь вот не пишу. Прошла молодость. Но я не об этом. Меня всегда интересовал вопрос: станем ли мы лучше от поколения к поколению? Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла! Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики. Краюхин так не говорил.

— Краюхин вообще на этот счет помалкивал. И правильно делал. Он просто брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал их за равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. —

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2 (8) 1962

*ЭТОТ НОМЕР МЫ ПОСВЯЩАЕМ
НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ — ТЕМ, КТО
МЕЧТАЕТ О СВЕТОМ БУДУЩЕМ
И СТРОИТ ЕГО*

СТАЖЕРЫ

*Главы из новой научно-
фантастической повести
А. и Б. Стругацких*

18 ТЫСЯЧ МЕТРОВ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

МОЛОДЕЖЬ ВСЕГДА ПЕРВАЯ

*Четыре приключенческих
рассказа*

РАССТУПИТЬ, АРКТИКА!

*Необыкновенный рейс
атомохода „Ленин“*

МАШИНА ВРЕМЕНИ—ФАНТАСТИ- КА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

АЛЛО! АЛЛО! ВЫЗЫВАЕМ
МАРС...

Юра сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочницей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — сказал Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают-компанию вошел Михаил Антонович, в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с дымящимся чайником в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это хорошо, — оживился Быков. Он встал и пошел в буфет.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол. Михаил Антонович разлил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

— А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.

— Спит, — ответил Быков.

— А Ванюша?

— На вахте, — терпеливо сказал Быков.

— Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и сказал: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!

— А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.

— Как это?

— А как в романах. «Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее».

— «Всю», — добавил Юрковский.

Михаил Антонович зарделся.

— Ишь, покраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?

Быков захохотал и поперхнулся чаем.

— Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и сказал: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?

— Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?

Михаил Антонович испугался.

— А что случилось? — спросил он. — Он нашалил что-нибудь?

— Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.

— Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пивками в пещеру пошел.

Быков поднял голову.

— За какими это пивками? — спросил он.

Михаил Антонович виновато заерзал.

— А, это легенда, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще... э-э... давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единственный в своем роде шанс — посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто... э-э...

— Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен... как бы это сказать... фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим...

— Настоящего человека, — веско сказал Юрковский, — отличает широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик...

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полнокровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик...

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик...

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйнумии. Вы знаете, что такое Эйнумия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономических единицы, эксцентриситет...

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйнумии уже три года функционирует крупнейшая в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же! — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же...

— Люди работают там в исключительно сложных условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать семь человек, крепкие, как алмазы, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомить мальчишку с настоящей жизнью.

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это...

— И как раз сейчас они собираются производить интереснейший эксперимент. Они пытаются определить скорость распространения гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент целиком превращают в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович, который понял, что Юрковский во что бы то ни стало хочет произнести речь.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы — разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков, наконец, заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно небезынтересно.

— Уверю тебя, Алексей, — сказал Юрковский с подъемом. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно сказал Быков.
— Ну вот и прекрасно, — сказал Юрковский. Он посмотрел на Быкова и сказал: — Тебя что-то смущает, Алексей?
— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копиями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера. И еще кое-что. Одного там нет. Эйнумии там нет.
— Ну-ну, как тебе сказать... — сказал Юрковский, опустив глаза и барабанив пальцами по столу. — Будем считать, что это недосмотр Управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйнумию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша... Э-э... Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, так сказать... э-э... во изменение маршрута...

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами!

— Ну-ну, воспитательные задачи, конечно, тоже... да.

— Штурман, — сказал Быков. — Генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйнумию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского. — Ты знаешь, Володенька, горячего у нас маловато. Эйнумия — это крючочек... Ведь два раза тормозить придется. И один раз разогнаться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э... вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

— Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.

— Будет горячее, — сказал Юрковский.

— Будет горячее — будет и Эйнумия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишей стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибири.

— Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибирать со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйнумия» двигалась вокруг Солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйнумия. Гигантская скала диаметром в двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиденький рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами, вращающихся вокруг общей оси. В лаборатории работало двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепких, как алмаз, умных, смелых» и зачастую «отчаянно смелых». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астероиды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» были объявлены смерть-планетами. Они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щепня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно или постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это был единственный в солнечной системе космогонический полигон, и если возлезные обсерватории обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда. Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномии» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории осталось всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э... здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юрковский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервой встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

По-видимому, генеральные инспектора накатывают на «Эйномию» не реже трех раз в сутки: к завтраку, к обеду и ужину. Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клацая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Постойте! — вскричал Юрковский. — А где здесь... э-э... начальник?

Голубоглазый, не оборачиваясь, сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Странные, однако... э-э... порядки. Удивительные...

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли...

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отскочи на сто километров, там опасно! Третий!

Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в строю со мной! Там, где ты есть, тебя не нужно! Тебя нужно, где тебя нет! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой, в белой рубашке, с черным галстуком.

— Костя, — сказал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну, прогуляйся еще чуть вперед... Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю? Вернись на двадцать километров, я все прощу.

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернул из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Если вы не шутите, — сказал он, — то встаньте вон к тому пульту. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка. У вас это получится.

— Но позвольте, однако... — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли, — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подплыл к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять команду! Все сейчас стоит хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не хлопайте друг друга по голой спине и не сайтесь больше управления! Выключаюсь на две минуты. — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — сказал он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я...

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай что-нибудь. Ему полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит, как дяди делают бах.

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел... э-э... попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На космоскафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

Юрковский величественно, в три разделения, пожал плечами. — Ну, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шарик. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Вышло. Из строя. Некогда. Ждать.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на эк-

ран. На экране светилось несколько ярких округлых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Сгори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Это к нам прибыл генеральный инспектор. Зачем он прибыл, я не знаю. Сейчас он держит ось. Его уговорил Эзра. Не надо смеяться, вы мне сглазите весь опыт. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь...

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— ... пятнадцать, четырнадцать... Владимир Сергеевич, держите ось... десять... девять...

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-нибудь ось.

— ...три... два... один... ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздевайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно, не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была горькая, как хина.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? — осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел... э-э... присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну и заодно... э-э... выяснить положение на станции... нужды работников... жалобы, наконец... Что? Вот, я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений... Тесно... Плохая автоматизация, устаревшее оборудование... Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я жалуюсь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуюсь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы,

это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются. Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе, и вы узнаете, каково было слепому, что ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году! Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что мои босяки привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну, а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-каеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно.. Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетологом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костю. Юра кусал губы, чтобы не рассмеяться непочтительно. Только Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э... — затянул Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же были хороший ученый, вы же были папа и мама современной планетологии! Из вас же с детства бил фонтан идей, как из Самсона в Петро дворце! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение — спросите у Эзры, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-каеры!

— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь... э-э... простой ученый...

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить, как два лунатика, и уступать друг другу дорогу перед люками. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это ж нужны все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже из уважения к генеральному инспектору, потому что тесно и один у нас даже живет в лифте. И потом вы все равно не Гейзенберг и поймете не больше половины. Другое дело, если бы приехал планетолог Юрковский и сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтоб вы

экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда бы я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра все время с тревогой поглядывал на Юрковского, ожидая, что вот-вот разразится гром. Однако лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы... э-э... Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком... э-э... качестве. И я вам... э-э... завидую, Костя. С вами я с удовольствием бы поработал. Но... э-э... есть станции и есть... э-э... станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось... э-э... сделаться генеральным инспектором Юрковским.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное клацанье магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть упреждение-е! На три миллисекунды!..

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работники, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сказать, что танкер будет завтра?

— Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы — бог. Вдвое подает тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В люк один за другим протиснулись четверо, и в помещении сразу стало негде повернуться. Юру затиснули в угол и огородили широкими спинами. По-настоящему хорошо он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзры, чей-то зеркально выбритый череп и еще один затылок, мускулистый, с фиолетовыми следами фурункулов. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертými подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просветы между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костин профиль и густобородатое лицо четвертого работника. Юрковского видно не было, вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал наскоро, но три миллисекунды, по-моему, совершенно бесспорно...

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность.

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Ненавистный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати, о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да, да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра подчитает как следует.

— Правильно... Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трясутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя таким творцом, человеком будущего...

— Послушай, человек будущего, я тебя поздравляю, у тебя опять на щеке преогромный фурункул.

— А, шут его подери... Когда они меня в покое оставят?

— Ты же обещал, что больше не будешь.

— Милый Костя, очень легко выдумывать обещания, гораздо труднее их выполнять. Но в общем-то, конечно, надо быть осторожнее.

— Ничего, залечим.

— Слушай, Костя, что это Франта говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчики? Такое богатое воображение иметь опасно.

— Ой, Фанас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово — золото!

— Ошибка плюс-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

— Три и восемь, ребята, это значит, что мы утерли нос этому кое-какеру из Ленинграда. Как бишь его...

— Отличное начало. Сейчас бы только поесть и взяться за дело по-настоящему.

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим пиршество тощих по банке на четырнадцать человек.

— Тихо, ученые, и я вас поражаю.

— А про какие консервы врал Валерка?

— По слухам, там у него банка компота из персиков и банка кабачков...

— Колбаски бы...

— Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалуется нам ящик консервов со своего стола!

— Ну-у?! — сказал кто-то.

— Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит?

Откуда-то из-за угла послышалось:

— Э-э... Здравствуйтесь...

— Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?

— Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!

— Владимир Сергеевич! Про консервы — это правда?

— Истинная правда, — сказал Юрковский.

— Ура!

— И еще раз...

— Ура!

— И еще раз...

— Ур-р-а-а!

— Консервы мясные, — сказал Юрковский.

По комнате пронесся голодный стон.

— Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!

В открытый люк просунулась еще одна борода.

— Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что есть нечего, вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.

Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с фурункулами сказал задумчиво:

— Узнаю космогониста по изящным словесам.

— Ребята, а ведь он голоден.

— Еще бы! Космогонисты всегда голодны!

— И не послать ли его за консервами?

— Павел, друг мой, — сказал Костя. — Сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень вакуум-скафандр.

Бородатый Павел подозрительно на него посмотрел.

— Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Техмасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.

— Здравствуйтесь, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— Зря я при нем про фурункулы распространялся.

— А нельзя, чтобы он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспектора не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдете искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с фурункулами подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

Эйномия осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астероид Бамбергу — в царство таинственной «Спэйс Перл Лимитэд». Юра проснулся глубокой ночью: болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало!» Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособоившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре. Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собою дверь и осторожно сел рядом с Юрой.

— Ты чего не спишь? — сказал он трудным шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. — Вам плохо?..

— Ерунда, печень, — Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам, словно оцепеневшие руки. — Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы бывали на Эйномии. Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают, — он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подсунул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры», правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пиявок... Ты-то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут... засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

БАМБЕРГА. НИЩИЕ ДУХОМ

Бэла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка «Управляющий шахтами Бамберги. «Спэйс Перл Лимитэд». «Сволочь скользкая», — подумал Бэла. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний угол таблички, и трещина проходила через заглавную букву «Б». «Подлый слизняк», — подумал Бэла. «Уверю вас, на копыях нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет». Мерзавец!

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни, ты — пайщик. Интересы компании — твои интересы». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. «Боже мой! — подумал он. — Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну какой я комиссар? Ведь я же ничего не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу».

Где-то с лязгом захлопнулся люк. Бэла огустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? «Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но, может быть, узнаю, в кого стреляли?» Бэла вошел в комнату полицейских. За столом, подперев щеку рукой, дремал сержант Хиггинс, начальник полиции и один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа — рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко сиплый.

— Что нового, Хиггинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хиггинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хиггинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хиггинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хиггинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

— Видите ли, Хиггинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был

у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хиггинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад... Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел, отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэла вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими задачами.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. «Напиться, что ли? — подумал Бэла. — Нализаться, как свинья, лечь в постель и проспаться двое суток. А потом встать и опять напиться». Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «Бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компании — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «Бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «Бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бессмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных: они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «Бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколona. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и зашел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одиноким глазом грустно смотрел в низкий потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почему я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул... Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. — Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

«Ну вот, что ты с ним сделаешь, — подумал он. — Убеж-

дать его, что пить вредно, — он и сам это знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет прогрессивный паралич, и никогда не будет детей, или будут рождаться уроды».

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы... — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрыли. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

«Вот, — думал он, направляясь к себе. — А попробуй закрой салун, и ты же сам будешь орать на митингах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Как тебя убедить?»

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздоровался и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не мути воду, пока цел. *Доброжелатели*». Бэла вздохнул и отложил записку. Надо смерить температуру и принять какую-нибудь таблетку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Он в молчании разыграл защиту Каро—Канн. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — пообещал Бэла.

— Нет, — сказал инженер. — Посмотрите вокруг, вы сами видите, что ваше дело безнадежное.

— Ну, это нам двадцать раз сулили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Я, собственно, имел в виду положение здесь, на Бамберге. Смешно было считать, что вы не сможете выиграть в политической и экономической войне. Но есть сила, которую побороть непросто. Это маленький глупый и жадный хозяйчик. Собственник. Да, вы, марксисты, свалили фашизм, империализм, колониализм, все это так. Но теперь вы остались лицом к лицу с мещанами, и я вам не завидую... Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

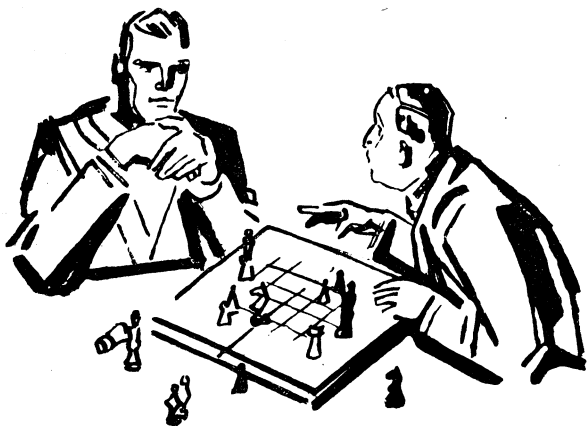
— Я закроюсь на «же восемь», и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо отрицать вредоносность мещанства, — сказал Бэла. — Не для коммунизма, а для всего человечества опасна идеология маленького эгоиста. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не задохнуться в собственном навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — Толькё, по-моему, бороться с мещанством — это все равно, что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла. — Это утверждение столь же голословно, как Апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там... «Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить, ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Я, конечно, пессимист. С чего это мне быть оптимистом?

— Время нищих духом прошло, — сказал Бэла. — Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.

Дверь запахнулась, и на пороге остановился высокий человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Человек шагнул в комнату.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. «Так, — подумал он. — Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую фазу. Надо срочно принять меры».

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дому, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столику, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиограмму.

— Отправьте срочно, Майкл, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем это вам понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Перл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла. — Эта работа не по мне.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего, спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Из клетчатки гонят спирт. Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Я не мог выяснить, — сказал Бэла.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что у меня плохие источники информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда немедленно снимайте, либо дайте мне полномочия хватать за шиворот гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа — «красное пугало». Разговаривать со мной никто не желает. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво вертел в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сохнет она после этого или нет. Ведь настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогенном. Тогда эта сволочь, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих обормотов! Да провались они все...

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товарищ, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар...

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

— Это наш корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла.

Юрковский пожал плечами.

— Ну естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла. Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, — с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно. — Я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин, улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос

молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберга сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «Бродвей». Еще не было шести часов, но «Бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Люди расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс покрикивал:

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды с усиками. Теперь сержант Хиггинс пошел впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шестивие замыкал Жилин. Нагловатые с усиками протискивались в первые ряды толпы, перекликаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, они все красные, как томатный сок...

— Они насквозь красные, внутри и снаружи...

— Не верю, хочу посмотреть...

— Посмотри, я тебе мешать не стану...

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну и в компанию же ты попал!

Жилину подставили ножку. Он не обернулся, но стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатými магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распорядитесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался, наконец, до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд с усиками и только за ними, в табачном дыму, хмурые, ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский! — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад...

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да, — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О мистер Барабаш! — сказал он укоризненно. — Неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, вделанный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский проглядел патент, сложил его вчетверо и сунул в карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного трудового законодательства, — небрежно сказал Юрковский. Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, разведал руками. — Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства. — Изумлению мистера Ричардсона не было границ. — Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Дети мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, расстегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревушие молодчики с усиками, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена серых комбинезонов и злобных угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепое, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней...

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штук.

— Каких штук? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать...

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгнить заживо.

— А я говорю вам, что это не ваше проклятое дело! — зарорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— У-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и пригнулся на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высокоом гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, усатые! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу на месте. Я облакаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на ближайшего усатенького, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко шелкнул. Вокруг усатенького мгновенно образовалось пустое пространство. Усатенький побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла линком отшвырнул оружие в угол и повернулся к гангстеру, державшему в объятиях Ричардсона.

— Ты!

Гангстер опустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим типам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оставим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый

космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обыкновенные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, в течение очень долгого времени подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся, осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года надрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего потому, что на Бамберге никогда не соблюдается постановление международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах больше шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки помирают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слушать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров — я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взятчиков кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вмешивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я заработаю, хоть тут все провалится. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь...

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налил кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! — Он снова заговорил нормальным голосом: — Вас здесь, дураков, от силы четыре человека. А нас четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, не понять. Это ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Человечество приняло закон, по которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот

что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безобразий, все равно каких — свехурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то. Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкие представления о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых баб, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа: желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и на спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти вонючие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — За эту плату большое дело не откроешь. Зато работа у вас будет на всю жизнь и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, уж это не наше дело, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя...

— Так всю жизнь и промыкаешься в рабочих...

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду, этого субчика, — он указал на мистера Ричардсона, охлаждающего лоб влажным носовым платком, — этого субчика я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джошуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим зарабатывать? А вы, коммунисты, еще хвастаете, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский. — Коммунисты всем за других рабочих. За рабочих, а не за хозяйчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растяпа! — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяйчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А нервы у вас... э-э... Бэла, действительно... э-э... неважные.

— На меня просто затмение нашло, — виновато сказал Бэла. — А правда, гадкая рожа?

— Нет, почему же? — сказал Жилин. — Очень обходительный человек.

Юрковский брезгливо заметил:

— Вежливый наглец! А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я вернусь, я этим займусь.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта мура...

— Боже мой! — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными, хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях, ни о том, что все люди скоты... Владимир Сергеевич, — умоляюще сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь!

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати, об акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам...

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радисту. Глаза на лоб, морды в мыле... Ой, когда же я отсюда выберусь?..

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте, я посмотрю все протоколы. — Бэла пошел к сейфу. — Кстати, Бэла, может, здесь из кого-нибудь получится хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же? — сказал он. — Может, конечно. Инженеры здесь люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластырями Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро.

Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему открытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. — Я собрал. А то у нас тут народ разный.

— **М**арс, Марс, вас вызывает Земля! Марс!

— Слушаю...

— Здравствуйте, многоуважаемый Марс! Вас беспокоит редакция «Искателя». У нас в первом номере была напечатана беседа с Луной. Теперь подошла ваша очередь.

Из космических далей доносится явственный тяжелый вздох.

— Что такое? Вы, кажется, не очень обрадованы нашей просьбой о коротеньком интервью? Почему?

БЕСЕДА С МАРСОМ

Рисунки В. Стацинского

— Надоело слушать и читать о себе всяческие небылицы. Все началось с имени. Ну за что, спрашивается, древние греки и римляне окрестили меня в честь бога войны? Только за красноватый цвет моей поверхности? С этого и пошло: «Кровавый Марс», «Зловещий Марс»! Моих спутников вы заметили в телескопы только в 1877 году — казалось бы, ваша цивилизация уже достигла определенной зрелости, — а ничего лучше не придумали, как назвать их Фобосом и Деймосом. Страх и Ужас — ничего себе, приятную компанию вы мне устроили...

— Стоит ли обижаться? Зато вас лучше всех из планет знают на Земле.

— Спасибо за такую известность. Многим лишь кажется, что они меня знают. Только услышат мое имя, как начнут восклицать наперебой: «Ах, Марс! Каналы! Аэлиты!» А всем ли известны бесспорные факты, давно установленные учеными? Ну вот вы, например, скажите, насколько мой год длиннее земного?

— Почти в два раза, кажется.

— Кажется... Почти... Разве можно так выражаться сейчас, в век космических скоростей и атомной точности?! Каждому школьнику, мечтающему о межпланетных полетах, пора бы знать, что мои сутки содержат 24 часа 37 минут и 22,4 секунды, а мой год равен 1,88 земного.

— Но ведь это установлено давно, а нас, естественно, больше интересуют ваши загадки. Например...

— Знаю, о чем вы сейчас спросите! Даже пари готов держать. Во время великих противостояний, когда нас разделяет всего каких-то 55 миллионов километров, я читаю этот вопрос на афишах, появляющихся буквально в каждом вашем городе и поселке: «Есть ли жизнь на Марсе?» Верно?

Беседа на миг прерывается, потому что в эфире звучат, с одной стороны, смущенное покашливание нашего корреспондента, а с другой — космический смех.

Кончив смеяться, Марс ехидно произносит:

— В связи с этим у меня есть встречный вопрос к вам, землянам. Почему на многих афишах с этим избитым вопросом нередко приписано: «После лекции — танцы»? Эта проблема меня, признаться, мучает. Или танцы у вас служат особой формой познания? А может, просто без них трудно заманить людей на лекцию, где в сотый раз повторяется то, что всем известно?

— Для этого мы и попросили у вас интервью, дорогой Марс. И понятно, что проблемы жизни на других планетах особенно интересуют людей Земли. Что вы можете рассказать об этом нового?

— О, тут есть очень интересные новости. Как вы знаете, Г. А. Тихов успешно отстаивал гипотезу, предполагающую, что мои так называемые «моря» — это участки, покрытые растительностью. До сих пор главным аргументом противников такой гипотезы были данные спектрографии. Для земных растений характерно обязательное присутствие в спектре поглощения линии хлорофилла и вдобавок сильное увеличение яркости в инфракрасной части спектра. Спектральный анализ моих «морей» ничего подобного не показывал.

Тогда Тихов высказал догадку о том, что моя растительность должна, видимо, сильно отличаться от земной, она способна поглощать инфракрасные лучи, чтобы сберечь тепло, которого у меня так мало. При этом линия хлорофилла в спектрах должна расширяться, и ее трудно заметить при наблюдении с Земли. Тихову и его помощникам удалось даже найти на Земле растения с примерно таким же спект-

ром поглощения, какой получался при исследовании моих «морей»...

— Простите, что я вас перебиваю, но ведь это тоже не ново. Идеи Г. А. Тихова известны во всем мире.

— Верно. Но без этого предисловия нельзя говорить об открытии, которое недавно сделал американский астроном В. Синтон. Наблюдая несколько лет за моими «морями» в инфракрасной области спектра, он получил три интереснейших полосы поглощения, которые, оказывается, имеются в спектрах многих земных растений. Больше того, эти полосы поглощения присущи всем органическим молекулам типа СН! Вы понимаете, что это значит?

— Да. Если раньше данные спектрального анализа служили главным возражением против гипотезы существования жизни на Марсе, то теперь, наоборот, они становятся решающим доказательством этой гипотезы.

— Совершенно правильно.

— Значит, вас можно поздравить, дорогой Марс...

— Меня-то, пожалуй, не с чем, ведь я об этом знал. А вот ваших ученых надо, конечно, поздравить с замечательными открытиями. Число их с каждым годом растет. Изучив множество фотографий, сделанных в разных лучах спектра, харьковские астрономы доказали, что поверхность моих «морей» и «суши» разная. У «суши» она гладкая, а у «морей» — очень неровная.

— Это так же может служить доводом в пользу того, что ваши «морья» покрыты растительностью? И разница температур, кажется, доказывает то же самое?

— Да, сотрудники Харьковской астрономической обсерватории ухитрились поставить градусник моим «морьям» и узнали, что температура в этих местах на 10—15 градусов выше, чем у «суши».

— И это подтверждает окончательно, что ваши «морья» покрыты растительностью, не так ли?

— Да. Теперь исследователи спорят уже о другом: что это за растительность? На основе поляризации отраженного света моих «морей» французский астроном О. Дольфус пришел к выводу, что растительность их должна напоминать земные лишайники. Его поддержал американец Д. Койпер, считающий, что в моем суровом климате вообще не могут выжить растения более высокой организации, чем лишайники и мхи. Но многие исследователи не согласны с этим, потому что у некоторых высших растений на Земле, например у хвойных и лиственных, отражательная способность весьма напоминает ту, которая наблюдается у моих «морей».

— Это очень интересно! И, кажется, ваши марсианские «леса» или «луга» — не знаю, как их лучше назвать, чтобы вас не обидеть, — начинают постепенно расширяться? Еще в 1954 году американский астроном Слейфер заметил новое темное пятно на вашей поверхности...

— Было бы удивительно, если бы его не заметили. Ведь по площади оно почти равно Украине.

— Оно существует вот уже семь лет и год от года становится темнее. Что же это такое — лес, болотистая равнина или, может, обработанное поле?

— Этого я вам не скажу. И не потому, что не хочу. Просто у меня совсем другие природные условия, чем у вас, на Земле. И природные явления, следовательно, иные, не похожие на земные. Я-то знаю, конечно, что из себя представляют мои «моря». Но как назвать их на вашем языке, как объяснить вам, что это такое, с чем сравнить для наглядности из земных явлений, не знаю.

Но вы не огорчайтесь, а лучше следите за ними в свои телескопы. Вы уже подметили, что «моря» явно изменяются по сезонам; в одном месте возникают, в другом постепенно исчезают. Разве это не доказывает, что они живут?

— Итак, на вопрос, есть ли жизнь на Марсе, мы можем твердо отвечать: органическая жизнь есть!

— А почему бы ей не быть? Условия для нее на моей поверхности, прямо скажем, не сахарные: воздух разрежен по сравнению с земным раз в восемь-девять и почти лишен кислорода, температура за сутки скачет от двадцати пяти градусов тепла до семидесяти градусов мороза. Но вы создали такие же условия на Земле и убедились, что они вовсе не убивают жизнь.

— Вы имеете в виду лабораторию?

— Да, в лаборатории. В одной из них создали в камере такие условия, что я бы чувствовал себя как дома. И что же? Оказалось, что при низких давлениях, при температуре минус 70 градусов и влажности всего в полпроцента в почве сохранилось свыше сотни тысяч вполне жизнеспособных микроорганизмов! И самое главное: все эти бактерии очень быстро приспосабливались к большим скачкам температуры, влажности, давления и даже в атмосфере из чистого азота превосходно росли и размножались.

— «Жизнь — явление упорное», — так, кажется, любил говорить Г. А. Тихов...

— И ведь это ваша, земная жизнь. Могут быть организмы и более закаленные. Но поговорим о «суше».

О ней меньше пишут, но в науке чаще идут споры о том, из каких пород состоит моя поверхность. Только недавно французский астроном О. Дольфус, о котором я уже упоминал, опять-таки на основе изучения поляризации света, пришел к выводу, что мои «матерьяки» покрыты измельченными породами типа земных лимонитов.

— А ваши полярные «шапки»? Изучают их давно, но пока исследователи так и не договорились окончательно, что же это такое — снег или застывшая углекислота, вро-

де нашего искусственного льда, каким наполняют свои ящики мороженщицы.

— Чтобы понять это, вам придется сначала хорошенько изучить состав моей атмосферы. Пока вы только узнали, что в ней углекислого газа вдвое больше, чем в земной. А кислорода и водяных паров в тысячу раз меньше, чем в воздухе, которым вы дышите. Это показал спектральный анализ, но точность его сами ваши исследователи ставят под сомнение.

— Значит, в основном ваша атмосфера состоит из азота? Не слишком уютно...

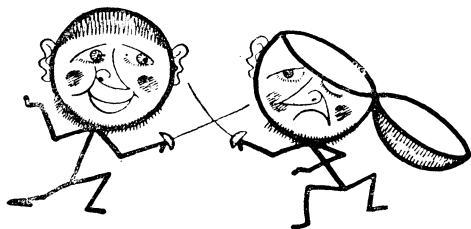
— Зато красиво: красные пустынные равнины, фиолетовое небо, ледяные перистые облака, словно сделанные из стеклянной ваты... Горизонт покажется вам, наверное, непривычно близким. Я ведь почти в полтора раза меньше Земли, поэтому мою шарообразность можно, так сказать, увидеть простым глазом. А как украшают мое небо верные спутники! Особенно резвится Фобос. Он восходит не на востоке, а на западе и движется так быстро, что за сутки успевает дважды обежать вокруг меня!

— Кстати, о ваших спутниках...

— Опять вы за свое.

— Но вы же сами заговорили о них.

— Как о реально существующих небесных телах, и только. А вы ведь, знаю, куда клоните: правда ли, что они полые внутри, а если так, кто их построил... Не был я у них внутри. Они вокруг меня исправно летают, повинаясь законам небесной механики, и с меня этого достаточно. А что у них внутри, разбирайтесь сами!

— Но ведь как раз из-за некоторых странностей в движении ваших спутников и возникли споры. И Фобос и Деймос почему-то имеют такое ускорение, какое несколько противоречит законам небесной механики. Именно поэтому советский ученый И. Шкловский и выдвинул гипотезу, будто ваши спутники полые внутри, а следовательно, искусственного происхождения...

— А другой советский ученый, профессор Н. Парийский, разве не доказал столь же точными расчетами, что особенности движения моих спутников можно объяснить и чисто

природными условиями, — например, приливным взаимодействием со мной?

— Но это справедливо лишь при определенной гипотезе о вашем собственном внутреннем строении, которое также пока не доказано...

— Ага, теперь вы хотите, чтобы я рассказал, что у меня внутри!

— Хорошо, хорошо, оставим это. Со временем мы все равно подвергнем вас «рентгену». А что из себя представляют загадочные фиолетовые туманы, которые, как показали последние исследования, нередко затягивают вашу поверхность, особенно на границе света и тени, в районе так называемого терминатора?

— Вы уже и это заметили? Как вам объяснить... Природное явление.

— Какое именно? В чем оно заключается?

— Я же вам говорил, что природные условия у меня так отличаются от земных, что я не в силах многое объяснить. Могу я иметь свои собственные, неповторимые, для вас совершенно необычные природные явления? Хозяин я в конце концов своей атмосферы или нет?!

— Конечно, конечно, дорогой Марс, не стоит так из-за этого волноваться. Мы очень вам признательны за беседу.

— Как, вы уже все спросили?

— Да, пожалуй, в основном все...

— И вас больше ничего не интересует?

— Как-нибудь в другой раз...

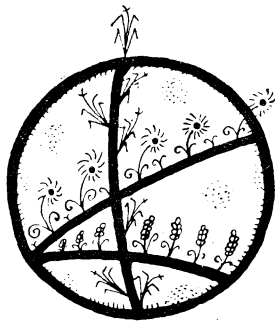
— Да нет, уж спрашивайте до конца. Я же прекрасно вижу, какой вопрос так и вертится у вас на языке. Не стесняйтесь!

— Ну, если вы так любезны... Я боялся, что это вас снова рассердит...

— Про каналы, да? Конечно!.. Без этого вы не можете жить спокойно и мне не даете. Прошло уже почти семьдесят лет, как Скиапарелли впервые высказал мысль, что мои «каналы» — искусственные сооружения, и с тех пор ваши фантасты не унимаются.

А ведь сам Скиапарелли свою статью предусмотрительно начал осторожной фразой: «Раз в году можно безумствовать». Раз в году, так и быть, но нельзя же до бесчувствия!

— Но согласитесь, уважаемый Марс, что если идея так живуча, значит для этого есть основания. И недаром ее подерживали даже такие крупные ученые, как Ловелл, Тихов и другие. За последние годы были замечены и сфотографированы даже совершенно

новые, недавно возникшие «каналы». Они образуют такие аккуратные узоры, что трудно отделаться от мысли, будто это не искусственные сооружения.

— И цвет их меняется по сезонам, словно по ним от полюсов к экватору идет весной вода. Это вы заметили?

— Ну, за настоящие каналы теперь уже никто их не принимает. Но, может быть, это все-таки какие-то искусственные оросительные трубопроводы, проложенные в почве?

— А круглые пятнышки в местах пересечения «каналов» вы хорошо рассмотрели?

— Да, наши астрономы называют их «оазисами». Условно, конечно... Есть ли там города, как предполагают некоторые? Кто в них живет?

— Города... Марсиане... Трубопроводы... Я знаю, кто все это пишет. Кандидат педагогических наук Ф. Зигель, верно? У него даже целая книжка есть — «Загадки Марса»...

— Но он вовсе не одинок, эти гипотезы волнуют многих...

— А яркие вспышки на моей поверхности вы заметили?

— Да, их наблюдают за последние годы нередко. Ослепительные белые точки, внезапно возникающие в разных местах и затухающие через несколько минут, а то и секунд, это вы имеете в виду?

— Как их объясняют ваши ученые?

— Пока, насколько мне известно, никаких правдоподобных объяснений этому странному явлению не найдено. Очень бы хотелось узнать о нем от вас...

— Очень?

— Очень!

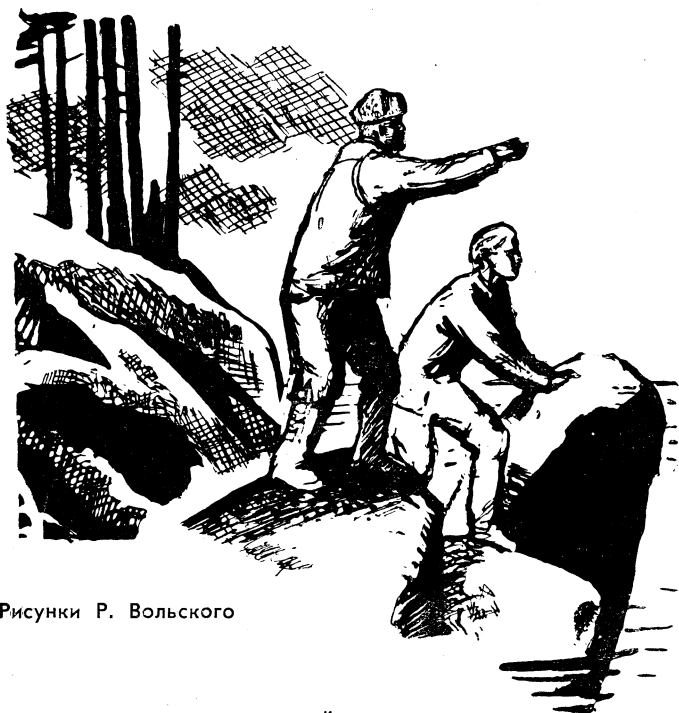
— А я не скажу. Ни про вспышки, ни про спутники, ни про «каналы». Прилетайте сами и посмотрите! Есть «каналы», так искупаются в них, нет — так сами устройте... Добро пожаловать! Честно говоря, я очень жду этого часа. Ведь вы, советские люди, добились громадных успехов в освоении космоса! До меня дошли сведения, что 16 марта и 6 апреля 1962 года запущены новые искусственные спутники Земли. Ученые получают новые сведения о верхних слоях атмосферы и космическом пространстве. Но ведь запуск этих спутников — лишь часть осуществляемой Советским Союзом программы исследования космоса! Я знаю, что для ее выполнения в 1962 году с различных космодромов вашей страны будет произведена серия запусков искусственных спутников Земли. Да, я с нетерпением жду нашей встречи. Напоминаю: в августе 1971 года очередное великое противостояние.

А может быть, вы прилетите пораньше, а?

*Записано
почти со стенографической точностью
Г. ГОЛУБЕВЫМ*

БРОД

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Р. Вольского

НИЙ-ОСТРОВ

В лето 7168-е «от сотворения мира», или в 1660 году, в Онежской губе терпела бедствие добротная, из выдержанной северной сосны лодья «Святой Евстафий». Неделю бушевала по Белому морю моряна. Неделю не могла пробиться лодья к выходу из губы, чтобы доставить святейшего патриарха Никона на Соловки. Плыл Никон искренно раскол среди монастырской братии.

Только недобрую шутку сыграла с ним нелогода: запер ураган «Евстафия» в губе — и ни туда ни сюда. В открытое море не выйти и к берегу не пристать — разобьешься о камни.

К вечеру кормчий заметил торчащий из воды холмик и повел лодью прямо на него. Через час ходу показались малый скалистый островок, поросший соснами. Вокруг него кипели буруны, в одном месте — вроде потише. Туда и направилось судно, сбросив оставшиеся паруса. Влетев

в бухточку, со скрипом врезалось в песчаное дно и остановилось, свалив с ног всю команду. И сразу послышался шум воды, хлынувшей в трюм через проломленное дно.

К берегу добирались на уцелевшей шлюпке.

Оказавшись на суше, патриарх — то ли от безмерной благодарности за свое уже и не чаянное спасение, то ли от безмерной слабости, — вместо того чтобы узнать у сопровождавшего келейника, какой это остров, заплетающимся языком спросил его:

— Кий это остров?

Келейник здесь дотопе не бывал, а моряки обходили опасный мелководный угол Онежской губы и остров предпочитали видеть издали, считая его безымянным.

Чуть отдышавшись, Никон повелел именовать его Кий-островом, а на месте высадки водрузить крест. Был дан также обет построить на острове мужской монастырь и наречь его Крестовоздвиженским.

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Невелик Кий-остров: полкилометра в ширину, полтора в длину. Стать посредине — с обеих сторон море видно. Рядом островок поменьше, отделенный узким проливом — Переймой. В отлив пересыхает она нацело, и перейти ее можно, не замочив ноги.

Из живности только белки, мыши, кроты, да летом прилетает кое-какая птица: чайки, вороны, мелкие лесные пичужки. Зато комарья и мошкары в полном достатке.

Но вот потянулись сюда крестьяне из Онеги, Кянды, Солозера и других окрестных селений, чтобы без платы (за скудные харчи да за «спасение души») ворочать каменные глыбы, иные с кубометр. Камень брали с берега. Передвигали вручную простыми бревнами-рычагами, притесывали одну глыбу к другой плотно, без щелей. Стены выкладывали двухметровой толщины. Строили на века.

Не год и не два шла работа. Не один десяток «добровольных» тружеников сложил тут свои кости. Возвели тяжеловесный одноглавый собор, рядом вытянули высоченную, в пять ярусов колокольную, видную издалека. Вокруг выросли хозяйственные постройки, палаты настоятеля. Все строения обнесли оградой, и родилась еще одна северная обитель — под боком у прославленного Соловецкого монастыря.

В этой-то близости и крылась для новой обители грядущая беда. Весь поток богомольцев шел в обход Кий-острова, прямо на Соловки. Поэтому даже в лучшие годы число монастырской братии не превышало четырех десятков.

Устав был строгий, соловецкий. На Большую землю и в Онегу-город отпускали редко. И не мудрено: некоторые из монахов, что помоложе, озлившиеся и отощавшие на соленой треске да квашеной капусте, все чаще поглядывали на видневшийся в ясные дни берег Онежского края. О прямом послушании не могло быть и речи, баркасы и лод-

ки — наперечет. Стали искать других путей. И, говорят, нашли.

Отпросясь у игумена порыбачить с берега, то один, то другой монах в отлив перебирался Переймой на соседний островок, а через сутки возвращался хоть усталый и с малым уловом, но сытый, а то и под хмельком. Островок же как был, так и оставался необитаемым: ни харчевни, ни тем более шинка на нем не водилось. Секрет, однако, блюли крепко.

Ветер грозного 1917 года долетел и до сурового Онежского края, всколыхнул сонный городишко Онегу и, перемахнув через море, коснулся неподатливых монастырских стен.

К этому времени вся община вместе с игуменом насчитывала двенадцать человек. Остальные, почуяв дыхание времени, покинули монастырь. Обитель доживала последние годы.

ИНТЕРВЕНЦИЯ

Английский эскадренный миноносец «Индефетигбл» бросил якоря в двух милях от острова: ближе не пускало мелководье. Командир и вахтенный начальник, сколько ни напрягали зрение, не могли рассмотреть в морские бинокли хоть какие-нибудь следы оборонительных сооружений. Пегий купол собора со следами позолоты выглядел весьма и весьма мирно. На скале у воды копошилась горсточка людей. Похоже, рыбаки развешивали для просушки сети. Правда, некоторые подозрения вызывала монастырская стена, за которой могло скрываться что угодно.

Командир корабля на всякий случай выкрикнул в бронированную трубку телефона короткое приказание. Через две минуты прокатился глухой удар орудийного выстрела. Где-то за рощей, примыкавшей к ограде, поднялось облако красной кирпичной пыли, донесся звук разрыва. Рыбаков как ветром сдуло. Была отдана команда спускать шлюпки.

Десант в двадцать человек захватил остров без единого ружейного выстрела, о чем в метрополию было сообщено радиогаммой незамедлительно.

Намерения интервентов выяснились довольно скоро: остров должен стать военной базой, запирающей выход из Онежского порта и угрожающей всему побережью. Орудия прицельцев будут держать под прицелом окрестные селения и лесные массивы, легко смогут их поджечь, не давая никакой возможности даже подойти близко к острову.

Для выполнения оборонительных работ десантникам подбросили подразделение морской пехоты, завезли продовольствие, доставили орудия и боеприпасы. Миноносец ушел. На острове был введен гарнизонный режим.

В рыбацком поселке в три двора, приютившемся у края бухты, оставалось семь человек. Лодки у рыбаков конфисковали. Их самих, как и монахов, тут же мобилизовали на земляные работы и дали понять, что всякое неповиновение, а тем более попытка связаться с берегом кончится плохо.

„ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ“

В темной избе рыбака Степана Черных — зажигать огонь строго запрещено — собралось все население рыбацкой слободки: четверо мужчин и три женщины. Ломали голову, как сообщить на берег о случившейся беде.

— Дядь Степан, — послышался из мрака голос племянника Ванюшки. — Слыхал ты, что наши монахи будто через море брод знали? В отлив запросто переходили на землю. Там у них в доме лесника пирушки разные устраивались. Отведут душу — и через сутки с очередным отливом обратно в монастырь, как нигде и не были.

— Слыхал про это, да толку что?

— А место знаешь?

— Дед Антип показывал, может, и нашел бы. А ты к чему гнешь?

— А то, что пройти можно за помощью.

— Не ты ли пойдешь?

— А хоть бы и я.

— Думаешь, лето теперь? Застынешь — и все, да и сбиться легко.

Бабка Семеновна вдруг всплеснула руками и заголосила. За нею — мать. Степан цикнул на них и, помолчав, уже как о решенном, спросил парнишку.

— Без малого верст шесть идти. Одолеешь? Выходить, как стемнеет, часа через два после начала отлива. Тогда поспеешь. Завтра в самый раз будет. Рыбьим жиром натришь погуще.

Мать опять всхлипнула. Степан постучал по столу и, как бы ставя точку, сказал:

— Расходись. Спать пора. Завтра обмозгуем.

ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ ПО МОРЮ

Переиому одолели еще засветло. Степан прошелся раз, другой по скользким каменным откосам, отполированным морем и тысячелетиями, оглянувшись, отсчитал шаги и помянул племянника.

— Вот здесь, — уверенно шепнул он. — Держи так, чтобы вон та сосна как раз за спиной была, а большой валун — точно под ней. Стемнеет совсем — на звезды смотри: небо нынче чистое. Дед сказывал, вода только в середине чуть до пояса не доходит, а дальше опять мелко становится. На берегу подымай народ. В Покровском наши войска стояли. Пусть поспешат, как могут, а то с каждым днем труднее будет. Глядишь, миноносец вот-вот вернется. Передай, что с северной стороны высаживаться нужно. Там и охране не видно и на лодках подойти легче.

Темнело. Узкий гребень уходящей под воду скалы — начало брода — постепенно обнажался. Рыбаки пристроились под нависшим камнем — ждали. Издалека донеслись слабые звуки трубы: играли вечернюю зорю. С моря тянуло

не сильным, но холодным ветерком. Уже заметно пахло ранней северной осенью.

Степан, напряженно вглядываясь в далекий, тонущий в сумерках берег, сказал:

— Пора. Пойдешь — на Полярную звезду чаще посматривай, чтоб была за левым плечом, а потом чуть правее. У того берега не увязни, тины много. В случае чего кричи: там свои, бояться некого.

Они крепко обнялись. Юноша, балансируя, стал спускаться по каменному хребту. Не удержался, поскользнулся на обнажившихся из воды водорослях да так и съехал в лужу, оставленную отошедшим морем.

«Может, так и брод открыли, — мелькнула в голове мысль. — Сама скала нацелила, куда нужно».

Он поднялся, поживаясь под намокшей одеждой, и побрел, оглядываясь на ориентиры. Фигура Степана чуть виднелась на сером фоне камней. В стороне пронзительно кричали чайки, дравшиеся из-за рыбы, что осталась на песке во время отлива.

Каменный гребень кончился, началось плотное песчаное дно. Ваня отыскал Полярную и прибавил шаг. Пройдя около километра, почувствовал под ногами воду. Сначала она не покрывала и щиколоток, потом поднялась выше, подошла к коленкам да так и приостановилась. Идти стало труднее. Стемнело совсем. Ярко, по-осеннему, светили звезды. Не будь их, не сохранить бы и направления.

Прошло уже больше часа. Вода поднялась выше колен, совсем замедлился шаг, и сильно застыли ноги. Ни того, ни другого берега не видно. Вокруг только темная вода и такое же небо. Один человек в темном безмолвии.

«Еще немного — глубже станет, а там и мелеть начнет», — подбадривал себя Ваня. Но уже начинала точить мысль, что взялся за нелегкое дело и что до конца далеко. Хуже всего холод. Мелко и противно застучали зубы. Прошло еще сколько-то времени. Определить сколько, точно не мог. Казалось, если не вечность, то сутки, во всяком случае. Ног своих он не чувствовал, и передвигались они, словно движимые посторонним механизмом. Все, что он еще мог отмечать, доведенный почти до бесчувствия страшным холодом, это уровень воды.

Уже давно пора бы ей понижаться, а она дошла почти до пояса и как будто поднимается выше. Уж не сбился ли он с пути и не идет ли прямо в открытое море?

Юноша оглянулся. Полярная звезда на месте — чуть вправо от плеча. Значит, направление верное. И вдруг страшная мысль словно поразила его:

«Прилив!»

Верно, шел медленнее, чем рассчитывал: отлив кончился, и вода стала прибывать. А ведь берег, должно быть, совсем недалеко. Неужели вот так, не дойдя чуть-чуть, погибнуть? Пробовал плыть, но заоченевшие ноги не слушались, сам едва не захлебнулся. Пошел опять, а вода по грудь, и каждый шаг дается со страшным трудом — вода не пускает.

И вдруг почувствовал, что стали ноги в чем-то путаться, и вспомнил слова дяди Степана: у берега водоросли и тина. Значит, близок конец пути. Послышался легкий шум прибоя: плещется мелкая волна о береговые камни. Несколько тяжелых минут — и ниже стала вода, на фоне звездного неба затемнели берег, опушка леса. Мелькнул меж деревьями огонек. Дно круто поднимается. А сил все меньше и меньше. И он закричал. Слабо, хрипло. Но кто-то услышал. Топот сапог, посыпалась в воду галька. Чья-то рука схватила его за воротник и вытащила.

СЕВЕРНЫЙ ПЕРЕКОП

В настоятельских покоях у стола, освещенного тусклой керосиновой лампочкой, сидел за картой капитан Картер, командующий отрядом интервентов.

На схеме укреплений условными цветами нанесены уже готовые и только намеченные к постройке сооружения. Последних значительно больше. Этим и объяснялось крайне озабоченное выражение лица капитана. Своих сил явно недостаточно, подкрепления не дают, а от дюжины старых монахов и рыбаков (в отчетах они назывались «мобилизованным гражданским населением») толку мало.

Картер досадливо передернул плечами и потянулся к банке с табаком. В сенях послышался шум, что-то мягкое свалилось на пол.

— Что там у вас, Перкинс? — окликнул он вестового.

Дверь распахнулась. На пороге стоял человек в остроконечном шлеме и коротком полущубке, перехваченном ремнем. Он крикнул что-то — явно приказание, которого Картер не понял. Под дулом наведенного на него карабина капитан встал и поднял руки. Жестом ему предложили выйти из комнаты. В полутемных сенях на полу заметил фигуру вестового с мешком, обмотанным вокруг головы. Стоя на крыльце, Картер увидел группу своих матросов, окруженных красноармейцами. Где-то за собором, в казармах морской пехоты, защелкали одиночные выстрелы.

...Разбежавшиеся во время ночной тревоги монахи поутру увидели укрепленный на обломке антенны в верхнем пролете колокольни весело развевающийся красный флажок.

Т. ТИХОВА

ВЕТЕР В ГОРАХ

Рисунки П. Павлинова

Меня разбудил холод. Даже в пуховом спальном мешке заоченели ноги. Я зажгла электрический фонарь: часы показывали шесть утра, термометр — десять градусов мороза. Значит, снаружи палатки не менее пятнадцати. И это середина сентября в солнечном Таджикистане! Давала себя знать высота: мы работали на Дарвазском хребте... Было это в 1950 году, наш отряд проводил геологическую съемку района.

Откинув клапан, я заглянула в затянутое прозрачной пластмассой оконце. Ледник Ордебар покрыт волнами морозного тумана. Вблизи еле проступают нагромождения каменных глыб боковой морены. Хотя солнце еще далеко за перевалом, уже слегка розовеют, словно медленно накаляясь изнутри, грани снежных вершин...

Настороженную предрассветную тишину нарушают удары топора: наш повар Алимджан рубит сухие ветви горного кипариса — арчи. Затем раздается переливчатое «ур-р-ру» горного индюка — улара. В камнях морены пискнул рыжий солонгой — памирский родственник хорька. Но еще молчат — попрятались от холода — болтливые и горлассые каменные куропатки — кеклики.

Завтрак поспеет через полчаса, можно еще немного вздремнуть. Но уснуть мешает смутное беспокойство. Что-то надо вспомнить... Но что именно?.. А-а, письмо! Письмо с пограничной заставы, которое привезли вчера вечером вместе с почтовым голубем для ответа. Просили сообщить, не видел ли кто из нас — ведь геологи бродят повсюду — двух незнакомцев: одного — старого, седобородого, другого — помоложе. Дальше шло подробное описание: начальник заставы в совершенстве владел искусством словесного портрета.

«Следует обратить особое внимание на глаза младшего: желтовато-зеленые, как у снежного барса, с застывшим, очень жестоким выражением».

«В пустынных горах Дарваза людей очень мало, всех знаешь наперечет, — задумалась я. — Но глаза? Где я видела именно такие?» И вдруг вспомнила.

Это было весной, когда наш отряд только приехал в горы. Кончилась автомобильная дорога. На геологической базе мы перегрузили экспедиционное имущество на лошадей и ишаков и двинулись по тропе вверх. Вдали сияли снежные вершины — легкие, невесомые.

Караван шагал очень медленно. Я пошла вперед. Легкий ветер умерял жар огневых лучей. Он нес снежную прохладу фирновых полей, медвяный запах донника и нежную горечь полыни. Я брела как во сне...

Поворот тропы — и долина, которую окаймляли изглоданные временем скалы, превратилась в сумрачное ущелье. К нависшей скале прижался тяжелый каменный куб без окон. Его плоскую кровлю венчало полушарие купола. Пустыми глазницами смотрели на меня черепа архаров с огромными крутыми рогами — украшение шершавых стен. На шестах висели конские хвосты. Длинные обрывки выгоревших тканей едва шевелились на куестах от слабого ветра.

Это был мазар — усыпальница местного святого.

Сквозь шум потока, бежавшего по дну ущелья, мне послышалось невнятное бормотание, оно доносилось из темного отверстия — входа. Заглянув туда, я от неожиданности отпрянула. Перед надгробным камнем лежал человек. Когда я привыкла к полумраку, я различила в глубине мазара еще две темные фигуры. На меня уставились глаза — желтовато-зеленые, холодные, жестокие. Поминутно оглядываясь, я двинулась по тропе дальше. И долго еще щемящее чувство необъяснимого страха не покидало меня.

Слева открылась обширная треугольная площадка, зеленевшая ячменными всходами. На дальней ее стороне приоткрылось несколько кибиток, слеplенных из неровных каменных глыб.

Горы уже бросали косые тени. Вечер должен был мгновенно смениться южной ночью. Идти назад, навстречу отставшему каравану? Ишаки — животные медлительные и упрямые: кто знает, где их захватит темнота? Лучше переночевать в кишлаке.

Так я и сделала. В кибитке, куда я вошла, такой же древней, как и мазар, бросились в глаза пирамида расписных сундуков и очаг из крупных сланцевых плит. Вслед за мной зыбкой походкой вошла женщина в длинном сером балахоне. Она посте-

лила на пол кошму. Полевая сумка под голову — и я мгновенно уснула.

Среди ночи меня разбудило глухое ворчание. В очаге пылали кривые ветви арчи. Перед огнем, поджав ноги, сидел древний старик. Его протянутые к огню руки дрожали. Отсветы пламени причудливо играли на редкой бородке и в глубоких, словно трещины, морщинах. Вскоре старец встал, вынул из верхнего сундука ковер — намазлык, разложил его и начал молиться. Я узнала богомольца из мазара.

Я просыпалась несколько раз, но дед все не ложился спать.

Утром, выйдя из кибитки, я заметила, что старец — уже в новом, полосатом халате — принимает гостей в крытой террасе, примыкавшей к строению.

На ковре стояли цветастые чайники и расписное блюдо с пловом. От него шел пряный запах горного тмина — зыры. Рядом с хозяином сидели два гостя в больших, словно плоские тыквы, чалмах. Старший держал тонкую пиалу с кок-чаем и что-то важно говорил. Наклонив голову и прижав руку к сердцу, хозяин почтительно слушал.

Гость помоложе поглаживал пальцами темную бороду. Конец ее по традиции был окрашен в огненно-рыжий цвет.

Уже пройдя мимо террасы, я обернулась. Крашенная Борода полоснул по мне холодными, светлыми глазами — глазами снежного барса; это они сверкнули накануне из глубины мазара.

Четыре с лишним месяца протекло с тех пор. Ночевка в кишлаке забылась, словно причудливый завиток старинного орнамента. Но сейчас та мимолетная встреча приобретала особую значительность. Я снова перечитала письмо.

Стало как-то неприятно и тревожно. Ведь наш отряд — горсточка людей, затерянная среди необъятных памирских гор. Днем в лагере остается один старик повар. С ним справится любой, а сейф — несгораемую шкатулку — увезет без особого труда. В ней — карты, результаты наших трудов. За это время мы, геологи, нашли немало ценного. Горы вокруг Ордебара перестали быть бесполезным нагромождением скал.

* * *

Я вышла из палатки. Нигде ни дерева, ни куста, ни клочка зелени: лед, снег, обломки скал.

«Начинаем урок утренней гимнастики», — прозвучало по радио. Под горными ботинками зашуршали камни: невысокий, голый по пояс крепыш, наш рабочий Федя Смоленков, делал зарядку.

— Хозяин, завтрак скоро? — прозвенел голос из палатки. Вышла девушка в стеганой куртке и брюках, с румяным, смуглым от горного солнца лицом. Из-под вышитой тюбетейки свисало бесчисленное количество тонких и длинных темно-русых косичек. Это была геолог Наташа Иванова.

— Через лыпо-ошки! — ко всеобщему удовольствию, протяжно крикнул Алимджан.

Около повара вертелся Тюнька — дворняга с густой и жесткой шерстью. На его плоской заросшей морде доверчиво светились умные карие глаза.

Солнце поднялось над перевалом, в воздухе потеплело. Ирядно промерзшие, мы уселись на камнях вокруг очага.

На сковородке шипела и слегка подпрыгивали пшеничные лепешки.

Съели по одной — ай да Алимджан-ака!¹ Принялись за вторые — ай да хозяин!

— Если погода не помешает, дня через три закончим работу, спустимся в долину, — сказала я говарищам.

Где-то наверху послышался нарастающий шорох: с пика Алмаз катился большой камень. Вот он оторвался от крутого склона и понесся гигантскими прыжками прямо на лагерь. Мы рассыпались в разные стороны. Долежит или нет? Ударившись последний раз о скалу, обломок, замедляя ход, затерялся среди каменного хаоса морены.

На Памире мы привыкли и не к таким сюрпризам. И все же у меня промелькнула мысль о подозрительных незнакомцах. Взяв бинокль, внимательно осмотрела предательский склон. Никого! Затем перевела взгляд на горы: необходимо наметить последние маршруты. А вдруг пропустили что-либо интересное?

* * *

Тюнька оторвался от своей миски и с визгом бросился вниз. Вскоре показался наш караванщик Володя Широких. За ним, осторожно выбирая дорогу, ступала сильно навьюченная гнедая Дона — подтянутая, с тонкими ногами, сторожкими ушами и волнистой гривой.

За нею флегматично вышагивали жеребец Серый и трое ишаков.

— Где Карымов? — спросила я.

Безнадежно махнув рукой, Володя щелкнул себя согнутым пальцем по горлу.

— Абдурахман — пьянчик! — скорбно покачал головой Алимджан.

Абдурахман Карымов был несчастьем нашего дружного отряда.

— Заночевали мы в Мын-Тэке, — заговорил Володя, сдвигая свой кашгарский колпак с затылка на лоб. — Знаете, тот кишлак возле мазара. Я, понятно, все выюки обыскал, чтобы Карымов, чего доброго, не напился. Водки не было, а к утру он и лыка не вязал. Что за притча? Не Абдул же Каюм его напоил!

— Абдул-Каюм? По кличке «снежный барс»? — спросила я. — Разве он в этом кишлаке живет?

— Ну да, испокон века в Мын-Тэке. Кстати, какие-то двое у него гостуют. Оба нездешние, я их видел впервой. Один аксакал — белая борода, вроде на афганца смахивает. А другой не разбери поймешь: рожа темная, борода крашеная, а глаза светлые.

...Через несколько минут почтовый голубь понес мой ответ на пограничную заставу.

Мы стали готовиться к походу. Лупа, горный компас, пластинка неглазурованного фарфора — бисквита для определения твер-

¹ Ака — друг (тадж.); приставка вежливости, дань уважения.

дости пород, молоток, бинокль и записная книжка в порядке. Надеты широкополые шляпы, подбородки и носы смазаны цинковой мазью: днем солнце обжигало кожу до язв. Стеганные костюмы туго подпоясаны, на ногах толстые шерстяные носки и тяжелые горные ботинки на шипах — триконях. В карманах — таблетки глюкозы, кусок шоколада, горсть ореховых ядрышек и немного печенья: легкий, но питательный второй завтрак, точнее — обед, альпиниста. Осталось только защитные очки надеть.

«Как быть с геологическими материалами?» Раньше и в голову не пришла бы такая мысль, но теперь совсем другое дело.

Сложив записки, эскизы и планы во вьючный сундук — ягтан, мы отнесли его вместе с несгораемой шкатулкой в тайник — узкую пещеру в одном из ближних утесов. Вход завалили такими тяжелыми глыбами, что еле впятером их ворочали.

Проверив пистолет, я и Федя отправились в очередной маршрут. Наташа с Володей пошли в другую сторону. Алимджан, сев на Серого, погнал Дону и ишаков вниз, на сочные пастбища.

* * *

...Раз-два — плавный вдох. Три-четыре — медленно выдыхаем разреженный воздух. Неторопливым, размеренным шагом альпинистов поднимаемся все выше и выше. Ловим-хватаем ртом летучий воздух, а измученным легким все мало. И сердце порою словно вертится волчком: вот-вот выпрыгнет! На шум в ушах и боль в темени не обращаем внимания.

В этот день мы забрались очень высоко.

Еще недавно безжизненная красота гор наполняла меня трепетным восторгом. Теперь титанические картины не радовали, а только раздражали.

— Гляньте! Паша база! — воскликнул Федя. — Виноград поспел, дыни, тепло там...

Кинув беглый взгляд вниз, где язык ледника распадался на сверкающие, цвета морской воды глыбы, я стала вглядываться в долину. Чуть пониже блестящих льдин разлеглась буровато-красная дуга конечной морены с сизыми провалами теней между обломками утесов. Далеко в глубине долины нежно зеленеют альпийские пастбища с пятнами арчи. В одной из складок вздыбленного горизонта только угадывается благодатный кишлак Чондаш. Там машины на полях, автомобили снуют по горной дороге. Там, среди садов и виноградников, наша база.

«Все высокогорные отряды едут домой», — подумала я с горькой завистью, словно позабыв, что и мы не сегодня-завтра тронемся в обратный путь.

Прикрыв глаза, я отчетливо представила себе возвращение.

...Обогнав караван, еду на красавице Доне. При виде первых же цветов синей горечавки у ручья сразу забываю горную меланхолию — тутэк.

Вот и база. Лошадь сразу же останавливается, фыркает, выдувает в обе ноздри всю усталость и больше не шелохнется.

На дворе, обнесенном глинобитным дувалом, царит приподнято веселая суета. Тут пружат на машины тюки, перекладывают

из вьюков в ящики каменные образцы и снаряжение — с прибавками, пеннем, болтовней. Кажется, что люди заряжены смехом: он вспыхивает от самой немудрящей шутки.

— Да вы никак уснули, Валентина Николаевна? — прерывает мои видения хрипловатый голос Федора.

Мгновенно исчезают картины, так отчетливо виденные мной. Кругом только лед, снег и камень, будь они трижды неладны!

Федя одолевает меня вопросами. Он многое хочет знать и, главное, все сразу. Что такое морена? (Вначале он звал ее марьяной.) Как образовались горы? Каким образом определяют возраст горных пород? Откуда взялись в жилах рудные минералы?

...С утра небольшие пушистые облака, словно потерянные пастухом белые ягнята, лениво бродили по небу. Теперь они кучились, сбивались в плотную небесную отару. И дышать становилось все труднее. Даже мое здоровое сердце начало сильно покалывать.

А тучи клубились все сильнее, чернели, угрожали, пока не захватили мохнатыми щупальцами солнце, ставшее вдруг беззащитным

— Подрожим вдоволь, — уныло констатировал Федя, натягивая поверх ватника тонкую брезентовую штормовку.

Между тем облака спустились совсем низко, пронизали нас мозглям, до костей проникшим гуманом, а затем стали побрызгивать крупным ледяным дождем. Как назло, путь наш пролегал по скользкому фирновому полю с острыми, словно иглы, ропками.

«Здесь и шею сломать недолго!» — подумала я, осторожно выбирая дорогу.

Послышалось испуганное «ой!».

Противоположный склон долины Ордебара обрезан на половине хлопьями тучи. По крутым расщелинам утесов несутся обезумевшие потоки воды. В самой гуще облака слышна глухая канонада. И вдруг из-под рыхлой белой пелены выскакивает опромный пестрый светящийся шар. Прыгая со скалы на скалу, он устремляется вниз. Ускоряя свой бег, или, точнее, полет, гигантское ядро с сокрушительным грохотом разрывается. Огромная площадь ледника мгновенно покрывается глыбами льда, обломками скал, бурой смесью воды со снегом.

Мы оцепенели. Растянув побелевшие губы в насильственной улыбке, Федя чуть слышно выдохнул:

— Попадись на пути такому — мокрого места не останется! Силь* — не силь...

Немного отдышавшись, я сказала:

— Похоже, что это шаровая молния...

Закончить мне не удалось: показалось, небо разламывается от огненных зигзагов. Закручиваясь спиралью, облака перелетали бешеными змеями через Ордебар, затем поднимались кверху и сваливались за перевал. Через несколько минут появились синие просветы, окаймленные рваными кромками туч.

...Еще десяток записей высотных отметок, две пробы из руд-

¹ Силь — кратковременный, огромной разрушительной силы грязекаменный поток. Он случается в горах после ливней. Сили несут глыбы льда и обломки скал. Бывали случаи, когда сили сметали целые селения.

ных жил — и домой: корогать морозную ночь на обледенелом склоне — не велика радость!

— Поедем? — спросил Федя, указывая на насыпь под нами.

Я оседлала длинную рукоятку геологического молотка и, вытянув вперед ноги, «поплыла» вниз вместе с потоком камней...

* * *

Из маршрута мы возвратились поздно. Лимонно-желтый закат больших высот уже позеленел. Отсвет зашедшего солнца догорал фиолетовым клином на восточной грани Арганкуны. Тюнька встретил нас далеко от лагеря. Казалось, пес хотел поведать что-то очень важное. Потявкивая, повизгивая и поминутно оглядываясь, он затрусил домой.

Зайдя к себе, я сразу же почувствовала слабый запах трубчатого табака. При свете карманного фонарика заметила, что кто-то здесь хозяйничал, правда очень осторожно. Книжки на ягтани сложены аккуратной стопкой, но «Минералогия силикатов» оказалась почему-то наверху. Меховые гуфли задвинуты под раскладушку несколько глубже обычного...

— Гости лихие у нас побывали! — крикнул Федя, откидывая полу моей палатки. — Тюньку пырнули.

Он приподнял ухо пса: в свете костра стал виден длинный порез.

«Хорошо, что мы так основательно запрятали карты», — пораздовалась я, смазывая собаке рану стрептоцидовой мазью.

...Собрались в палатке-столовой. Алимджан подал блюдо с пловом: рыхлый, распаренный рис, куски молодой баранины, тончайшие полоски моркови, кружки поджаренного лука.

— Вернулся Карымов? — поинтересовалась я.

Поваркивнул.

— Где же он?

— Спать лежи...

Чем еще порадует нас Алимджан-ака? Под аплодисменты он торжественно вносит привезенную с утренним караваном дыню. ...Мы сидим в палатке.

После напряженного рабочего дня и роскошного ужина всех разморило. Поджав ноги калачиком, Федя заводит очередную сказку:

— Живет царевна Наташа в ледяном тереме на Ордебаре. Сидит она, пригорюнившись, у окошечка, вдаль глядит, пряником печатным закусывает. Красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать: на глазах защитные очки, нос цинковой мазью оштукатурен, сама черная-пречерная, горным солнцем обожжена, да и неделю, поди, не умывалась. Волосы русые в сорок косичек на таджикский манер заплетены крепко, на целый месяц! А на лбу вместо звезды синяк горит!

— Вношу фактические поправки! — весело перебивает Наташа. — Умывается царевна каждый день, косички заплетает, — она беспомощно развела руками, — сознаюсь, только раз в неделю, а синяк давно прошел.

— Не любо — не слушай, а врать не мешай! — невозмутимо продолжает Федя. — Вот подъезжает к терему на сером ишаке королевич Федя. Шляпа перьями изукрашена, шипы на ботин-

ках, ровно серебро, горят. Лицо у красавца как луна полная: рот до ушей, нос пуговицей, глазки махонькие, серенькие, в масть ишаку. Наклонился он и шепнул в длинное мохнатое ухо: «Выручай, друг серый!» Взвился ишак чуть повыше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего, и поцеловал королевич Федя царевну Наташу прямо в уста сахарные! И цинковой мазью весь перепачкался! — с унылой серьезностью уточняет рассказчик.

Долго не умолкает взрыв дружного смеха. В палатке гепло, уютно.

Чего-чего только не наплел Федя! Володя Широких летал на змее по всем правилам высшего пилотажа: «Разбежался Горыныч по бетонной дорожке, оторвался от земли, лег на курс, спикировал и благополучно приземлился!» Алимджан-ака раскладывал скатерть-самобранку, а пьяный Абдурахман в деже с опарой тонул...

Жалко было расходиться спать. Когда Володя стал расстегивать палатку, рука его осветилась: на концах пальцев загорелись фиолетовые огни. Такие же языки холодного пламени бесшумно глели на остриях палаточных стоек и выступах скал. Это были огни святого Эльма, электрические разряды, которые появляются на верхушках мачт и концах рей перед штормом.

«Как бы погода не преподнесла нам сюрприз», — подумала я с опаской.

* * *

Огни святого Эльма не обманули нас! Утром с перевала понесли плотные вихри колючего снега с осколками льда. По склонам катились сорванные ураганом обломки утесов. Общими усилиями мы соорудили из камней высокий защитный вал. В палатках на всякий случай переставили ягтаны к стенкам, обращенным к пику Алмаз.

С трудом извлекли из тайника геологические материалы: отсекая головой и плечом резиново-плотный воздух, задыхаясь от снежной каши, забивавшей нам рот, нос и глаза, мы змеями ползли к пещере и обратно.

Сварить пищу не удалось — задувало огонь в очаге. К тому же неожиданно расхворался повар: его терзали колики.

Около Алимджана установили дежурство.

На другой день буря разыгралась еще сильнее. У меня в палатке мы уточняли с Наташей большую геологическую карту — результат кропотливого четырехмесячного труда. Цифры и значки оживали, приобретали плоть и кровь. Прихотливая закорючка с цифрой 182 — это рудная жила, пониже которой несколько недель назад мы едва не были сметены лавиной. А значок, похожий на мохнатую гусеницу, запомнится моей мощнице до конца жизни: здесь она сорвалась с обрыва. Если бы не силач Володя — он схватил ее на лету за пояс, — не сидеть бы Наташе сейчас здесь! На стыке гранитов и сланцевой свиты — целая семья богатых рудных жил. И по всему листу значки, значки...

Вдруг ужасающий порыв ветра рванул палатку, она накренилась. С треском отлетели застежки. Ворвавшийся ветер закрутил развернутый лист и стремительно вынес его из палатки. С пронзительным криком: «Карта!» — мы бросились вслед за летящим,

словно парус, большим белым ватманом. Из соседней палатки выскочили Смоленков и Широких. Не разбирая дороги, они помчались за нами. Сзади трусил Абдурахман. Но как мы ни бежали, лист уносило ураганом все дальше и дальше, пока он не скрылся с глаз.

Вдруг Володя куда-то исчез.

— Провалился!

— Вот он! — радостно завопил Федя.

У наших ног зияла глубокая трещина. Метрах в двух от поверхности висел Володя. Раскинув руки и ноги буквой «икс», он уперся в противоположные стены трещины. Поднятое вверх лицо его стало багровым от натуги.

— Держись! Крепись! Сейчас вытащим! — кричали мы.

Связав руками ватники, подергали проймы — выдержат ли? — и спустили вниз.

Все напряженно следили за Володей. Не торопясь он осторожно нащупывал то правой, то левой ногой выступы на почти гладких стенах. Затем огорвал руки и ухватился за ватник.

— Колодцы... случалось... копали... — говорил Широких отрывисто, уже сидя на краю трещины. — Когда... падаешь... первое дело... руки-ноги... раскинуть...

— Твое счастье! — сказала Наташа, прижимаясь к его широкой спине. — Вынес бы тебя ледник на конечную морену лет этак через тридцать.

А как с картой? И за три шага ничего не разглядишь в крутящейся мгле.

— Никуда не денется! — сказал Федя. Его бодрый голос как-то плохо вязался с растерянным выражением лица. — Завтра всем гамузом искать пойдем...

Несмотря на страшную усталость, в этот вечер я долго не могла уснуть. В голове вихрем кружились тревожные мысли. Найдем ли карту? Если нет, успеем ли сделать новую? И что с Алимджаном?

* * *

Утро наступило ясное, холодное и тихое. Когда мы отправились на поиски карты, снег весело играл желтыми, зелеными и малиновыми искрами, а на душе скребли кошки: такое близкое, почти осязаемое возвращение откладывалось на неопределенный срок. Впереди, прощупывая длинной палкой снег, вышагивал Федя с Тюнькой на поводке. Собаку опоясывала старая ватная штанина.

Вдруг шест глубоко провалился в мягкий покров.

— Трещина! — крикнул Федя. — Задний ход!

Откинувшись назад, он старался концом палки определить ледяной край. Потом улегся на бок и стал подрезать снег. С глухим уханьем рыхлая перемычка ринулась в предательскую расщелину. Над провалом за клубилась морозная пыль.

Сняв с плеча свернутую кольцом веревку, Федя продел ее конец под Тюнькин пояс и стал спускать пса в трещину. Повиснув между ледяными стенами, собака так спокойно посмотрела вверх, словно хотела сказать: «Все сделаю!» — и слегка крутанула коротким хвостом. (Еще в палатке я дала Тюньке понюхать планшеты.)

Почувствовав под лапами твердую почву, пес энергично потя-

нул веревку, раскидывая брудастой мордой вихри легких снежинок. «Обследовав» расщелину от края до края, Тюнька оставился. Федя поднял его наверх. Отряхнувшись, собака побежала дальше, туда, где Володя с Карымовым успели обрушить еще несколько хрупких снежных мостов. Много трещин обшарили мы в тот день, но карту так и не нашли.

Поеживаясь от холода, я взглянула на прорезь в палатке: сукно около застежек покрылось белым мхом изморози.

— Зима-то надвигается. Найдем мы карту или нет, неизвестно. Надо рассчитывать на худшее. Значит, необходимо построить работу так, чтобы сделать новую в самые сжатые сроки.

— А искать улетевшую, — подсказала Наташа, — может Карымов один. Тюнька все понял, опускать же и поднимать его на веревке — небольшая хитрость!

— Распределим работу так, — предложила я, взглядываясь в озабоченные лица моих помощников. — С тобой, Наташа, мы будем чередоваться: одна пойдет с Володиной в проверочный маршрут, другая будет восстанавливать карту по записным книжкам. Заодно и за Алимджаном присмотрит. А Федю...

Моя краткая заминка, наверное, показалась ему вечностью. Хотя парень отличался въедливой любознательностью и отличной памятью, окончил он всего четыре класса.

— Я думаю посылать тебя в самостоятельные маршруты.

Федя шумно вздохнул.

— Любое поручение дайте — выполню!

...Еще звезды не погасли в побледневшем небе, когда Наташа с Володей ушли в очередной маршрут. Вскоре в палатку ко мне осторожно заглянул Федор.

— Знаешь скалу Беркут, повыше конечной морены? Снимешь ее глазомерно в сотом масштабе, а затем жилами займешься, на скале которые. Определишь элементы залегания вмещающих пород, сделаешь промеры, зарисовки, возьмешь образцы и пробы. Ясно?

— Так точно! — Козырнув по-военному, Федя отправился в свой первый самостоятельный маршрут. Карымов пошел с Тюнькой искать карту. Захватив пикетажные книжки и лист ватмана с заново начатой картой, я устроилась около больного.

* * *

Трудные наступили дни. Все забыли то время, когда отдыхали, балагурили. Работа до полного изнеможения, только работа! Вечерние трапезы — обед и ужин вместе — стали отвратительны: стряпать никто из нас толком не умел. А наш кормилец, всеми любимый Алимджан-ака, лежал пластом. От усталости валились с ног, не замечали, какую бурду едим: засыпали, буквально не донеся ложки до рта. Зато погода благоприятствовала нам: дожди прекратились, стоял снег. Каждый день прибавлялись новые значки на карте.

Однажды утром — не прошло и часа, как пес потрусил за Карымовым — Тюнька примчался назад. Рыча, повизгивая и коротко лая, Тюнька толкал меня головой и смотрел умоляюще: он явно хотел что-то сообщить. Несмотря на все уговоры, обычно послушный Тюнька «отказался» снова идти на поиски карты.

Косматый пес-беспризорник привязался ко мне всей своей не знавшей ласки собачьей душой. К остальным он относился добродушно и даже привегливо. Недолголюбивал одного Карымова. Тот всегда норовил пнуть собаку ногой, ударить побольнее. Теперь Тюнька окончательно возненавидел Абдурахмана. При виде его одутловатого, рябого лица собака начинала угрожающе рычать, шерсть на загривке становилась дыбом, верхняя губа приоткрывала крепкие клыки.

К вечеру того дня, когда пес прибежал в лагерь, собралась гроза и начался ливень. Сокрушительный силь прошел по морене метрах в ста от палаток! Ледник превратился в широкую желто-бурую реку, с грохотом катившую обломки скал и ледяные глыбы.

Теперь уже нечего и думать о поисках пропавшей карты: ее обрывки навек похоронены под камнями в одной из ледниковых трещин. Со следующего дня Абдурахман начал ходить в маршруты с Феей. Но где тонко, там и рвется: оказалось, что кончились и продукты и дрова. Что делать? Пришлось оторвать от работы Володю и Карымова.

Широких развил бешеные гемпы! Через тридцать часов груженные ишаки и лошади подошли к лагерю. Сзади, еле передвигая ноги, плелся Карымов. И опять навеселе. Он даже не помог развьючить животных — сразу завалился спать.

* * *

На пятый день болезни Алимджану стало совсем плохо.

«Кому ехать за врачом? — прикидывала я. — Карымов ненадежен. Самой? Или Наташу послать? Не успеем восстановить карту. Федю или Володю? Ребята и так почти не спят».

— Разрешите войти! — в прорезь палатки просунулось лицо — луна. — Отпустите за врачом, я быстро обернусь!

Через минуту Федя уже сбегал вниз по извилистой тропе между камнями морены.

На цыпочках вошла я в палатку к больному. Его желтое лицо исхудало, нос заострился, а веки сделались похожими на сероватые пленки, которыми птицы прикрывают глаза. Наташа грела на спиртовке воду. В ее взгляде сквозила растерянность.

...Под утро, когда сумерки стали едва просачиваться сквозь оконце палатки, повар уснул спокойно, в первый раз за все тревожное и мучительное время болезни.

Я тоже прикорнула в углу. Разбудил меня Федя.

— Сегодня из Новабада выедет врач, — сказал он прерывающимся голосом. Было ясно, что весь путь вверх по крутой долине Ордебара он проделал без отдыха.

* * *

— Сильное отравление... Сейчас трудно определить чем. Но опасность позади, — сказал доктор Султан Бакиев, укладывая в сумку шприц. — Хорошее питание — и через неделю ходить будет.

Пока Бакиев осмагривал Алимджана, все собрались вокруг палатки. Меня поразил Абдурахман: лицо его посерело, нижняя губа отвисла, а левое веко дергалось, словно от тика.

Он никогда не вызывал во мне восторга. Но сейчас я подумала: не такой уж он плохой человек, если переживает чужую беду, как свою собственную.

— Я опоздал, — рассказывал доктор Бакиев за обедом, — потому что застала ночь. Остановились в Мын-Тэке. Получилось очень удачно. Я давно получил письмо от Академии медицинских наук с просьбой осмотреть Абдул-Каюма.

— Зачем? — удивился Володя. — Дед как дед!

— Не совсем, — засмеялся Бакиев. — Как думаеги, сколько ему лет?

— Восемьдесят пять?

— Девяносто?

— Девяносто пять?

— Его старшему сыну девяносто восемь! — огородил нас доктор. — В сто лет Абдул-Каюм первым джигитом здесь был.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Наташа. — Не двести же ему?

— Конечно, нет! Всего сто шестнадцать!

Федя только присвистнул.

Как мы поняли из дальнейшего, в маленьком горном кишлаке приезде врача обрадовались все: к нему потянулись и больные и здоровые. Под конец пришла Сарвар, правнучка старца.

— Она сообщила, — продолжал Бакиев, — что дед с ума со-

шел. Дни и ночи сидят на запоре в кибитке для гостей. Пошел я к нему, говорю через дверь, что лечить его приехал. Крик поднял такой, будто его резать собираются. Перед отъездом Сарвар показала мне Абдул-Каюма через окно. Он сидел на корточках перед открытым сундуком и быстро-быстро что-то бормотал.

...Алимджан начал поправляться. Карта наша восстанавливалась. Но день ото дня становилось холоднее. Еще один буран — и все покроется глубоким снегом до будущего лета: план будет сорван.

«Как быть?» — не раз думала я. И вдруг пришло верное решение. Высокогорные огряды заканчивают работу и стягиваются на базу. Геологи — народ дружный: они не откажут нам в помощи!

Я спустилась вниз, на альпийские луга, где паслась Дона. Ласковая кобылица потянулась мягкими губами к моим рукам: хлеба просила.

Спустя несколько минут она уже несла меня на геологическую базу Чондаш. Сзади бежал Тюнька. Вскоре Ордебар влился в ущелье бурного Чондаша. Узкая дорога-карниз врезалась в разноцветные скалы. Мое правое колено временами задевало каменную стену. Слева — пропасть. Где-то далеко внизу ревел горный поток.

Стараясь не смотреть вниз (заходило сердце и начинало поташнивать), я целиком доверилась умнице Доне. Опустив голову, она внимательно выбирала дорогу и, ни разу не споткнувшись, уверенно ступала на тропу. Местами тропа переходила в овринг. Сверху то и дело летели камни. Оторвавшись от утесов, они описывали крутую траекторию над моей головой и падали в реку. Но вот дорога пошла вниз. Подгибая задние ноги и осторожно опираясь на передние, лошадь почти сползала в узкую поперечную долину. Вдруг невдалеке прогремело, словно выстрел. Эхо, постепенно слабей, несколько раз отдалось от каменных стен. Дона, еще сильнее осев на задние ноги, запрядала ушами. Соскочив под брюхо лошади, я осторожно проползла вперед. У входа в поперечную долину лежал, наполовину загоразивая его, большой обломок скалы. Вынув пистолет, я спряталась и стала ждать. Высоко над головой послышался гул.

«Камнепад!» — сообразила я, плотнее прижимаясь к скале.

Казалось, что сердце сейчас остановится.

С каждой долей секунды гул нарастал и отходил в сторону. Затем вся масса камней грохнулась в поперечной долине. И вдруг где-то совсем рядом сочный баритон сказал по-английски:

— Обвал в горах! Нам повезло!

Сразу же как-то обмякли ноги, оружие заплесало в руке... В двух шагах от меня из-за скалы вышел тот, с крашеной бородой и глазами снежного барса. Он поддерживал белобородого. Охая и спотыкаясь, старый ощупывал свою голову. Тюнька угрожающе зарычал.

— Руки вверх! — совсем тихо сказала я, целясь в переносицу светлоглазого. Старик бессильно опустился на камни. Светлоглазый спокойно поднял руки, но в следующее мгновение я лежала

на камнях оглушенная чем-то. Раздался громкий топот. В тот же миг послышались крики. Повернув голову, я увидела: люди в зеленых фуражках карабкались через завал.

— Товарищ геолог, — откозырял мне сержант-пограничник, после того как нарушителям были скручены руки, — разрешите взять вашу лошадь? — Кивнув на белобородого, он добавил: — В Мын-Тэке доставить. Всего три километра...

Я вела Дону под узды: строптивая кобылица подчинялась только своим. Сидя на ней, сержант поддерживал стонавшего старика. Сзади, полуприкрыв глаза, плелся под конвоем Крашенная Борода.

— Стоп! — сказал сержант. — Надо обождать.

Верховая тропа ответвлялась к Пянджу. Петля между темными скалами, она терялась в дымчатых полотнах горных кулис.

...К развилке подъезжала группа всадников. Впереди — начальник погранзаставы Подопригора. Растрепанные усы, щетина на подбородке и красные веки: заметно, что он давно не спал. Рядом ехала его жена — врач заставы, сзади — пограничники.

— Хозяйке Ордебара привет! — затрубил Подопригора так, что Дона, повернув оскalistую морду чистопородной лошади, заплясала на месте.

«Вет, ве-ет...» — громоподобно откликнулись ближние утесы, а затем и дальние, сурово и приглушенно.

— Спасибо за сообщение, — сказал начальник просто.

Я посмотрела в сторону кишлака. Из домов высакивали люди. Горячо жестикулируя, они на ходу натягивали халаты. На крыше михмонханы, кибитки для гостей, стоял Абдул-Каюм. Вытянув шею, он глядел из-под ладони в нашу сторону.

* * *

Жители кишлака плотно облепили оконца накрепко запертой михмонханы. В углу кибитки угадывались две закутанные в одеяла фигуры. Пограничник с автоматом не спускал с нарушителей глаз.

При свете пылавшего в очаге хвороста мы тщательно разбирали вещи арестованных. Похожая на тоненького цыганенка врач Елена Васильевна по волокнам расщипывала вату их халатов. Пограничник вергел в руках миниатюрный радиопередатчик. В огромных ручищах начальника заставы трещал прочный корешок толстой, написанной иранской вязью книги. И мой универсальный нож не остался без дела: тонкое лезвие его пластовало массивные подошвы, отделяло стельки, отпарывало подкладку голенищ.

Поиски принесли богатый улов: карты, фотокамера величиною с пуговицу, ампулы с ядом, малогабаритные пистолеты и какая-то деликатная аппаратура неизвестного мне назначения. На полу — груда отходов: тряпки, ремни и раздерганные в пух клочки ваты.

— Все! — сказала Елена Васильевна, устало вытирая вспотевший лоб. — Сжечь! — кивнула она в сторону кучи.

— Семь раз отмерь, один раз отрежь! — запротестовал Подопригора.

Рассевшись на земляном полу вокруг хлама, дружно взялись за дело.

— Нашел! — вдруг объявил начальник заставы.

Я подбросила в очаг охапку гоплива. Кривые языки огня жадно лизнули сухую полынь и чертополох. Сноп пламени метнулся вверх. Он осветил обширную ладонь, а на ней маленький цилиндр — не толще соломины.

— Дай сюда! — перехватила Елена Васильевна находку мужа; ловко зацепив ногтем край, она растянула пленку. Мы склонились над ней. Что это? Пик Алмаз, ледник Ордебар, наш лагерь...

— Карта, наша карта! — крикнула я.

— Какая? — подался вперед начальник заставы.

— Которую мы составляли. Ветер унес ее... искали с собакой... не нашли... затем силь... — растерянно бормотала я, вглядываясь в крохотный снимок.

Словно прислушиваясь к нашим словам, Тюнька поскреб лапами земляной под и икнулся носом мне в руку.

— Что скажешь? — спросила я пса по привычке.

И тут же замелькали мысли. Карта? Ее клочья навек похоронены в ледниковой трещине. И раньше она была надежно упрятана. Сфотографировать ее невозможно. Но факты — вещь упрямая! Почему Тюнька вел себя так странно перед силем? И за что он тогда особенно возненавидел Карымова? Мгновенно и яростно! Странно, очень странно... И вдруг припомнился рассказ доктора Бакиева: Абдул-Каюм на корточках перед раскрытым сундуком в запертой кибитке.

Я бросилась разбирать ступенчатую пирамиду сундуков. Подержав прочные накладки нижнего — он был заперт солидным всяческим замком, — я сказала:

— Здесь! Карта здесь! Ломайте!

Жалобно застонали пеглы. Вихрем полетели вещи: вот знакомый мне ковер-намазлык, парадный шелковый халат, ослепительно зеленая ткань чалмы, вышитое сюзане, полотенца...

Стоя на коленях, я рылась в сундуке. Тюнька обнюхивал имущество. Уткнувшись в цветистое тряпье, он словно ловил среди чужих запахов какой-то еле уловимый, но знакомый.

— Ищи, ищи хорошенько! — поощряла я собаку, потряхивая вещами Абдул-Каюма. Под руку попался большой, что-то напоминавший мне кисет. Где и когда я видела такую парчу? Ощупав цветистый мешочек, я осторожно развязала шнурки. Чай, зеленый кок-чай. Но что в нем блеснуло? Достала — запрятанный металлический капсюль. Отвинтив нарезную крышку, извлекла крохотный, наполовину пустой пузырек с маслянистой жидкостью.

Ко мне подбежал пес.

— Ты нашел? Что? — наклонилась я к Тюньке и увидела под моржовыми усами измызганный уголок плотного ватмана. Поднесла его ближе к огню.

Неужели кусок нашей карты? Да, конечно! Вот две цифры координатной сети... Как он сюда попал? Значит, карта побывала здесь?

— В капсюле яд! — неожиданно крикнула Елена Васильевна.

Я вспомнила: в тот вечер, когда повар угощал нас сочной ды-

ней, Карымов именно из такого кисета заваривал кок-чай. После дыни мы все отказались от чая, голько Алимджан подставил свою пиалу. Значит, это Карымов отравил Алимджана! Но зачем?..

* * *

Что-то сказав пограничнику, Подолпригора поспешно вышел из михмонханы. Надевая Тюньке ошейник, я увидела через окно, как начальник жестами объясняется с жителями кишлака. И вдруг всех словно ветром сдуло. Люди помчались в разные стороны. Казалось, их тени едва за ними поспевают: Абдул-Каюм, пользуясь всеобщим замешательством, скрылся.

Тюнька — шерсть на загровке дыбом — тянул к двери.
— Ищи! — я дала собаке снова понюхать оборванный угол карты.

Пес уткнулся носом в землю и повел, а точнее — позволок нас. Вскоре мы очутились у подножия скалистого кряжа.

Собирались тучи. Где-то слабо погромыхивало. Вдалеке полыхнула острозубая молния...

Тюньку спустили с поводка. Балансируя над пропастью, проползая под нависшими скалами, мы углубились в хаотическое нагромождение утесов. Как выбираться назад из этого каменного лабиринта?

Пес пролез в узкую расщелину. Я — за ним. Но... застряла. Насилу выползла назад.

— Давайте я, — ловко и легко, совсем по-мальчишески Елена Васильевна нырнула в темное отверстие.

Когда она показалась из провала, огненная паутина молний оплела небо, а ветер с косыми погоками дождя едва не сбивал с ног.

Доктор прижал к груди измазанные ладони:

— Карта здесь!

...Как мы не сломали себе шею на обратном пути, не могу постигнуть! Стоя на одной ноге — куда поставишь другую в этой беспросветной, как разведенная сажа, черноте? — ждали, когда туча извергнет ослепительно синее пламя, чтобы при вспышке сделать бросок вперед и выгадать несколько метров пути. Зато по улочкам Мын-Тэке мы уже мчались, мокрые до нитки, прямо на гул толпы. Около мазара, в тесном, как перчатка, подземелье, разыскали сбежавшего Абдул-Каюма.

* * *

Допрос кончился.

Между прочим, мыло, мочалка и ведро горячей воды превратили седобородого старца в средних лет афганца — возраст Крашеной Бороды. Оба были агентами иностранной разведки. Тщательно обшарив наш лагерь, они убедились, что поживиться здесь не удастся, и тогда стали действовать через Абдул-Каюма. Этот религиозный старец в прошлом судился за контрабанду и некоторые другие дела. Шпионы что-то знали, запугали или купили его. Поняв, что за бутылку водки Карымов продаст родного отца, старик выбрал его исполнителем задуманного. Не вышло! Отравился один Алимджан: мы не пили кок-чая.

* * *

...Преступников увезли. Мы сидим усталые, но вполне удовлетворенные. И даже чуточку грустные. Сказалось напряжение последних дней. Впереди — возвращение домой. Возвращение, о котором мы столько мечтали. А потом... потом мы опять заскушаем по суровой природе Памира и опять нас потянет в эти края.

Рисунки Ю. Макарова

Тяжелая летающая лодка «Каталина» вырвалась из боя. Обшивка, изодранная разрывами, гремит, хлопает по шангоутам. На плоскостях белеют подпалины, дымит элерон.

Холодный ветер врывается через разбитый фонарь, со свистом носится по отсекам. Зенитный снаряд разорвался прямо перед кабиной, вышиб бронированное стекло и тяжело ранил второго пилота. Голова Коли Звягинцева склонилась набок. К рее примерз бинт. Струйка крови сбегает с виска на подбородок. Торопливые капли, подхваченные ветром, падают на развороченную рацию, окрашивая ее ярким суриком. Вася Моргун, бортмеханик, хотел вытащить пилота из кресла и опустить вниз. Там не дуло. Но Звягинцев в парашюте и спасательном жилете слишком велик, а Вася слишком тщедушен.

В другое время Вася ругнул бы врачей: Колю-то приняли в авиацию, а его, Васю, нет. Нашли какие-то перебои. А может, просто посмотрели на большие оттопыренные уши, рыжую голову, веснушки, рассыпанные по всему лицу, и поставили на медицинской карточке «н/г» — не годен.

Но сейчас некогда вспоминать об этом, Вася с тревогой прислушивается к работе правого мотора. Двигатель кашляет, вышвыривая из выхлопа сизый дым. Дрожит. Вот-вот сорвется с моторной рамы. Сквозь гул Вася улавливает режущий звук. Верно, осколок пробил цилиндр, и поршень толчет его, как в ступе. Или что-то неладное с магнето? Может быть, порвался проводник, два конца болтаются друг перед другом, изредка соприкасаются и высекают искры.

У Васи ничтожный боевой опыт. Школу механиков он окончил в конце лета 1944 года.

В его летной книжке этот боевой вылет обозначен седьмым. «Каталина» бомбила караван транспортов, уходящих из норвежских фиордов, и внезапно попала под сильный обстрел миноносцев.

Теперь правый мотор, раскаленный до предела, трясется как в лихорадке. Он может взорваться в любую секунду. Рука Васи застыла на тумблере зажигания. Пальцы подпрыгивают, будто тумблер жжет их. Огромным усилием воли Вася заставлял себя медлить. Еще секунда, еще...

Он знает, что «Каталина» на одном моторе не потянет. Надо садиться. Смотрит вниз. Поверхность моря отликает металлом. На волнах кипят барашки. Не меньше трех баллов. И видны льдины, как осколки разбитой тарелки, приплывшие сюда из Арктики. Изрешеченной лодке сесть трудно. Волны растрясут ее, даже если... если от удара о волны не взорвутся две бомбы. У них заклинило замки, и сбросить их невозможно. Одна беда перекрывает другую, а все вместе говорят о том, что седьмой полет может оказаться последним...

Ветер шумит, мечется по отсекам. Как будто горная река скачет по камням. Вырванные из фюзеляжа языки дюрала свистят пронзительно и печально.

«Черт возьми! Кроме всего прочего, летчику надо, чтобы везло!» — думает Вася.

Он прожил девятнадцать лет. Но что значат эти годы по сравнению с секундами, когда трещат болты моторной рамы, когда внизу дыбятся море и под крыльями на боевом взводе висят две бомбы?..

Вася переводит взгляд на командира Алексея Дороша. У Алексея крупное скуластое лицо, длинный нос и серые глаза, скрытые за широкими черными бровями. Он выглядит старше своих 26 лет. Всю войну летал над Баренцевым морем и постарел в его небе. Ведь стареют от памяти, от трудных переплетов, из которых состоит война. Он горел, выходил из вражеского тыла, тонул... И все-таки остался жив.

Алексей чуть-чуть наклоняет машину, но горизонта нет, нет привычной дорожки, расплывающейся в голубой дымке. Он двигает штурвал вперед и слышит лишь свист ветра в разбитом фонаре.

— Командир, — трогает его за рукав Вася. — Сдает мотор... Придется садиться.

— А бомбы?

— Надо садиться.

— Надо уйти дальше.

— Тогда от нас останется пыль!

Алексей молчит. Он сжимает зубы, и на скулах, начинающих покрываться черной щетиной, выступают красные пятна.

— Мы не можем лететь! Слышишь? Не можем!

Вася, — наконец произносит командир. — Ты хотел быть летчиком.

— Мало ли кем я хотел быть! Я выключаю правый. На воде, может, удается его наладить.

— Сделай так, чтобы дотянуть до базы... Я прошу.

«Я не знаю, что с мотором. Или это магнето, или пробит цилиндр. Давление масла упало. Температура за красной чертой. Тяга пропадает. Если мотор проработает еще немного, если он не взорвется, то наверняка заклинит. И его уже никогда не наладить».

Все это Вася хотел бы сказать командиру, но прошептал другое:

— Командир, я не хочу быть летчиком...

— Понятно, — вздохнул Алексей и нахмурился.

Он не может рассмотреть, что творится впереди.

— Вася, ты видишь море?

— Вижу. Волны — три балла. Высота... осталось пятьсот. Лодка все время снижается.

— Еще раз попытайся вытащить Звягинцева и садись за штурвал. Я не могу разглядеть моря...

Вася вздрогнул. Командир напрягает зрение, щурится, но из-под красных век выкатывается лишь слеза за слезой. Он ослеп от вспышки того снаряда, который разорвался перед пилотской кабиной.

— Выключай двигатель! Что тянешь? — вдруг зло кричит Алексей.

«Каталина» круто идет к воде.

Алексей резко потянул рычаг на себя. Левый мотор облегченно вздохнул, вхолостую раскручивая винт.

— Разворачивай на ветер!

Лодка завалилась вправо и выправила горбатые крылья чуть ли не у самой воды.

— Высота?

— Не могу определить. То ли сто, то ли десять.

Пулеметная очередь стегнула по морю. Кто-то из стрелков догадался дать очередь, чтобы по всплескам пилоты определили точную высоту.

— Десять!

Первая волна тугим кулаком ударила в брюхо лодки. «Каталина» подпрыгнула и срезала вторую волну. В разбитый фонарь влетела пена. Алексей, упершись ногами в педали, налег на штурвал всем туловищем. Он хотел до конца израсходовать силу, которая еще держала лодку в воздухе, хотел погасить скорость, избежать резкого удара о волны.

Острый нос «Каталины» рассек третью волну. Бомбы, качнувшись, стукнулись о крылья. Садиться с бомбами запрещено. Это правило проверено кровью. От них надо избавиться в любом случае, чтобы не подорваться при посадке. И все-таки бомбы, стуча о плоскость в такт волнам, не взрывались.

— Вася, дорогой мой Вася! Я вижу! Представь себе, вижу! Волны белые?

— Нет, зеленые, — отозвался бортмеханик.

Вася еще держал штурвал, у него не было сил дотянуться и выключить работающий мотор.

Неуклюжая «Каталина» низко сидит на воде. Волны набрасываются на нее, заливая в пробоины пенные струи.

«Поднимайся же! Быстрей посмотри мотор! Лодка долго не продержится...» — только об этом думает сейчас Вася.

И продолжает сидеть. Не может разжать пальцы, вцепившиеся в ребристую рукоятку.

— И все-таки я вижу, — повторяет командир.

Он расстегивает замки и вылезает из ремней парашюта. Натыкаясь на переборки, пробирается по тесной кабине

к Звягинцеву. Тот лежит на полу и, не мигая, смотрит вверх. Кровь остановилась, засохнув на лице.

— Ну что, браток, очухался? На-ка, выпей. — Командир протягивает к губам Коли фляжку и вливает в рот немного коньяку.

Вася тем временем вылез на плоскость, открыл верхний люк грузового отсека, где находились стрелки. Но навстречу ему поднялся лишь один Воробьев, старый механик-приборист, который летал вместо стрелка.

— Убит. Прямо в голову.

— Где он?

— Вон. Я ему отсалютовал уже. Видел?

Вася в темноте отсека различает фигуру второго стрелка-радиста, склонившего голову на замок пулемета. Правая рука на спусковом крючке.

Вася никогда не видел смерти. Он хочет скрыть страх от товарища каким-нибудь обычным словом. Но, видно, не так-то просто найти такое слово, и он говорит о деле.

— Поможешь держать ключи, а то волны...

На воде трудно снимать капоты, опускаться, держась за раму, к цилиндрам. Волны кружат лодку. «Каталина» качает крыльями, словно хочет взлететь. Вася, закрепившись на ремнях, копается в моторе. Одно магнето не работает. Осколок пробил изоляцию, и ток «уходит на массу». У другого магнето, как и предполагал Вася, взрыв оборвал проводник, ведущий к свече зажигания.

На плоскости лежит, раскинув длинные худые ноги, Воробьев и подает Васе инструменты.

Командир, перевязав голову Коле и соорудив на полу постель из курток, тоже выбрался наверх. Его беспокоят бомбы. Замки-держатели не сработали оттого, что рванный кусок дюрала уперся в привод. Алексей отогнул его, освободил замки.

Прошел час.

Солнце склонилось к пустынному морю.

Вдруг сквозь шум волн Алексей уловил рокот мотора. Он поднял голову и увидел сторожевой катер, кото-

рый мчался к «Каталине». На мачте флаг фашистских моряков.

«Гитлеровцы! Неужели плен?! Черта с два!.. А если не сдаваться? Тогда они расстреляют нас, как перепелок. Для них беспомощная «Каталина» — удобная мишень».

Бортмеханик и стрелок тоже смотрят на приближающийся катер.

— Не будем сдаваться, командир, — хмуро говорит Вася.

— Так они же нас... — Воробьев ребром ладони проводит по острому кадыку.

— У нас пулеметы и пушка!

— Воробьев, в турель! — приказывает Алексей и бежит по плоскости к пилотской кабине.

Сторожевик выстрелил из носовой пушки. Снаряд с воем пронесся над лодкой, взметнув далеко позади белый фонтан воды. Маленькие фигурки матросов снова засуетились у пушки.

«Р-р-ры...» — огрызнулся пулемет Воробьева. Трассирующая нитка от воды прыгнула на катер, сбив наводчика.

Катер круто развернулся, ударил сразу из двух кормовых пушек. Фонтаны взвились у борта «Каталины». По фюзеляжу застучали осколки. Вася, скрытый мотором, почувствовал не толчок взрывной волны, а лишь кипяток разогретой взрывами воды. Кипяток обжег лицо и руки.

— Командир! — крикнул Вася. — Запускай левый и крутись! Я останусь здесь!

Алексею удалось запустить левый мотор. Винт рванул машину вперед на большой круг, в центре которого остался немецкий сторожевик.

«Р-р-ы...» — снова затрещал пулемет.

Трассы секли надстройки, волны, низко посаженный борт. Но фашисты продолжали стрелять из пушек. Бронированный катер для дюралевой «Каталины», которой достаточно одного попадания, представлял смертельную угрозу. Пулемет лишь держал катер на расстоянии и мешал целиться наводчикам.

«Каталина», рыча мотором, кружила по морю, и только чудо спасало ее от близких разрывов. А Вася все еще висел на ремнях у мотора. Ремни врезались в тело, обожженное лицо пылало, словно его натерли перцем. При каждом взрыве он втягивал голову в плечи и чувствовал, как рядом со свистом проносятся осколки. Его не страшила смерть. Он просто не верил, что можно умереть. Ему сильно хотелось завинтить вот эту гайку, потом ту, потом соединить проводник, запустить мотор. Хотелось так сильно, что окружающее: ревущие волны, разрывы снарядов, злой посвист осколков — отступало за пределы сознания.

Вася мечтал быть летчиком. Но вырос слишком слабым. Плечи не успели раздаться, мышцы не набрали силы. Стриженный наголо, он походил на мальчишку, на лобастого курносого мальчишку, у которого в глазах еще не погасла детская вера в возможность чуда. Когда врачи нашли у него какие-то перебои в сердце, он все-таки попал в авиацию. Правда, вместо неба увидел сырые ангары и теперь обыкновенной земной отверткой ковырял проводники.

«Я вернусь. Я снова подам рапорт в школу пилотов. Только бы успеть заизолировать проводники», — думает Вася, лихорадочно обматывая их липкой лентой.

Фонтан воды звизлял у самой плоскости. Лодка дрогнула, как будто наскочила на камень. Из зеленой глубины вырвалось пламя. Вася ударился головой о ребро цилиндра и на секунду потерял сознание.

Командир выскочил из люка и ножом перерезал ремни. Подхватив бортмеханика под руки, он втащил его в люк.

— Ты же хотел летать, — прошептал Алексей.

Вася открыл глаза.

— Командир, можно запускать... Только... у меня все цело?

— Порядок, Вася! Теперь держись!

Пулемет внезапно оборвал стрельбу. У Воробьева кончились патроны. Катер, прибавив ходу, ринулся в атаку. Пушка ударила прямой наводкой. Но и на этот раз снаряд со стоном пролетел мимо и разорвался в кабельтоне позади. Матросы в черных меховых куртках столпились на носу катера. Они решили взять летчиков живыми.

Винт правого двигателя качнулся и в следующую секунду превратился в серебристый круг.

— Следи, Вася, за приборами. Взлетаем! — крикнул командир, прибавляя газ.

«Каталина» запрыгала по морю, разрезая воду ножом форштевня. Скачок, еще скачок... До чего же медленно растет скорость!..

Волна подбросила лодку вверх, но она тяжело плюхну-

лась, разбрасывая винтами пену. Стрелка вариометра еле ползет по шкале.

Алексей еще раз потянул штурвал. Лодка снова прыгнула и застыла в воздухе, не решаясь ни взлететь, ни падать.

— Скорость?

— Сто десятых!

Командир приказал «Каталину» ближе к воде. В прямолинейном полете лодка набрала скорость. Замелькали барашки, постепенно уменьшаясь в размерах. На высоте пятьдесят метров «Каталина» выполнила первый разворот и вышла на траверз катера.

— Сбросим на них бомбы.

— А сработают ли замки? — усомнился Вася. — Вы же их успели только чуть ковырнуть...

— Смотри в эту штуку. Как увидишь цель в красном кружке, дергай за рычаг.

«Каталина» еще раз развернулась и вышла на катер. Вася прижался к прицелу. В окуляре он видел сторожевик, похожий на огромного жука, от которого расходились в разные стороны длинные усы вспененной воды.

Грозно гудя моторами, «Каталина» неслась над самой водой к катеру. Красная черточка коснулась цели.

Две бомбы сорвались с замков и стремительно понеслись к морю.

Взрывы качнули «Каталину». Минутой позже Алексей и Вася увидели клубок черного дыма, повисшего над сторожевиком.

Солнце опустилось к черте горизонта. По воде побежала дорожка цвета меди. Если лететь от солнца, она приведет к родным берегам, к базе, откуда поднимались громить врага тяжелые машины. Израненная, но не побежденная лодка летела над этой угасающей дорожкой, покачивая широкими крыльями.

Алексей поглядел на Васю. Бортмеханик сидел в кресле второго пилота, осторожно двигая штурвалом.

— Я, кажется, перестал различать цвета, — тихо проговорил Алексей. — Сейчас море темное?

— Нет, синее с красным отливом, — отозвался Вася и подумал, что вспышка взрыва, видимо, нарушила в зрении командира какие-то винтики и мир со всеми его цветами потерял яркость. Остались два цвета — черный и белый... Да, черный и белый. Обыкновенное серое фото... Не скоро увидит он, как наливаются солнечным светом ромашки, как загорается радуга после грозы. Но главное, главное — не скоро сможет он различать многоцветные огни аэродрома...

— Ну вот, кажется, отлетелся я, — вздохнул командир. — А у тебя все впереди. Ты будешь летать, дружище!

ОДИН ДЕНЬ НА БЕЗЫМЯННОМ

Рисунки Н. Недбайло

Кожин вернулся из отпуска в апреле на два дня раньше. Всю длинную дорогу Кожин вспоминал юг, думал о Сибири и удивлялся тому, как крепко привязался к ней за два года. Кожин приехал в Сибирь еще мальчиком — ведь можно быть мальчиком и в двадцать три года — и здесь, в чужих краях, возмужал, окреп и превратился в того смуглолицего, дерзкого, знающего себе цену парня, которого называли по фамилии.

Рано утром Кожин пришел в контору «Сельэлектро». В конторе было пусто и холодно. Повсюду лежали мотки тяжелого провода. В большой уютной комнате Кожин встретил инженера Прокопия Петровича. Инженер долго жал руку отпускнику, хлопал его по спине, ласково глядел в глаза, удивлялся южному загару и, подмигивая, расспрашивал о южных развлечениях.

Лицо Прокопия Петровича выражало крайнюю степень любопытства и зависти.

Кожин не любил инженера.

— А где люди? — спросил он.

— На втором переходе, — сказал Прокопий Петрович. — Аврал, братец, такой аврал...

Кожин промолчал.

— Аврал! Приезжали из области, накачивали! — с непонятной радостью добавил Прокопий Петрович.

— А где мой трактор? — спросил Кожин.

— На первом переходе остался, — ответил Прокопий Петрович. — На острове. Теперь до зимы простоят.

— Да ты что?! — тихо сказал Кожин.

— Успокойся, Кожин, — замахал руками Прокопий Петрович. — Подумаешь! Старая машина.

— А что с ним?

— Муфта сцепления... Людей-то не хватает, Кожин. До зимы простоят.

— Сам поставлю муфту, — сказал Кожин.

Прокопий Петрович еще сильнее замахал руками:

— Один? Весна, Кожин, лед тонкий, река вот-вот тронется.

— Я еще в отпуске, — сказал Кожин. — Сам знаю, как отдыхать. Пойдем выберем муфту, Прокопий Петрович.

В приангарский поселок со странным названием Долёй Кожина привез попутный грузовик. Шофер помог Кожину выгрузить сундучок с инструментами, тяжелую круглую тракторную муфту сцепления, залил баки бензином из бочки, стоявшей в кузове, и уехал в какую-то дальнюю деревню. Кожин оставил муфту и сундучок у опустевшей дороги и пошел по единственной улице поселка к берегу Ангары. С минуту постоял под гудевшими проводами электротрассы. Провода были белыми от инея, жужжание их было густым, и Кожину показалось, будто они впитали в себя живой гул уже законченной и оставленной людьми стройки.

Кожин вспомнил, как зимой начальник конторы отсылал телеграмму в Иркутск. Телеграмма начиналась словами: «Переход электролинии через Ангару завершен успешно. Особенно отличились комсомольцы...» Дальше шли фамилии, и среди них называлась фамилия Кожина.

Сейчас Кожин стоял на крутом правом берегу и смотрел на остров. У этого острова не было названия, и рабочие окрестили его Безымянным. Издали опора на острове казалась изящной и легкой. Ее очертания напоминали бокал с длинной хрупкой ножкой. Солнце еще не смыло серой пленки с неба, и реку, остров на ней, дальние леса, деревушку на берегу заливала утренняя синева. Кожин едва различал под опорой темное пятно приставшего к земле трактора. Это была его машина. Он знал на ней каждую царяпину, а стройки оставили на теле трактора немало шрамов.

«Одному будет здорово трудно, — подумал Кожин. — Черт, и на улице никого не видно...»

Он вернулся в поселок и заглянул в кузницу. Когда Кожин ставил опору, ему не раз приходилось обращаться за помощью к кузнецам. Но сейчас в кузнице было тихо.

Кожин, обеспокоенный молчанием поселка, быстро взбежал по ступенькам пятистенки, фасад которой был украшен плакатом

«При пожаре звони по телефону 01». В затерянной таежной деревушке не было телефона, и, увидев плакат, Кожин фыркнул. Обычно в этом доме дежурил хорошо знакомый Кожину старик, начальник пожарной охраны «Заготзерна».

За дощатым грубым столом сидел мальчишка, подросток лет пятнадцати, стриженный под полевку, ушастый и конопатый. Над мальчишкой во весь плакатный рост красочно стоял рабочий в аккуратном синем комбинезоне и укоризненно тыкал в Кожина пальцем: «Не зажигай мусора вблизи строек!»

— Что это у вас никого не видно? — спросил Кожин.

— Все на телефоне, — серьезно ответил конопатый.

— Каком телефоне?

— Субботник у нас, — пояснил конопатый. — Коммунистический. Всем обществом телефон тянем из Кусакина. И радио. Всяко разное. Аврал!..

— А ты чего здесь?

— Да вот дежурным оставили. Ответственным. По части пожара.

Мальчишка кивнул головой в сторону плаката.

— Кончай бюрократизм, — сказал Кожин. — Айда трактор чинить.

Мальчишка поспеел носом и вздохнул.

— Не, нельзя, — ответил он. — Я на посту. У нас хлеб в амбарах.

— Пошли, — ласково сказал Кожин. — Научу на тракторе ездить.

Мальчишка издал протяжный вздох. Его оттопыренные уши шевельнулись.

— Не, нельзя, — повторил он. — Я на посту. А вдруг самовозгорание?

Красивый рабочий в комбинезоне укоризненно глядел на Кожина. «Хорошо тебе, чистенькому, — подумал Кожин. — Вон у тебя и логарифмическая линейка в кармане...»

Муфта была очень тяжелой. Все же, изорвав свою драповую куртку с барашковым воротником, Кожин выволок муфту через кусты на лед. Вода промыла окна у берега, на быстротеке, всхлипывала и журчала. Снег, как сахар, набухал влагой, воздревател. У берега лед треснул, но было мелко, и Кожин, стоя по щиколотку в воде, сумел перебраться на толстый и надежный слой льда. Оказалось, он начал переходить Ангару неудачно, в стороне от дороги. Теперь ему предстояло преодолеть несколько трещин и обойти полыньи, чтобы выбраться из опасной зоны ломкого прибрежного льда.

«Давай, давай! — подбадривал себя Кожин. — Давай, давай! Ну и река, ну и широченные здесь реки! А глубина-то...» Он представил себе толщу бешеной ангарской воды, которая неслась под ним. «Ну и река!» Кожин остановился, переводя дыхание. Солнце поднялось, небо высветлело, поглубело и набрало глубину. Река под этим небом казалась темно-синей. Ну и река! Налилась синькой, как простыня. Видно, скоро двинется. Да, да, как только вода со льда уйдет вниз — двинется. А пока еще

есть время. Может быть, только один этот день. Ишь ты, оставить трактор на острове до зимы! Старая машина! Конечно, старая. Но у него она будет работать.

Кожин привязал муфту к поясу обрывком тросика и поволок ее на буксире. Стало легче, и все-таки он понимал, что движется не быстрее мухи, попавшей на липкую бумагу. То и дело муфта цеплялась за куски вытаявшего льда. Нет, он выбрал явно не то направление. Чувствовалось бешеное течение воды подо льдом.

Кожин услышал чей-то крик с берега; в нем было предупреждение и тревога. «Все равно, — подумал он. — Не возвращаться же!»

Он увидел, как впереди, в трех шагах, в тонких голубых жилах льда пульсирует вода. Здесь он и провалился. Муфта увлекла его в воду. Здесь было еще мелко. Он погрузился по грудь и тотчас встал на ноги. Тяжелая ладонь воды старалась затолкнуть его под лед. Галька под ногами скользила, осыпалась. Только трос от муфты, натягиваясь, удерживал его. Стало страшно. Холода он еще не успел почувствовать. Сквозь прозрачную ангарскую воду Кожин видел круглые зеленые камни. Легкое кружево солнечных лучей лежало на них. Кожин сделал попытку отвязать муфту от пояса, но трос не поддавался окаменевшим, утратившим гибкость пальцам.

Кто-то ухватил его за воротник.

— Подожди, муфту вытащу, — пробормотал Кожин.

Он погрузился в зеленый мир ангарской воды. Ледяная маска опустилась на лицо, течением сорвало шапку. В воде муфта уже не казалась тяжелой и неудобной. Он поднял ее и вытолкнул на край льда. Рука все держала его за воротник. Кожин выполз на лед, отодвинул муфту подальше от полыньи и встал.

Конопатый мальчик, ответственный по части пожара, тяжело дыша от быстрого бега, глядел на него светло-серыми выгоревшими глазами. В руках он держал мокрую беличью шапку Кожина.

— Привет пожарникам! — сказал Кожин.

Кожин взял у мальчишки из рук шапку и стряхнул с нее воду. «Дурак дураком, — подумал он о себе. — Догадался, муфту привязал к поясу. А если было бы глубоко?»

— Я за тобой следил, — сказал конопатый пожарник.

— Догадываюсь, — ответил Кожин. — Беги на дежурство, а то самовозгорание пропустишь.

— Самовозгорание случается довольно редко, — сказал мальчишка.

— Ты в каком классе?

— В девятом.

— Серьезный малый.

Вдвоем они поволокли муфту к пятнистой ленте, разостланной по льду от «Заготзерна» к острову. Дорога через Ангару уже прогаяла, и там, где лежали оставшиеся от настила клоки прелой соломы, которые прикрыли лед от солнца, выросли кочки. Муфта то и дело цеплялась за них.

От мокрой одежды Кожина шел пар. Ну и река!

Впрочем, он дешево отделался. Сейчас он доберется до острова, разожжет костер...

Кожин задержался, переводя дыхание. Воздух был насыщен запахами гари и смолы. Где-то за грядой правобережных сопок, похожих на круто остановившуюся волну, горела нагретая апрельским солнцем тайга. Шла паловая, лихая сибирская весна. Все колыхалось в мареве. В высоком небе, точно паучки на невидимых нитях, висели жаворонки. Лед похрустывал, поскрипывал под ногами, жил своей, непонятной, тревожащей жизнью.

Мальчишка, видно, забыл про дежурство. С худенького его лица не сходила восторженная улыбка.

Кожин с облегчением вздохнул, когда добрался до острова и увидел громаду опоры, уткнувшейся в небо, и трактор, большой, немой и холодный, как памятник. Кожин подошел к трактору и ударил в гулкую жесть кабины.

— Здорово, старик! — сказал он. — Спишь?

Конопатый мальчишка, быстро обежав остров, собрал доски, оставшиеся от тепляка. Вспыхнул огонь. Кожин развесил у костра одежду и остался в одном белье. Сидя на доске, он поворачивался к огню то спиной, то грудью. Блаженное тепло разливалось по телу. Мальчишка отвязывал от муфты трос.

Кожин задумчиво глядел в огонь. Вот она, Сибирь. Здесь все просто, все. Встретились двое, один чуть не утонул, остались на острове и даже не знают, как зовут друг друга, а потом разьедутся — подумаешь, и не такое бывает. Здесь мало говорят, здесь за тебя говорит дело. Прежде всего делать дело. Кажется, этому ты хотел научиться в Сибири?

— Как тебя зовут? — спросил Кожин у мальчишки.

— Кешка, — сказал тот. — А ты где так загорел?

— На море.

— На каком море?

— На Черном.

— Здорово там, а?

— Здорово...

Здорово? Тогда, на юге, беззаботная жизнь отпускника была веселой и по-настоящему яркой, а сейчас все южные волнения и радости казались игрушечными, искусственными, такими, о которых не стоило и рассказывать.

Ангара неожиданно потемнела, ее синева стала густой, цвета грозовой тучи. Неужели скоро тронется? Кожин взглянул на небо. Над рекой скользило белое облако, весеннее и легкое. По льду скользила тень. Ну и река! Кожин строил переходы на многих сибирских реках, но в характере Ангары он чувствовал непонятное ему, затаенное упрямство. Вот Лена. Она шире, тише, понятнее. Весной половодит, как положено.

— А медуз видел? — спросил Кешка.

— Видел.

— Большие?

— Во!

Кожин обвел руками круг. Кешка свистнул.

— Ну, обсох, — сказал Кожин.

Он оделся и залез в кабину. Гайки не подавались, он сорвал себе кожу на пальцах, и с них закапала кровь, смешанная с чер-

ным мазутом. «Ишь ты! — подумал Кожин, рассматривая ладони. — А были такие чистые. Отмылись в отпуске».

Кешка подал ему носовой платок.

— Исплакаю, — отмахнулся Кожин. — Залезай в кабину, будьешь помогать. До темноты бы успеть...

Солнце уже село. Резкий мороз, внезапно опустившийся в долину реки, схватил лужи на льду, в позеленевшем закатном небе искрилась ранняя вечерняя зорька. Кешка, успевший сбежать на тот берег, достал из-за пазухи укутанный в тряпицу кусок сала. Кожин неловко, мешком, соскочил с трактора и чуть не сел в снег. Ноги подгибались, ныла спина, в горле что-то посвистывало и кололо. Он, почти не разжевывая, глотал куски хлеба и оставлял на сале отпечатки черных пальцев.

— Я пускач запушу, — сказал Кешка.

Он с остервенением принялся крутить рукоятку пускача. Но трактор молчал.

— Подожди, — сказал Кожин. — Прогрею свечи.

Он намотал на проволоку паклю, сунул факел в ведро с зеркально блестящим мазутом и поднес факел к костру. Пакля задымила. Пламя лизало руки, но разбитые, одеревеневшие от холодного металла пальцы уже не ощущали боли.

Кешка снова крутанул рукоятку. Пускач рассыпал веселую барабанную дробь. Потом трактор закашлял, задрожал тяжелой рабочей дрожью. Кожин опустился на ободранное сиденье с торчащими, как змейки, пружинками. Кешка уселся рядом с ним. Вспыхнула фара. Свет ее рассеивал сгущающуюся тьму.

Кожин включил скорость, отжал рычаг сцепления. Гусеницы лягнули и, поднатужившись, оторвали массивное, вмержшее в землю тело машины. Трактор пополз к берегу, подминая кусты и давя с хрустом доски.

— Не сюда! — закричал Кешка, пересиливая гром мотора. — Правей!

— Знаешь что, — сказал Кожин, наклонясь к оттопыренному уху Кешки, — иди впереди, показывай.

— Да я не боюсь! — прокричал Кешка. — Не потонем!

— Давай, давай!

Они вылезли из кабины, чтобы оглядеться. Лед светился в пепельных сумерках. Гряда сопок на берегу темнела угрюмо и тяжело. Где-то журчала вода.

— А мне рассказывали, будто трактор можно без человека пустить, — сказал Кешка.

— Можно.

— Будто через какую-то речку по льду так пускали, рассказывали. И так он ровно-ровно шел.

— Дошел?

— Не, не дошел. Потонул под конец.

Кожин засмеялся и надвинул Кешке шапку на лоб.

— Слушай, — сказал Кешка. — Давай пустим его одного?

— Ты иди впереди, — сказал Кожин. — И показывай.

Он снова влез в кабину. Трактор, стрельнув плотным клубом газа, заметным даже в сумерках, попятился. Несколько раз Кожин подводил его к воде, и несколько раз трактор отскакивал от нее, как собака от неостывшей миски. Наконец Кешка — его фигура казалась точно присыпанной пудрой в свете фары —

обрадованно замахал руками, что-то закричал, и Кожин вывел машину на лед. Не останавливаясь, он двинулся к темневшим на берегу сопкам.

Кешка бежал впереди. Он оборачивался и, прикрывая глаза от яркого света, махал то левой, то правой рукой. Звенели под гусеницами пленки льда, покрывшие дневные лужи.

Кожин поворачивал трактор вслед за мальчишкой. «Еще немного, немного, — подбадривал он машину. — Потерпи. Если что случится, мне придется тебя бросить. Я от тебя ничего не скрываю. Да и ты все понимаешь. Ты старый, ты все видел. А вот сейчас ты идешь, как слепец, за поводырем. А река-то небось потрескивает. Здесь не слышно».

Ледяная дорога, видимо, еще сохраняла зимнюю мощь и плотность и лишь отзывалась на осторожное движение машины недовольным гулом, похожим на ворчание. Уже окончательно смеркло. Кешка все шагал, всматриваясь в темноту, прислушиваясь.

Кожину все тени казались трещинами. Он приостанавливался и поворачивал трактор осторожно, чтобы не повредить приторможенной гусеницей лед. Тупой нос машины неотступно следовал за поводырем.

У берега нос трактора ухнул вниз. Здесь был тонкий лед. Кожин услышал, как гусеницы царапают прибрежную гальку, и дал газ. Трактор выполз на берег. Кожин остановил машину и отдышался. Кешка вскочил в кабину.

— Поедем отогреемся, — сказал он.

Кожин долго пил чай из алюминиевой кружки. Плакатный рабочий в синем комбинезоне, глядя поверх головы Кожина, указывал на кого-то пальцем. Кожин весело подмигнул ему. «Ну и красивый ты, парень! А чистенький какой! Просто позавидуешь! Вон и логарифмическая линейка в кармане. На кой черт она тебе, логарифмическая линейка?»

Кешка, усевшись против Кожина, ожесточенно грыз каменный пряник. Его оттопыренные уши двигались.

— А то, может, останешься? — просительным тоном сказал он. — Про море расскажешь.

— Нельзя, парень, — ответил Кожин. — Дорога длинная.

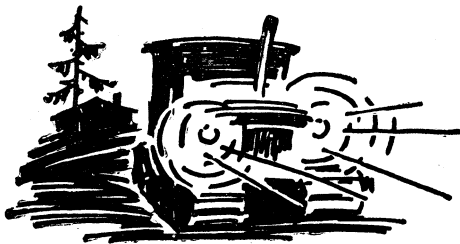
— Куда тебе спешить-то?

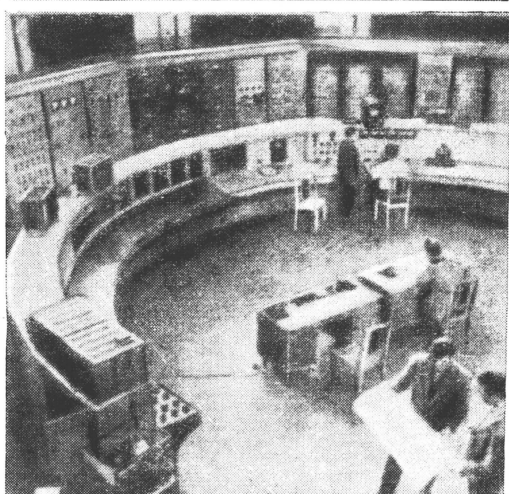
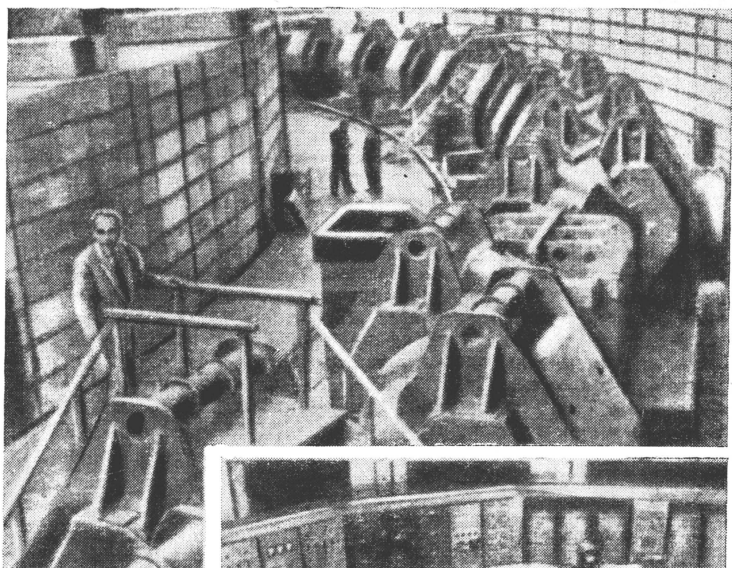
— Отпуск кончается.

Кешка засмеялся.

— Все шутки шутишь!

— А я не шучу, — сказал Кожин и встал. — А море ты еще увидишь. Медуз там, крабов... Ну, давай пять!

В ТАЙНЫ МИКРОКОСМОСА

Есть такое понятие — микрокосмос. Так называют огромный, до конца еще не познанный мир элементарных частиц.

Ученые установили, что ядро атома «битком набито» различными частицами. Но каковы их свойства и структура!

Для того чтобы ответить на эти вопросы, в Москве, в Институте теоретической и экспериментальной физики Академии наук СССР, построен ускоритель протонов на 7 миллиардов электроновольт.

Диаметр нового ускорителя — 80 метров, а длина кольца, по которому расположились 112 его магнитов, — четверть километра. Таков, образно говоря, тот необыкновенный «микроскоп», который позволит ученым заглянуть в микрокосмос.

Одна из первых задач, которая решается при помощи ускорителя, — выяснение структуры нуклонов. Так называются частицы, из которых состоят ядра атомов, — протоны и нейтроны. Если прибегнуть к помощи грубого сравнения, то можно сказать, что с помощью ускорителя ученые смогут выяснить, похожи ли нуклоны, скажем, на бильярдные шары, однородные как с поверхности, так и внутри, или скорее на персик, мягкий снаружи и твердый внутри. Ученые надеются также «увидеть», как распределяются силы внутри ядра атома. Они уже выяснили, что положительный заряд в протоне распределен неравномерно: он плотнее в середине и слабее к поверхности.

Новый ускоритель рассматривается учеными как рабочая модель будущего гиганта: в Советском Союзе строится сейчас на таком же принципе огромная машина мощностью в 50—70 миллиардов электроновольт.

Атаки на тайны микрокосмоса начались!

Возвращение Эрга Ноора

«Веда, Эрг, Дар Ветер, Мвен Мас и другие провожавшие с тоской и удивлением почувствовали, что нет слов. Нечем выразить чувства перед подвигом, совершавшимся для тех, кого еще нет, кто придет много лет спустя. Улетавшие и провожавшие знали обо всем — что могли дать лишние слова? «Лебедя» не увидит никто из окружающих его сейчас людей: всем им не прожить сто семьдесят два года ожидания возврата экспедиции, отправляющейся к туманности Андромеды. Сто шестьдесят восемь независимых лет пути и четыре года исследования на планетах, а для путешественников всего около восьмидесяти лет».

Итак, герои романа И. Еф-

ремова «Туманность Андромеды», вернувшись, не застанут своих современников — звездолетчики попадут в будущее на Земле. Вот она, машина времени!..

Много лет мечта о такой машине была уделом фантастов. Seriously о возможности совершить путешествие в завтра стали думать лишь после того, как Эйнштейн создал свою теорию относительности. Один из выводов теории таков: на Земле и на космической ракете время будет течь по-разному. То есть ход любых часов и протекание любых биологических процессов на ракете будут происходить медленнее, чем на Земле.

Пока скорость ракеты много меньше скорости света, эта разница почти незаметна. Но если бы удалось построить ракету, летящую со скоростью, близкой к световой, например 240 тысяч километров в секунду, — дело другое. На такой ракете можно было бы предпринять полет к Сириусу и обратно. Зная расстояние до Сириуса, легко подсчитать время, нужное для полета ракеты со скоростью 240 тысяч километров в секунду по маршруту Земля — Сириус и обратно. По земным часам и календарям для такого рейса понадобится 15 лет.

Если мы теперь подсчитаем время, затраченное на этот полет космонавтом (по его часам), то окажется, что оно равно девяти годам. Итак, космонавт прилетит обратно «омоложенный» на шесть лет.

Ясно, что, увеличивая скорость ракеты, можно было бы проиникать все дальше и дальше в глубины космоса и возвращаться во все более отдаленное будущее на Земле.

До сих пор эта идея существовала лишь в теории, не подтвержденная опытом. А теперь?

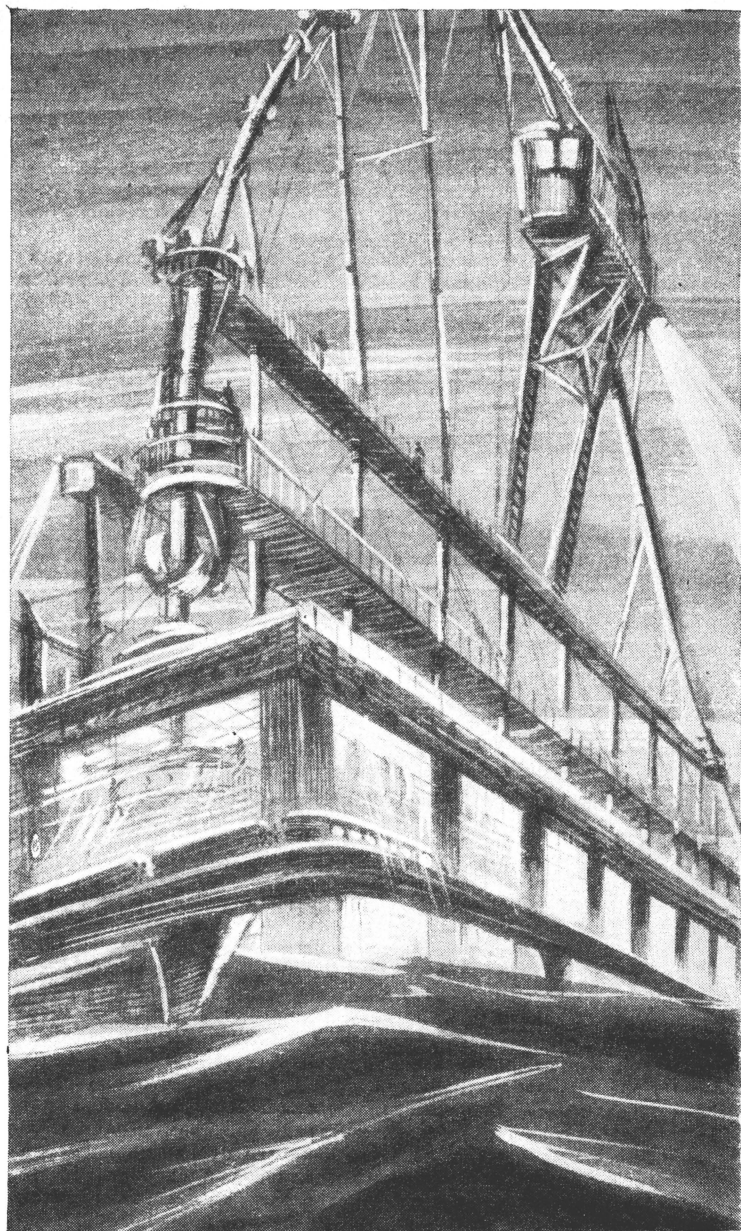
Огромны достижения науки: ученые не только познали природу космических лучей, но и установили, что многие элементарные частицы, входящие в состав этих лучей, летят с околосветовой скоростью. Больше того, в лабораторных условиях на элементарных частицах удалось проверить замедление в теле, летящем со скоростью, близкой к световой.

Космические лучи, приходящие на Землю из просторов вселенной, представляют собой поток быстрых протонов и ядер других легких элементов. Проходя через земную атмосферу, часть космических лучей превращается в мю-мезоны.

Их масса приблизительно в 206 раз превышает массу электрона. Скорости мю-мезонов различны: от очень небольших до близких к скорости света. Жизнь мю-мезонов недолговечна. Они распадаются на другие частицы. Время жизни мю-мезонов зависит от их скоростей.

Физики научились получать однородные пучки мю-мезонов, имеющих одинаковые скорости. У таких пучков, пользуясь формулой Эйнштейна, удалось измерить среднее время распада мю-мезона (по лабораторным часам). Оказалось, что оно возрастает с увеличением скорости мю-мезона. Итак, мю-мезон, летящий с околосветовой скоростью, живет дольше, чем медленный.

Конечно, у нас нет пока возможности отправить космонавта на ракету, летящей со скоростью, близкой к скорости света. Но экспериментальное, практическое подтверждение возможности построить машину времени есть! Разве это не чудо?

ПЛАНЕТА, КОТОРУЮ НАДО ПОЗНАТЬ

Рисунки В. Назарова

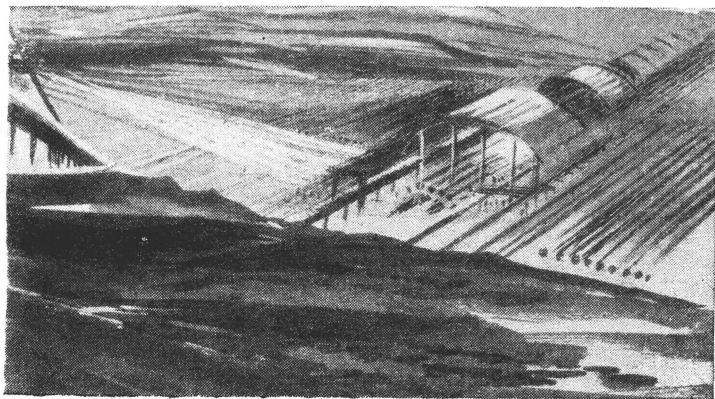
ТАИНСТВЕННЫЙ СПУТНИК ЖЕЛТОГО КАРЛИКА

— Знаем мы эти журналистские хитрости! — скажет сведущий читатель, посмотрев заголовки. — Планета, которую надо познать, — это, конечно, Марс или Венера. Ведь мы собираемся ступить на эти спутники желтого карлика — Солнца! И вообще за всякими «таинственными» заголовками всегда скрыто что-нибудь простое и общеизвестное!

Да, ты прав, сведущий читатель.

Только вот насчет названия спутника желтого карлика ты ошибся. Таинственный спутник — это наша планета, планета, на которой мы родились, планета со славной и суровой историей, светлым прекрасным будущим.

Эта планета — Земля.

— Да что есть таинственного в Земле? Да и не только в Земле, но в околоземном пространстве? Там побывали наши спутники и советские космонавты!

Оказывается, есть еще тайны в нашей Земле, тайны сокровенные, неразгаданные, за семью печатями и семью замками.

Ключи к этим замкам подбирают в Центральном конструкторском бюро Министерства геологии и охраны недр. Началось наше путешествие к тайнам с разговора весьма необычного.

Сначала было трудно понять, почему нельзя сразу ответить на столь простой вопрос. И почему начальник Центрального конструкторского бюро Николай Борисович Валаев смотрел на меня с удивлением.

— Я не смогу вам ответить, — твердо повторил он.

— Почему?

Действительно, почему нельзя назвать имя человека в конструкторском бюро, который изобрел какую-либо сложную машину?

Валаев лукаво посмотрел на меня:

— Вам не кажется, что даже в названии вашего издания — «Искатель» — вложен собирательный, множественный смысл?

Я не сдавался:

— А генеральные конструкторы космических кораблей?

— Им не хватило бы всей жизни, чтоб продумать конструкцию во всех ее деталях. Главный, или генеральный, конструктор в наше время — координационный центр, создатель основных идей, а тысячи других инженеров работают каждый в своей области, обеспечивают решение отдельных проблем.

И я познакомлю вас с людьми, которые разрабатывают отдельные части проекта. С теми, кто руководит коллективами искателей, — сказал Валаев. — Я не знаю человека в конструкторском бюро, который бы взял да и сказал, что он один создал аппарат или конструкцию, с помощью которой мы пойдём, как вы говорите, на штурм *terra incognita*. Ведь, если хотите, и Колумб был не один на каравелле...

— А Гагарин, Титоз?

— А вы спросите у них, согласны ли они взвалить все бремя славы на свои плечи. Мы пока знаем не все имена тех, с чьей помощью они осваивали космос. Но без коллектива ученых, конструкторов и рабочих никогда бы не удалось построить космический корабль.

— А почему именно теперь ученые решили так детально изучать планету?

— Всякому овощу свое время, — улыбнулся Валаев. — Человечество мечтало о познании планеты давно, со времени появления цивилизации. Технический прогресс может обеспечить ученых такими машинами, которые способны проникнуть в геокосмическое пространство. И ученые считают, что недра Земли, геокосмос, не менее труднодоступны и, может быть, более неведомы, чем вселенная, частью которой и является наша планета.

TERRA INCOGNITA

Древние не знали, что Земля — шар.

Индийцы изображали ее караваем, покоящимся на трех слонах, которые стояли на черепахе. На рисунках египтян Земля

выглядела иначе: полусфера в объятиях богини неба. Плавала Земля и на трех китах.

В пятнадцатом веке нашей эры в океан вышли корабли Магеллана. Некоторым из них суждено было вернуться из кругосветного плавания. Моряки рассказали не только о неизвестных материках — люди, наконец, получили верное представление о форме Земли.

Позднее человечество узнало о том, что Земля наша не просто шар. Приборы показали, что наша планета — сложное геометрическое тело, о точной форме которого еще спорят.

В наши дни искусственные спутники, потом звездные корабли — наши космические — облетели Землю. Человечество услышало рассказы первых в мире космонавтов Гагарина и Титова, увидело, как выглядит Земля, если смотреть на нее из космоса.

Ну, а многое ли мы можем сегодня сказать о внутреннем строении нашей планеты?

Возможно даже, что образцы пород с Луны будут добыты раньше, чем геологи смогут пощупать образцы, взятые с 15—18-километровой глубины нашей планеты.

Громадные трудности стали на пути познания человеком его колыбели Земли уже с того момента, как он взялся за исследование ее коры — литосферы. Воздушную оболочку Земли изучить оказалось проще. Определив, скажем, состав малой доли атмосферы, мы получаем представление об ее общем составе, ибо она однородна. Где бы ни взяли ученые пробы воздуха, они убеждались в том, что он является смесью азота и кислорода с небольшой примесью аргона. А «корочка» нашей планеты? В разных местах — разная. Значит, опре-

делить общий состав почвы и скал можно было, лишь анализируя множество различных образцов, взятых по всему земному шару. Таким образом, надо было установить, сколько в твердом веществе планеты того или другого элемента, и вывести нечто среднее...

Армией геологов такая работа была проделана. Оказалось, что земная кора состоит из кислорода, кремния, алюминия, железа, кальция, натрия, калия и магния — восьми элементов, составляющих 98,5 процента ее веса. На долю остальных химических элементов приходится всего полтора процента. Среди восьми основных первое место по весу занимает кислород (около 47 процентов), второе — кремний (примерно 28 процентов). Доступная нам часть поверхности Земли — это в основном смесь кремнекислоты с силикатами.

Что еще известно о земной коре?

То, что она имеет различную толщину — от 10 километров под водами океанов до 70 километров под горными массивами. Самый верхний ее слой состоит из осадочных пород: песчаники, известняки, сланцы. Их происхождение и свойства изучены хорошо — ведь они доступны бурению...

Ниже начинается слой гранитов. И уже об этом слое сказать, что он изучен достаточно, нельзя. Да, нельзя. Странно, не правда ли? Ведь граниты во многих местах, например в Карелии, выходят на поверхность. Казалось бы, бери и изучай!

Но граниты на поверхности — это одно, а на глубине нескольких километров — нечто другое. Глубинные граниты находятся совершенно в иных физико-химических условиях. Может, это и не граниты, а какое-то гранитоподобное вещество, кто знает?

Пока никто...

А под гранитами — более тяжелые базальты. Тут неясностей еще больше.

Напомним: радиус Земли — 6 371 километр. А толщина коры — 10—70 километров. Увеличим масштаб до 1 триллиона в одном сантиметре. Или даже больше. Земля предстанет нам яблоком. Можно сказать, что шкурку яблока мы более или менее изучили.

А что под «шкуркой»?

ЭХО ЗЕМЛИ

Право, не стоит удивляться скудости наших сведений о Земле. Удивления достойно другое: ум человека все-таки проник в запретные дали недр. Проник на тысячи километров и с помощью явлений грозных и катастрофических — землетрясений. Другое дело, что оценка результатов проникновения спорная. Но в спорах рождается научная истина. И без споров, без гипотез наука немудра.

Что же находится под земной корой?

В 1900-х годах в разных районах нашей планеты стали строить сейсмические станции. Наблюдая природу землетрясений, ученые обнаружили, что при этих стихийных явлениях в Земле возникают упругие колебания — волны двух родов. Первые — продольные (похожие на звуковые волны) и вторые — поперечные, змеевидные, синусоидальные.

Эти два типа сейсмических волн распространяются, во-первых, с различной скоростью: продольные волны быстрее поперечных; а во-вторых, синусоидальные гаснут в жидкости.

Необходимо напомнить, что скорость волн зависит от среды, в которой они распространяются. Чем больше плотность, тем быстрее бегут волны. Остается добавить, что на границе различных сред волны преломляются и отражаются.

Ученые установили, что вблизи поверхности Земли скорость поперечных волн — 5 километров в секунду, а на глубине 3 тысяч километров она возрастает до 13,5 километра в секунду.

Теперь представим себе, что где-то под Южным полюсом произошло сильное землетрясение.

Все сейсмические станции южного полушария зарегистрируют его. Отметят его и сейсмографы северного полушария. Но только примерно до 15° северной широты — до широты, скажем, Адена. Между Аденом и Киевом все сейсмические приборы останутся почти безучастными к происшедшему на Южном полюсе. А в Москве приборы снова оживут, и все станции до Северного полюса включительно примут сигналы землетрясения.

Почему так произойдет?

Почему вся Северная Африка, почти половина Азии и Южная Европа попали в какую-то странную «теневую зону»? Только потому, что в нашей планете существует центральное ядро, в котором скорость продольных волн резко снижается (с 13,6 до 8 километров в секунду), а змеевидные, волны второго типа, гаснут совсем, иными словами, ведут себя так, как и положено им вести себя в жидкости.

Пользуясь тем, что мы знаем природу распространения волн, попробуем разобраться в происшедшем.

Если бы земной шар был однороден, то скорость волн в нем оставалась одинаковой. Если скорость волн различна, то различен и внутренний состав Земли.

Продольные волны, выходящие на поверхность до Адена, проходят в оболочке, а более крутые натываются на границу ядра, входят в него. Резкое уменьшение плотности гасит скорость, так как из камнеподобной среды волны входят в жидкость. Уменьшение скорости заставляет волны изгибаться к центру планеты и выйти на поверхность с запазданием и много севернее. Эта разница в приходе волн и отметка их преломле-

ния и позволяют судить о толщине земной оболочки и о границе ядра.

Произведя расчеты, ученые установили, что мощность оболочки планеты приблизительно равна 3 000 километрам, а радиус центрального ядра около 3 500 километров.

Каково же строение оболочки — мантии и коры?

В 1909 году сербский ученый Мохоровичич установил, что под слоем земной коры, кожуры земного яблока, скорость распространения сейсмических волн резко возрастает. Что же это означает? Что ниже базальтов находится слой, резко отличающийся по своим физическим данным от земной коры. Его назвали слоем Мохоровичича.

И начались догадки... Земная кора, затем слой Мохоровичича и под ним — некий субстрат, верхняя мантия недр планеты. Каква она? Жидкая магма?

Изучение сейсмических волн давало ученым представление о физической природе мантии весьма смутное, но достаточное для того, чтобы склониться к единому мнению: мантия не жидкое вещество.

Точно на вопрос, что за вещество составляет мантию нашей планеты, ученые смогут ответить лишь тогда, когда добудут кусочки таинственного подкоркового вещества, залегающего на глубинах от 10—70 до 2 900—3 000 километров, до ядра.

ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ ИЗ КОСМОСА?

Наше схематичное представление о строении Земли таково: жидкое ядро, окруженное мантией, которая покрыта земной корой.

Из чего состоит земная кора, точнее — ее верхние слои, мы знаем. Мантию, как установили ученые, отличает от коры в основном плотность, и по своей природе она должна быть силикатной. Предположения эти строятся не только на догадках.

В лабораторных опытах установлено, что через силикат железа и магния при высоких давлениях колебания проходят с той же скоростью, с какой сейсмические волны распространяются в мантии Земли.

Что же за вещество составляет ядро Земли?

Оно, как мы уже знаем, жидкое. Оно тяжелое — по объему ядро составляет лишь $\frac{1}{6}$ часть планеты, а по массе — почти одну треть всей массы Земли ($\frac{2}{3}$ приходится на мантию и всего-навсего $\frac{1}{250}$ часть — на земную кору).

Итак, тяжелое и жидкое вещество...

Если выбирать из того, что у нас, так сказать, «под ногами», то, внимательно пересмотрев элементы земной коры, следует остановиться на железе. Только оно может быть достаточно плотным при тех высоких давлениях, которые существуют в центре Земли, и жидким при тамошних температурах.

Еще в 1866 году французский геолог Добрэ предположил, что ядро Земли железное. Это была гипотеза очень смелая. В то время сейсмические волны еще не указали людям на существование какого бы то ни было ядра вообще!

Но ведь на чем-то гипотеза строилась? Да. Но основа была космическая... Добрэ обосновывал свое предположение тем, что многие метеориты состоят почти целиком из железа.

Вот мы и опять «вернулись в космос». И в общем ничего удивительного в этом нет. Изучение космоса всегда помогало и будет помогать в познании нашей планеты — частички вселенной.

Изучение метеоритов показало — они бывают трех видов: железные, каменные (их большинство) и железно-каменные. А что, если все они — остатки планеты земного типа, которая где-то между Марсом и Юпитером разлетелась вдребезги? Предположение это насколько заманчиво, настолько и бездоказательно. Однако ученые не сбрасывают его со счетов до сего времени. Они говорят: если это так, то каменные метеориты — из мантии разорвавшейся планеты, железные — из ее ядра, а железно-каменные — из промежуточной зоны в нижней части мантии...

Да, твердый орешек наша Земля! Такой твердый, что его не раскусишь и ядро на зуб не попробуешь...

Пока мы, подобно слепым, можем «пощупать» сейсмическими волнами недра Земли, а увидеть — нет.

Но увидим ли?

Да!

ПЯТЬ НАПРАВЛЕНИЙ ШТУРМА

Подготовка к штурму глубин геокосмоса уже ведется. Человек проникнет туда, где клокочет лава, зарождаются руды и возникают землетрясения. Проникнет при помощи сверхглубокого бурения.

Советскими учеными уже составлен план этих беспримерных работ. На территории Советского Союза будут пробурены пять скважин. Каждая уйдет в глубь Земли на 15—18 километров. Пять скважин, вернее их разрезы, сложенные вместе, дадут полную картину строения земной коры — по всем слоям: осадочному, гранитному, базальтовому!

Первая — в Прикаспии. О многом очень интересном узнают геологи при бурении этой скважины. Дело в том, что прикаспийские толщи — это мощнейшие напластования осадочных пород, заполнивших прогиб земной коры, который был здесь миллионы лет назад. Скважина пронизет всю толщу этих осадочных пород до гранитов, до собственно земной коры. Это, как предполагают ученые, позволит определить, где находится нижняя граница залегания нефти в земной коре, уточнит наши знания, касающиеся самой природы нефти.

Вторая скважина, в Карелии, пройдет через граниты (древнейшие граниты, которым больше трех миллиардов лет!). Они возникли всего через полтора миллиарда лет после того, как земля стала твердым телом.

Представьте себе нашу Землю совсем юной планетой. В те времена ее поведение отличалось, видимо, большим непостоянством и «лицо» ее еще не сложилось. На земной коре шло сражение между горообразовательными силами. Кора была

подвижна. Потом возникли континентальные кристаллические платформы — они сковывали подвижную кору, становились фундаментом будущих континентов.

Карельские граниты — один из таких фундаментов. И, «заглянув» под него, мы, наверное, узнаем, какие силы и сегодня еще раскачивают континенты, почему, например, Скандинавия медленно, но верно поднимается, а территория Голландии опускается.

Карельская скважина на глубине уже 8—12 километров должна будет достигнуть базальтов. Так утверждают последние исследования геофизиков.

Бурение третьей скважины намечено в районе Урала. Скважина дойдет до базальтовых корней гор — сквозь те разломы и трещины, которые когда-то служили каналами для рудных растворов. Эта скважина пересечет и древние пути магмы. Быть может, ученым удастся узнать причину появления в глубинах Земли огненно-жидких морей, изливающихся так бурно на поверхность планеты через кратеры действующих вулканов. Как изменяются рудные породы под действием высоких температур и давлений, — и на этот вопрос ученые тоже надеются получить ответ, пробуравив Уральские горы.

Четвертая скважина вскрыет базальтовый слой вплоть до мантии! Она будет пробурена в Закавказье.

Какова геологическая природа и состав базальтового слоя? Как он влияет на формирование рудных растворов? Каковы условия распределения вещества в нижних слоях земной коры?

Ответы на эти вопросы также важны и интересны.

Гранитный и базальтовый слои отличаются друг от друга химическим составом. Это наталкивает на мысль, что элементы способны перемещаться и в твердом веществе — более легкие поднимаются на поверхность, более тяжелые опускаются вглубь.

Как, в силу чего происходит это деление? Работы на четвертой скважине дадут ответ и на этот вопрос...

Ну, и, наконец, пятая. Пятая скважина на Курильских островах пройдет всю земную кору и вскрыет таинственную мантию! Ученые получат загадочное подкорковое вещество, а это уже ключ к разгадке самых «глубинных тайн» Земли.

В этом коренное отличие нашей разведки геокосмоса от американской. Американцы осуществили первый этап проекта «Мохол». Они дошли до слоя базальта под тонкой коркой осадочных пород. На дне Тихого океана близ острова Гваделупа у берегов Калифорнии базальт имеет толщину всего четыре-пять километров. Задача американского проекта — пробуравив базальт, достигнуть слоя Мохоровичича. Предполагается войти и в породы верхней мантии. Проект интересный, но, как считают многие ученые, несовершенный по той простой причине, что изучение земной коры в океане даст немного данных для познания земной коры континентов.

Без проникновения в геокосмос нельзя решить фундаментальные научные проблемы современной геологии, нельзя познать строение, физическое состояние нижних слоев земной коры и

подкорковых слоев, нельзя познать энергетику глубоких недр нашей планеты.

Однако континентальное бурение имеет не только чисто научное, познавательное значение.

Полезные ископаемые... Часто еще мы ищем их, основываясь на догадках или недостаточных знаниях. А ведь образование руд, например, происходит на больших глубинах. Если мы будем знать достаточно много не только о местах, где залегают руды, но и о законах их зарождения и движения, — будем, по существу, «видеть сквозь Землю», — насколько тогда облегчится добыча полезных ископаемых!

Программа построения коммунизма в нашей стране ставит перед геологами такие задачи, выполнить которые можно, лишь расширив пределы науки о Земле. Однако тем, кто собирается победить геокосмос планеты, предстоит решить предварительно много сложных, а подчас и головоломных вопросов.

О ЛАДОНИ И КОМПЛЕКСЕ ИНФОРМАЦИИ

Возьмем иголку, проденем в ушко нитку длиной в шесть-семь метров. Опустим это сооружение с балкона третьего этажа. Попробуйте почувствовать пальцами, которыми вы держите нитку, момент встречи острия иголки с почвой. Трудно.

А ведь тем, кто бурит современные скважины, примерно такой момент и приходится улавливать.

На буровой вышке через кронблок перекинут стальной трос, на котором подвешена буровая колонна, или, как ее теперь называют, буровой вал, длиной до трех километров, с долотом на конце. Трос от кронблока вышки идет к тормозному барабану. С барабана трос отпускается рычагом, который держит в руке бурильщик.

При бурении долото бура касается породы. Нажим долота необходим определенный, не слабый (тогда долото не будет разрушать породу), не слишком сильный. Представьте, что на долото обрушится тяжесть всей колонны — десятки, сотни тонн.

Конечно, долото сломается.

Контроль за плавностью и силой нагрузки на долото ведет бурильщик. Инструмент, который ему помогает, — ручка тормоза. А улавливает показания этого «прибора» ладонь бурильщика. Его ладонь чувствует, подошло ли долото к забой. Она должна быть не менее чувствительна, чем пальцы хирурга.

В настоящее время у бурильщиков появился «подсобный рабочий» — прибор динамометр. Он показывает вес колонны. Когда инструмент упирается в забой, вес его, естественно, уменьшается. Так по косвенному показанию динамометра можно приблизительно судить о нагрузке на долото.

Но чем глубже уходят скважины, тем труднее контролировать перечисленные выше технологические параметры. Приборы могут определить вес колонны, учесть моменты уменьше-

ния или увеличения давления на забой, но указать, почему это произошло, не могут.

Никакие, даже совершенные счетно-электронные, машины не в состоянии пока выделить из вибрации и толчков ручки тор-моза таких сведений, как осевая нагрузка на инструмент при весе колонны в 500 тонн или крутящий момент, если вся колонна испытывает его.

Кстати, при глубине скважины в 15 километров колонна труб только от собственного веса удлинится почти на 30 метров.

А как же вели контроль американцы при осуществлении первого этапа проекта «Мохол»? Им ведь надо было отметить встречу инструмента с дном океана на глубине 3 500 метров. В принципе никак.

Теперь ученые США готовятся к следующему этапу проекта «Мохол». И, конечно, проблемой №1 является получение информации из забоя.

Трудно сказать, по какому пути пойдут американские ученые.

Однако как в Советском Союзе, так и за границей считают, что создание забойной аппаратуры, которая позволила бы знать технологические параметры, — задача реальная. Но этого мало; ученым необходимо получать и геологическую информацию из забоя — различать породы, которые проходит бур.

И вторая задача не менее важна, чем первая.

Для того чтобы извлечь из скважины керн — цилиндр породы длиной в несколько десятков сантиметров, — нужно с глубины нескольких километров поднять на поверхность всю буровую колонну, развинтить ее, а при спуске вновь собрать. В этом случае бурение 15-километровой скважины растянулось бы на 50—75 лет только за счет времени на спуск и подъем буровой колонны.

Но все эти сведения — нагрузки, моменты, геология пластов — не исчерпывают комплекса информации, которая интересует ученых. Им необходимо знать и температуры, и давления, и формы состояния вещества.

Такая информация позволит брать керн только из наиболее интересных в геологическом отношении горизонтов, а значит, ускорить проходку скважины. Ведь не придется то и дело поднимать и развинчивать всю буровую колонну. Приборы сами будут вести «репортаж» из недр.

ЭСТАФЕТА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Самые волнующие минуты в жизни конструктора — это когда созданная им машина делает первые шаги. Здесь без всякой натяжки можно привести сравнение с первыми шагами ребенка.

Новый прибор — своего рода забойный спутник. Его диаметр около девяти сантиметров, длина около метра. С виду он похож на запаянный с обоих концов отрезок трубы.

Прибор полчаса назад ушел вслед за буром в скважину.

Так начались производственные испытания первого в нашей стране автономного забойного «спутника». Он по форме чем-то

напоминал метеорологическую ракету. Да и задачи, которые стояли перед ним, тоже мало чем отличались от целей ракет. В высоких слоях атмосферы нужно было получить данные о составе воздуха, давлении и температуре, а подземной «ракете» — добыть сведения о давлении инструмента на забой и силе крутящего момента долота, разрушающего породу. И так же как ракета приносила сведения при возвращении на Землю, так и забойный прибор мог рассказать обо всем только после того, как поднимется на поверхность.

Оставалось ждать.

Михаил Михайлович Майоров ждал.

Волноваться можно по-разному: ходить, курить папиросу за папиросой. Можно просто сесть и, сцепив пальцы так, что побелеют суставы, молчать и думать о том, что происходит там, на глубине полутора километров, и знать — волнуешься не только ты, но и твои товарищи: и главный конструктор проекта Никифоров, и начальник сектора измерительной аппаратуры Андрианов, которые сейчас думают — как-то ведет себя измерительная аппаратура; да все, кто вычертил своими руками хоть один лист чертежа. Весь сектор телеизмерений конструкторского бюро ждет звонка — хотя бы слова о том, как прошли испытания.

Можно думать о том, что на создание прибора ушли годы труда, и о том, что детище еще далеко от совершенства.

Там, на глубине полутора километров, происходило то, что до мельчайших подробностей было изучено в лаборатории: магнитные датчики принимали сигналы осевой нагрузки на инструмент, определяли силу крутящего момента и записывали эти сведения на стальную проволоку своеобразного магнитфона. Так добывались сведения, которые больше всего интересовали инженеров. Потом, когда стальная проволока с магнитной записью попадет в лабораторию, ярко-зеленый луч на экране осциллографа расскажет о полезных и вредных нагрузках, об оптимальных условиях работы бура.

Мы встретились с Михаилом Михайловичем Майоровым вскоре после испытаний первого в Советском Союзе геологического спутника. Главный конструктор КБ средств автоматизации Майоров сказал, что прибор показал себя с хорошей стороны.

Этот прибор — только начало поисков.

Буровикам для завоевания недр нужны не только «метеорологические ракеты», способные дать кратковременную информацию. Буровикам нужны спутники, постоянные спутники, которые не два часа, а дни, недели, месяцы следят за работой в забое скважины.

Вот когда на пути конструкторов встало препятствие почти непреодолимое. Вот когда конструкторы подземных спутников позабывали создателям спутников космических.

В воздухе, в безвоздушном пространстве вселенной есть надежнейший способ получения любой информации: радио, телевидение, световые сигналы.

А как получить информацию из-под земли?

Радио и свет исключены.

Но электричество, оказалось, можно использовать.

Если в нижней части колонны буровых труб установить изолированный электрод, то при подключении генератора между электродом и колонной в окружающую породу стекает ток. Часть его поглощается жадной до электричества землей, а часть все-таки можно уловить приемным устройством на поверхности земли.

Сила сигнала, принимаемого на поверхности, зависит в этом случае от глубины погружения электрода, сопротивления различных пород, встретившихся на пути. Базальты, граниты, песчаники и известняки обладают различной электропроводностью. Ее надо знать при расчете передачи. Иначе сигнал «погаснет» в породе.

Но мало знать электропроводность пласта. Надо иметь хотя бы приблизительные сведения о мощности всех пластов по всему разрезу скважины и знать сумму их электропроводности.

И эта задача была решена инженерами конструкторского бюро средств автоматизации К. О. Левитским и В. К. Беланом.

Ученые Грозного, проводившие подобные эксперименты, доказали, что по гальваническому каналу можно получать сигналы с глубины до 4 километров.

Найти способ передачи сигналов из недр — полдела. А где взять энергию?

Сначала попробовали питать подземные спутники энергией с земной поверхности. Но колонка буровых труб вращается, хотя бы время от времени. Провода перекручиваются. Замыкание — и конец.

Аккумуляторы? Но они громоздки. Их не упрячешь в небольшой по диаметру снаряд.

Чтобы передать на поверхность сравнительно небольшое количество информации, хотя бы сведения об осевой нагрузке и крутящем моменте, с глубины 1 200 метров, необходима мощность 30 ватт; с глубины 3 тысячи метров — 800 ватт, а из забоя на 6 тысяч метров — 23 киловатта. Эти мощности даны для конкретных геологических условий, например известняков, песчаников. А встретятся на пути граниты или базальты — и таких мощностей может не хватить.

Ученые стали искать.

Для того чтобы очищать забой от шлама, предотвратить выброс (ведь в глубине царят огромные давления!) и вращать турбобур, в скважину гонят глинистый раствор. Сила, с которой его заталкивают в скважину, огромна — сотни атмосфер. А что, если использовать эту силу? Поставить внутри колонны, около прибора спутника, крохотную гидроэлектростанцию!

Но это годится только для небольших глубин, порядка полутора-двух километров. Мощность электростанций-малюток не может быть большой.

Снова тупик. Снова поиск.

Ретрансляция! Поставить в скважине несколько приемо-передатчиков, несколько электростанций. Это дает огромный энергетический выигрыш.

Если располагать ретрансляционные станции через каждые три километра, то чтобы принять сигнал с глубины 15 километров, потребуются не тысячи киловатт, а всего четыре. Теперь с помощью беспроводного канала и ретрансляции «метеорологическая ракета» — автономный подземный аппарат выведен на орбиту спутника». Вместо записывающего аппарата в нем помещены передатчики, которые все время посылают необходимую информацию на дневную поверхность.

Проблема решается вроде бы просто. Но только на первый взгляд. Подводных камней в проблеме очень много.

Здесь и «узость» полосы канала в области низких частот, и неравномерность затухания сигнала в различных породах, самовозбуждение системы, увеличение уровня шумов при ретрансляции и, главное, объем информации.

Однако обилие трудностей не пугает конструкторов.

Ведь к их услугам кибернетика. Моделирующие машины позволят им благополучно сбить подводные камни, которые встретятся на больших глубинах геокосмоса.

ЭКСКУРСИЯ НА ЗАВОД, КОТОРОГО ЕЩЕ НЕТ

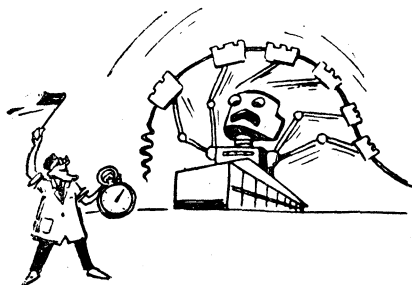
Когда человек читает книгу, он видит героев, их лица, привычки, странности, проникает в их душевный мир; он чувствует дыхание ветра и запах цветов. И чем реальнее может представить себе читатель персонажи и обстановку, тем, значит, лучше написана книга. Музыканты читают ноты. Они берут партитуры — и несуществующие оркестры играют для них прекрасные произведения в самом совершенном исполнении.

Для инженера достаточно чертежа, чтобы представить то, что изображено лишь линиями и обозначено цифрами, уже существующим.

Вот мы и решили совершить экскурсию на завод, которого нет, который существует пока еще в чертежах и воображении конструкторов отдела буровых станков Центрального конструкторского бюро Министерства геологии и охраны недр.

Нашим гидом в этом путешествии согласился быть начальник отдела буровых станков Абрам Маркович Ротенберг.

В мгновение ока, без всякой машины времени, потому что мысль и воображение не нуждаются ни в каких транспортных

средствах, в мгновение ока мы оказались на Курильских островах, где предполагается бурение одной из пяти «космических» скважин.

Перед нашим мысленным взором предстало величественное сооружение.

То, что мы увидели, ни намеком не напоминало обычную буровую вышку, даже самой последней модернизированной

конструкции. Никакой вышки просто не было.

Перед нами стояло десятиэтажное здание из сборного железобетона с широкими, во всю двухсотметровую длину, окнами. Над строением на еще такую же десятиэтажную высоту аркой поднимался полукруг и плавно выполаживался к задней стороне здания, где раскинулся огромный заводской двор. Его прикрывал от солнца и частой курильской непогоды легкий, ажурной конструкции навес.

В целом заводской двор удивительно напоминал обычный трубопрокатный стан с рольгангами, автоматической подачей и откаткой труб, с автоматической установкой для свинчивания «плетей» — звеньев из нескольких труб.

Воображение, одну минуточку! Вопрос:

— Товарищ Ротенберг, а зачем понадобился целый трубопрокатный стан?

— Это не совсем стан, — отвечает Абрам Маркович. — Мы взяли принцип стана. Самые сложные ручные работы в бурении обычно связаны с монтажом бурильной колонны. Вся двух-, трех- и пятикилометровая бурильная колонна состоит из десятиметровых труб. А главное — собирается и разбирается она в вертикальном положении. Для этого, собственно, и строят вышки. Пробурили десять метров — стоп. Всю колонну поднимают, привинчивают новую трубу. И тогда идут дальше. А представьте себе такую вещь. Буровое долото надо поменять. Износилось. Из скважины вынимают и развинчивают всю колонну. Заметим, что если скважина глубиной 5 тысяч метров — это 500 труб. На подъем, отвинчивание и другие операции на каждую трубу тратится 3 минуты. Значит, на подъем всей колонны с глубины 15 километров уйдет около трех суток. Это только на подъем. Чуть меньше на спуск. Прикинуть туда-сюда — шесть суток на спуск и подъем. А сколько усилий потребует такая операция!

— А сколько времени бурят между спусками и подъемами?

— Восемь-десять часов. При таких темпах пятнадцатый километр будут проходить три, а то и четыре года. А на всю скважину уйдет лет 50—75. А эстакада и заводской двор позволяют нам не развинчивать колонну на отдельные трубы.

— Каким образом? — спросил я.

— Видите эту арку шестидесятиметровой высоты?

— Да.

— Когда колонну поднимают из скважины, ее не развивчивают, а направляют на эстакаду. Под действием собственной тяжести и специальных устройств колонна изгибается по окружности эстакады и выползает на заводской двор, вернее, в цех подготовки труб...

→ Простите... — спрашиваю я.

— Предвижу ваш вопрос: не сломается ли колонна, не деформируется настолько, что ее потом придется выпрямлять специальными машинами?

— Вот именно.

— Нет. Этого не случится. Для каждого сорта металла существуют пределы упругости. Если нагрузка создает в металлической детали напряжения ниже этого предела, то после снятия нагрузки деталь восстанавливает первоначальную форму. При радиусе кривизны сорок метров напряжение изгиба составляет 40 килограммов на квадратный миллиметр. Металл труб, которыми будут вести бурение, должен обладать пределом упругости выше 130 килограммов на квадратный миллиметр. Такая сталь свободно выдержит напряжение в 40 килограммов на квадратный миллиметр. Так вот, смотрите...

По выполняющей части эстакады, подобно огромной нескончаемой змее, двигалась цельная труба со скоростью полтора метра в секунду. Благополучно миновав гамма-дефектоскоп, труба вышла на продольный транспортер. Вращающиеся роляганги подхватили ее и потянули в цех. За три минуты на транспортер было подано 300 метров трубы. Подвижной механизм автоматического свинчивания быстро отделил отрезок и откатил его в сторону. В то время как вынутая из скважины колонна «отдыхает» или ремонтируется, бурение ведется вторым набором труб.

За шесть часов — вместо тридцати! — колонна длиной в пятнадцать километров оказалась развинченной на «свечи» и сложена на склад. Столько же времени понадобится, чтобы собрать ее и опустить в скважину.

Вот преимущества горизонтальной разборки!

Однако, может быть, такое устройство требует очень много энергии? Нет. Чтобы поднять колонну весом в 600 тонн, требуется всего 5 тысяч киловатт.

Впрочем, если говорить о зарождении идеи горизонтальной съемки труб, то она в отделе буровых станков возникла далеко не случайно. И Ротенберг, и главный конструктор проекта В. С. Патрикеев, и главный конструктор ЦКБ В. А. Щепкин долгое время были тесно связаны с трубопрокатной промышленностью, с металлургией. Аналогия с трубопрокатным производством и позволила решить задачу.

В ней нет ничего неосуществимого. Горизонтальное расположение цеха, транспортировка, контроль и автоматическое складирование труб в большей или меньшей степени освоены в металлургическом и трубопрокатном производстве.

В чем же основная выгода горизонтальной схемы? В механизации и автоматизации самых сложных и трудоемких процессов бурильного дела. Буровая из кустарной мастерской с применением ручного труда превращается в современное механизированное предприятие с высокой производительностью.

Из цеха подготовки труб мы отправились в бурильный цех.

Он помещается в здании, а не на открытом воздухе, как всякая буровая вышка. Мы прошли через машинный зал, который расположен у основания эстакады. Здесь разместились мощные насосы, которые нагнетают в скважину глинистый раствор, компрессорное оборудование, силовая гидросистема, электрохозяйство, приборы, контролирующие все режимы проходки, щиты управления.

Здесь царство машин, ведущих проходку сверхглубокой скважины.

А вот и сама скважина.

И тут много непривычного, непонятого даже для человека, знакомого с бурильным делом.

Нет кронблока, нет талей, на которых висит крюк, держащий колонну.

Да, собственно, трудно представить себе трос, способный выдержать нагрузку в 600 тонн. Он должен быть едва ли не толще самой шестидюймовой бурильной трубы. Но тогда он вряд ли останется гибким.

От талевой системы пришлось отказаться по вполне понятным причинам. Нарастивание колонны — добавление труб — при талевой системе состоит из нескольких операций. Этот процесс прерывен. А в технике известно, что для коренного улучшения производства необходимо заменять процессы, состоящие из отдельных операций, процессами непрерывными. Так вот, автоматизировать, сделать непрерывным талевую систему трудно, если не невозможно.

Поэтому на буровом заводе тросы, тали, крюки заменены гидроподъемниками. При углублении трубы в скважину особые устройства могут подать новую «свечу» к ротору и соединить с колонной, не отрывая долота от забоя, иными словами, не поднимая колонну из скважины.

Отрыв долота от забоя — вещь совершенно обычная на буровых. Иначе невозможно нарастить колонну. При бурении алмазным долотом такая операция особенно рискованна. Алмаз хрупок. При опускании долота на забой можно случайно увеличить осевую нагрузку — и алмаз раскрошится. Долото погибнет.

Этого не случится на буровом заводе. Системы контроля и гидравлические устройства позволяют очень мягко подводить долото к забюю.

— Вот наше путешествие и закончено, — сказал Ротенберг.

120 ФОРМУЛ

Процессы во вращающемся теле описываются математическими формулами. Чтобы представить себе все явления во вращающейся буровой колонне, ученым пришлось вывести сто

двадцать различных формул. Формулы находятся в такой сложной зависимости, что понадобилось электронное моделирование.

В Центральном конструкторском бюро существует свой электронно - вычислительный центр, где инженеры могут решать любые вопросы, связанные с бурением.

А для чего, собственно, понадобилось математически моделировать вращающуюся буровую колонну? Для того, чтобы выяснить, какие трубы

понадобятся для сверхглубокого бурения, какой должна быть каждая скважина.

Если при проникновении в космос приходится бороться с отсутствием тяжести, давления, с временными перегрузками и низкими температурами, то при завоевании глубин Земли проблемы предстают шиворот-навыворот.

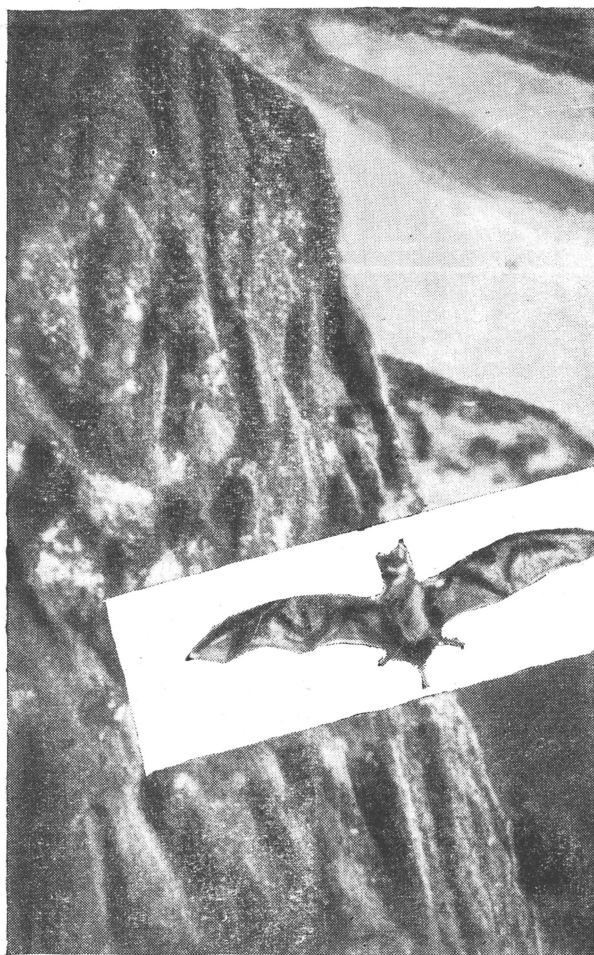
Главное, к чему стремятся ученые, — это, с одной стороны, проникнуть в недра, с другой стороны — изолироваться от них.

Но в каждом районе предполагаемого проникновения свои геологические и геофизические условия. Например, в осадочных породах можно встретиться с агрессивными подземными водами. Они могут в мгновение ока разрушить стенки скважины и силой пластового давления, подобно вулкану, выбросить из нее оборудование.

Сейчас все пять конструкций скважин уже разработаны. Их проекты созданы в отделе нефтяного оборудования ЦКБ под руководством А. Ф. Сергеева.

Сокровищницы Земли ждут прихода хозяина — Человека. И чем скорее мы откроем двери подземных кладовых, тем больше будет у нас богатств, тем скорее наступит для нас великое светлое будущее.

НИИКИ РАСНКАЗЫВАЮТ

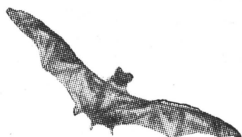

**БОГАТСТВА
СЪЕРРА-ДЕ-КУБИТАС**

Обожженные солнцем холмы да бесчисленные карстовые пещеры, манящие туристов, — только этим славилась до недавних пор Сьерра-де-Кубитас. Казалось, она не может представлять особого интереса для Национального института аграрной реформы, который занимается вопросами сельского хозяйства Кубы.

Однако сотрудники института — частые гости в этой пустынной местности, которая отделяет от морского побережья плодородную Камагуэйскую равнину. Кто бы мог думать, что в пещерах Сьерра-де-Кубитас кроются неиссякаемые богатства, имеющие прямое отношение к сельскому хозяйству!

В вечном мраке под сводами пещер испокон веков находят приют целые колонии летучих мышей. Их гуано — лучшее органическое удобрение. По своим химиче-

ским свойствам оно превосходит даже гуано, которое добывают в Перу и которое пользуется большим спросом на мировом рынке.

Во многих пещерах Сьерра-де-Кубитас ведутся поиски наиболее богатых залежей, определяются запасы этого ценного удобрения. Куэва-дель-Сиркуло — первая пещера, где уже идут разработки.

Каждое утро группа рабочих исчезает в черном провале пещеры. Некоторые галереи уходят на целый километр в глубь земли. Запутанный лабиринт коридоров, глубокие провалы, грозящие неосторожному смертью, отпугивали даже самых отважных туристов.

Однако окрестные жители охотно идут работать в Куэва-дель-Сиркуло. Их привлекает не только высокая оплата. Национальный институт аграрной реформы делает все, чтобы облегчить труд рабочих.

Новые установки для добычи гуано, современные подъемные механизмы, передвижные удобные лестницы между подземными галереями, электрическое освещение, вентиляция, телефон для связи бригадира с рабочими — все это можно увидеть под сводами Куэва-дель-Сиркуло.

Во время обязательных коротких перерывов тут же под землей можно выпить кофе. В обеденный перерыв, как правило, все рабочие выходят на поверхность, на солнце и свежий ветер.

Богатство Сьерра-де-Кубитас — настоящий клад для крепнущих молодых сельскохозяйственных кооперативов Кубы. Из одной только Куэва-дель-Сиркуло поступает «на-гора» ежедневно по 150 тонн гуано. А впереди разработки еще не тронутых залежей других пещер.

Ценное удобрение используется пока только на землях Кубы. Но по мере дальнейшего развития гуановой промышленности значительная часть дорогостоящей продукции пойдет на экспорт.

Рисунки В. Вакидина

Отель Карлтон,
Бродвей, Нью-Йорк,
14 апреля 1849 г.

Дорогой братец!

Будь у меня тверже рука, будь я менее взволнован всем этим, я бы написал тебе раньше. Прежде всего спешу сказать: все спасено. Теперь бы отдохнуть, но — увы! — тщетно ищу сна, и не только потому, что я в Нью-Йорке иностранец и чужак. Послушай и суди сам.

Парсход «Британия» отошел из Ливерпуля 2 марта, а прибыл 17-го. Умоляю, не смейся, если я скажу тебе, что моим первым пристанищем на американской земле оказался салун Платта в подвальчике под театром Уоллеса.

О господи, ну и путешествие!

Мой желудок не задерживал даже шампанского, я похудел и ослабел, как ребенок.

— Эй, старина, — сказал я кучеру в меховом кепи, когда с большим трудом пробился сквозь толпу ирландских иммигран-

тов, — отвези меня куда-нибудь, где можно как следует подкрепиться.

Мой английский язык не поставил в тупик возницу, что меня, честно говоря, очень обрадовало. Ну, а салун — это поистине нечто удивительное!

Прежде всего оглушал грохот молотков, разбивавших лед, который доставляли сюда гигантскими брусками. Пахло здесь не очень аппетитно, но раскрашенные от руки газовые люстры и роспись, украшавшая буфетную стойку, выглядели довольно привлекательно, не хуже, чем у «Трех братьев» в Париже. Множество джентльменов в шляпах чуть-чуть выше, чем это модно у нас, толкались у стойки и орали. Никто не обратил на меня никакого внимания, пока я не заказал шерри-кобблер.

Один из барменов, как их называют в Нью-Йорке, внимательно посмотрел на меня, приготовляя напиток.

— Прибыли небось из старушки Европы? — спросил он дружелюбно.

Я улыбнулся и кивнул.

— Итальянец, наверное?

— Я француз, сэр.

Как он обрадовался! На его жирном лице, как золотозубый цветок, расцвела улыбка.

— Вот что! — воскликнул он. — А как вас зовут? Если... — на лице его отразилось вдруг непонятное мне подозрение, — если вам угодно, конечно, назваться.

— Угодно. Я Арман де Лафайет, к вашим услугам.

Если бы ты знал, братец, какой получился эффект!¹

Все смолкло. Все звуки, даже слабое посвистывание газовых рожков, казалось, умерли в этом каменном зале. Все у стойки смотрели на меня.

— Ну-ну-ну, — почти глумился бармен, — а вы случайно не родственник маркизу де Лафайету?

— Покойный маркиз де Лафайет, — подтвердил я, — был моим дядей.

— Поосторожней, парень, — заорал вдруг чумазый коротышка с большим пистолетом, торчавшим из-под сюртука. — Мы здесь не любим, чтобы нас дурачили.

Я вынул свои бумаги из кармана и разложил их на стойке бара.

— Сэр, — сказал я, — можете взглянуть на мои верительные грамоты. Если вы будете сомневаться и дальше, мы можем закончить наш спор любым способом, какой вам нравится.

— Тут по-иностранному написано, — закричал бармен, — мне не прочесть!

И тогда — какой музыкой показалось мне это! — я услышал голос, обратившийся ко мне на моем родном языке.

— Может быть, сэр, я смогу оказать вам небольшую услугу?

Незнакомец, худощавый смуглый человек в поношенной воен-

¹ Автор имеет в виду огромную популярность имени маркиза Лафайета, известного французского политического деятеля, участника борьбы за независимость США. — *Прим. перев.*

ной шинели, стоял позади меня. Если бы я встретил его на парижских улицах, я, пожалуй, не назвал бы его симпатичным. У него был странно возбужденный, блуждающий взгляд. Человек этот не очень твердо держался на ногах. И все же, Морис, его манеры покоряли. Я даже невольно приподнял шляпу. Впрочем, и он сделал то же самое.

— С кем имею честь? — спросил я.

— Тэддеус Перли, сэр, к вашим услугам.

— Еще один иностранец, — сказал презрительно чумазый коротышка.

— Да, я иностранец, — сказал по-английски мистер Перли с какой-то отточенной акцентировкой, — иностранец для этого кабака! Иностранец для этого окружения!

Величественно и, как показалось мне, с какой-то нервозностью мистер Перли подошел ближе и заглянул в пачку моих бумаг.

— Я не нуждаюсь в особом доверии к моему переводу, — сказал он надменно, — потому что здесь есть документ, который вы, господа, можете прочесть сами. Это рекомендательное письмо, написанное по-английски. Оно адресовано президенту Захарии Тейлору от американского посла в Париже.

И опять, дорогой братец, наступила тишина. И какая! Но ее тут же нарушил крик бармена, вырвавшего письмо у мистера Перли.

— Тут без обмана, ребята, — сказал он. — Джентльмен настоящий.

— Вранье, — недоверчиво отмахнулся угрюмый коротышка.

Мы с тобой, Морис, уже видели, как изменчивы настроения парижской толпы. Американцы еще более чувствительны. В одно мгновение враждебность сменилась самым пылким дружелюбием. Меня колотили по спине, трясли мне руку, прижимали к стойке, пытались наперебой угостить.

Имя Лафайета прозвучало с таким почтением, что я перестал что-либо понимать. Когда я пытался спросить почему, они хохотали, думая, что я шучу. В конце концов я решил, что только Тэддеус Перли сумеет мне объяснить это. Но при первой же попытке подойти ко мне мистер Перли был отброшен назад. Он поскользнулся и упал, растянувшись на запыленном табачной жвачкой полу, и я потерял его из виду. Меня мутило от слабости — так я был голоден — и от полного бокала виски, который я должен был осушить, окруженный всеобщим вниманием. Голова моя окончательно закружилась.

— Друзья, — воскликнул я, — верьте мне, я искренне благодарен вам за ваше гостеприимство. Но у меня неотложное дело в Нью-Йорке, дело исключительной важности и отчаянной срочности. Если позволите, я заплачу сейчас все, что с меня причитается...

— Не пойдет, — сказал бармен, — оставьте ваши денежки при себе. Мы вас сами напоим допьяна.

— Обождите-ка минутку, — вмешался все тот же маленький человечек, бросив на меня хитрый взгляд, — а что это за дело, которое не терпит?

Ты называл меня донкихотом, Морис, а я не соглашался. Ты также считал меня опрометчивым. Может быть, ты и прав, но у меня не было выбора.

— Кто-нибудь слышал из вас, джентльмены, о мадам Тевенэ? О мадам Тевенэ, которая живет в доме номер двадцать три на Томас-стрит близ набережной Гудзона?

Честно говоря, я не ожидал утвердительного ответа. Но кто-то усмехнулся при упоминании улицы, а кто-то, подтверждая, кивнул в ответ.

— Старая скряга? — осведомился спортивного вида джентльмен в клетчатых штанах.

— Вы правы, сэ! — воскликнул я. — Точный портрет. Мадам Тевенэ очень богатая женщина. И я прибыл сюда, чтобы положить конец ужасной несправедливости.

Я рванулся вперед, но так и не вырвался. Кругом закричали:

— Какой?

— Дочь мадам Тевенэ, мадемуазель Клодина, живет в отчаянной нищете в Париже. Сама мадам Тевенэ приехала сюда не по доброй воле — ее буквально околдовал дьявол, а не женщина по имени... Да пропустите же меня, господа, умоляю вас!

— Держу пари! — воскликнул парень с пистолетом за поясом. — Вы, должно быть, влюблены в эту дочку, как ее там... — Он был явно доволен. — Что, угадал?

Он действительно угадал. Но откуда, господи боже мой, они могли узнать мой секрет?

— Я не собираюсь скрывать от вас, господа, — сказал я, — что я действительно очень высокого мнения о мадемуазель Клодине. Но она помолвлена с моим другом, артиллерийским офицером.

— Так вам-то какое дело до этого? — усмехнулся коротышка.

Вопрос поставил меня в тупик. Я не мог ответить. Тогда бармен с золотым зубом наклонился ко мне из-за стойки и сказал вполголоса.

— Вы лучше поспешите, мосье, если хотите застать француженку в живых. Я слышал, что утром у нее был удар.

Но пьяницы кругом истосово орали, настаивая на моем участии в попойке, и это последнее испытание буквально повергло меня в отчаяние. Потом поднялся старик с полинявшими бакенбардами.

— Кто из вас был с Вашингтоном? — спросил он, схватив коротышку за воротник, и добавил, презрительно оглядев окружающих: — Очистить дорогу племяннику Лафайета!

Они приветствовали меня, Морис. Они бежали за мной к двери и просили вернуться, обещая, что будут ждать меня здесь. Не знаю почему, но я поискал глазами мистера Перли. Он сидел за столиком у колонны под газовым рожком, тщательно стирая табачные пятна с шинели, и выглядел еще бледнее, чем прежде.

Я не видел более мрачной дыры, чем Томас-стрит, где высадил меня кучер. А может быть, причиной было мое настроение? Что, если мадам Тевенэ умерла, не оставив ни су своей дочери? Ты можешь это понять?

Домá на Томас-стрит были сложены из рыжего закопченного кирпича, мутно-серое небо висело над дымовыми трубами. Уходящий день дышал теплом, но дух мой был угнетен до крайности. Как ни грязны наши парижские улицы, но у нас не выпускают на них свиней. А здесь, кроме них, ничто живое не нарушало мрачного спокойствия улицы.

Несколько минут, как показалось мне, я отчаянно и громко стучал в двери дома номер двадцать три. Ничто не шелохнулось за ними. Потом чуть-чуть приоткрылся глазок, загремел тяжелый болт и дверь распахнулась.

Нужно ли говорить о том, что на пороге стояла женщина, которую мы зовем Иезавелью?

Она спросила меня:

— Это вы, мосье Арман?

— Что с мадам Тевенэ? — воскликнул я. — Она жива?

— Жива, — подтвердила моя собеседница, блеснув из-под ресниц зелеными глазами. — Но полностью парализована.

Я никогда не отрицал, Морис, что мадемуазель Иезавель не лишена привлекательности. Она не стара, ее не назовешь даже дамой средних лет. Если бы не серый, как небо над нами, цвет ее лица, она могла бы считаться красивой.

Я по-прежнему видел перед собой пепельные волосы, разделенные на пробор и зачесанные по моде за уши, — мадемуазель Иезавель, не двигаясь, непримиримо стояла в дверях. Зеленоватые глаза ее пристально смотрели на меня. Ее старое платье из тафты угрожающе зашуршало, когда она сделала шаг вперед.

— Вы даже не родственник, — сказала она. — Я не позволю вам войти.

— Очень сожалею, но я должен это сделать.

— Если бы вы когда-нибудь сказали мне хоть одно доброе слово, — произнесла мадемуазель, смотря на меня из-под опущенных ресниц, ее грудь подымалась при этом, — только один жест любви, нежности... и вы разделили бы со мной пять миллионов франков.

— Отойдите в сторону, — сказал я.

— Значит, вы предпочитаете эту чахоточную куклолку из Парижа? Пусть так!

Признаюсь, я был взбешен, Морис. Но сдержался и сухо спросил:

— Вы говорите, кажется, о Клодине Тевенэ?

— О ком же еще?

— Я могу напомнить вам, мадемуазель, что эта дама помолвлена с моим другом, лейтенантом Деляжем. Я давно забыл о ней.

— Разве? — спросила Иезавель и посмотрела на меня внимательно. Что-то хищное блеснуло в ее взоре. — Значит, ей придется умереть. Если вы не разгадаете тайны, конечно.

— Какой тайны? — удивился я.

— Это даже нельзя назвать тайной, мосье Арман. Разгадать ее невозможно. Это перст божий.

Парадные стеклянные двери позади нее все еще были открыты — единственная отдушина в доме с наглухо закрытыми ставнями. Оттуда несло какой-то кислотной, пылью нечищенных ковров, душной и затхлой жизнью. Кто-то приближался с зажженной свечой.

— Кто здесь? — спросил по-французски дребезжащий старческий голос. — Кто говорит о персте божьем?

Я шагнул через порог. Мадемуазель, не сводившая с меня глаз, тотчас же поспешила захлопнуть двери. Но я уже успел разглядеть человека со свечой и страшно обрадовался.

— Вы же мосье Дюрок, адвокат! — закричал я. — Вы друг моего брата!

Мосье Дюрок поднял свечу над головой, пытаясь рассмотреть меня.

Рослый, громоздкий, он, казалось, свисал вниз всем своим мясистым телом. словно вознаграждая за лысину, природа наделила его пышными каштановыми усами, сливавшимися с раздвоенной бородкой. Он разглядывал меня в оправленные золотом очки дружески, но чуть-чуть испуганно.

— Вы... вы... — подсвечник в его руках задрожал, — вы Арман де Лафайет. Я ожидал вас с последним пароходом сегодня. Ну, вот вы и здесь. С невыполнимым поручением, к сожалению.

— Но почему? — закричал я.

Мадемуазель слабо улыбнулась.

— Мосье Дюрок, — запротестовал я, — вы писали моему брату. Вы сказали, что добились от мадам чистосердечного раскаяния в ее жестоком отношении к дочери.

— А кто ухаживал за ней?! — воскликнула Иезавель. — Кто утешал ее, стирал ее грязные платья, успокаивал ее гнев и переносил ее вечные оскорбления? Кто? Я!

Говоря это, она бочком подвигалась ко мне, чуть-чуть прикасаясь, словно хотела убедиться в моем присутствии.

— Не все ли равно теперь? — сказал адвокат. — Если б не эта тайна...

Уверю тебя, все эти загадочные разговоры о тайне и персте божьем окончательно вывели меня из себя. Я потребовал объяснений.

— Прошлой ночью, — сказал Дюрок, — исчезла одна вещь.

— Какая?

— Исчезла, — повторил Дюрок, вытягиваясь, как гренадер, — это, конечно, предположительно. Исчезнуть она не могла. Могу в этом поклясться. Но куда она запропастилась, смогут объяснить только игрушечный зайчик и барометр.

— Сэр, — сказал я, — мне неприятно показаться невежливым, но...

— Вы думаете, я сумасшедший?

Я поклонился.

— Сэр, — продолжал Дюрок, указывая подсвечником на стену дома, — там лежит в постели мадам Тевенэ. Она парализована. Двигутся только глаза и чуть-чуть губы, да и то беззвучно. Хотите ли вы ее видеть?

— Да, если разрешите.

И я увидел, Морис, несчастную старую женщину. Называяй ее ведьмой, если тебе нравится, но я воздержусь.

Это была довольно большая квадратная комната, окна в которой, наглухо закрытые ставнями, не отворялись годами. Пахнет ли ржавчина? Мне казалось, что в этой комнате с выцветшими зелеными обоями я ощущал ее запах.

Одинокaя свеча только-только разгоняла тени. Она горела на камине, слабо освещая придвинутую к нему постель. Какой-

то лохматый мужчина, полицейский офицер, как сказали мне после, сидел в зеленом плюшевом кресле, ковыряя в зубах персичинным ножом.

— Вы разрешите, доктор Гардинг? — вежливо спросил мосье Дюрок.

Длинный тощий американец, в этот момент нагнувшийся над постелью больной и заслонивший от нас ее лицо, повернулся. Лица мадам Тевенэ по-прежнему не было видно.

— Может быть, ее перенести отсюда? — спросил Дюрок.

— Не вижу необходимости, — сухо проговорил доктор. Смуглое лицо его было сурово. — И если вы все еще хотите узнать что-то о барометре и плюшевом зайчике, лучше поспешите. Леди умрет через час-другой, может быть, даже раньше.

Он отступил от кровати.

Это было тяжелое сооружение с четырьмя стойками и балдахинном. Его темно-зеленые занавески с трех сторон прикрывали постель, оставляя ее открытой с одного бока. И тут я увидел в профиль мадам Тевенэ. Тонкая и прямая как палка, она неподвижно лежала на подушках, тесемки ее чепца были туго завязаны под подбородком. Ничто в ней не говорило о жизни, кроме одного глаза: он смотрел на нас, двигался, жил, неотрывно следя за каждым нашим движением.

До этой минуты женщина, которую мы назвали Иезавелью, не сказала ни слова. Но тут она вдруг шагнула ко мне, сверкнув зелеными своими глазами, отразившими огонек свечи, дрожащей в руке Дюрока, и тихо шепнула мне на ухо:

— Вы ненавидите меня, да?

Здесь я делаю паузу, Морис.

Я написал последнее предложение, положил перо и закрыл глаза руками, долго думая над тем, что напишу дальше. Я провел два часа в спальне мадам Тевенэ. И в последнюю минуту — ты еще услышишь почему — я выбежал из дома как сумасшедший.

В этот ранний вечер на улицах было тесно от многочисленных прохожих, omnibusов и карет. Не зная другого пристанища, кроме салуна, где я уже успел побывать, я дал его адрес кучеру. У меня голова кружилась от голода — ведь я ничего не ел с тех пор, но все, что я хотел — это открыть свое сердце друзьям, так просившим меня вернуться.

Множество незнакомых людей толпилось у стойки бара. Из тех, кто дружески приветствовал и обнимал меня, никого уже не было, кроме древнего старика, хваставшего дружбой с генералом Вашингтоном. Но и он лежал мертвецки пьяный возле ящика с спилками, служившего плевательницей для посетителей бара. Я был так тронут, что не удержался и сунул ему в карман несколько мелких кредиток: ведь он один дождался меня.

Впрочем, нет, был и другой.

Я, однако, не думаю, что он остался здесь ради меня. Тем не менее мистер Перли по-прежнему одиноко сидел за столиком у колонны под газовым рожком и задумчиво рассматривал пустой бокал.

— Сэр! — воскликнул я. — Разрешите безумцу присесть к вашему столику.

Погруженный в свои мысли, мистер Перли вздрогнул. Он был трезв, я это видел. И выглядел особенно изможденным скорее от недостатка спиртного, чем от его избытка.

— Вы оказываете мне честь, сэр, — сказал он, заикаясь, и встал из-за стола. Потом оглянулся, хотел позвать официанта, но, пошарив рукой в кармане, смущенно замаялся.

— Нет-нет, — остановил его я. — Если настаиваете, мистер Перли, вы, конечно, можете заплатить за вторую бутылку. Но первая — моя. У меня тоскливо на душе, и мне просто необходимо поговорить с джентльменом.

Как только я сказал это, выражение лица мистера Перли резко изменилось. Он сел и вежливо поощрительно кивнул мне. Его выразительные глаза внимательно наблюдали за мной.

— А вы больны, мистер Лафайет, — сказал он. — Только приехали и уже попали в беду в нашей цивилизованной стране. — Да, я попал в беду. Но не из-за цивилизации, а из-за ее отсутствия, — и я ударил кулаком по столу. — Я попал в беду, мистер Перли, из-за волшебства и чудес. Я попал в беду из-за дурацкой загадки, перед которой бессильна любая человеческая проницательность.

Мистер Перли странно посмотрел на меня. Но нам уже принесли бутылку бренди, и он дрожащей рукой поспешно наполнил мой бокал и налил себе.

— Чрезвычайно любопытно, — заметил он, рассматривая бокал, — наверное, убийство?

— Нет. Исчез ценнейший документ. Не помог даже самый тщательный полицейский розыск.

Мистер Перли взглянул недоверчиво: вероятно, ему показалось, что я над ним подшучиваю.

— Документ, говорите? — он засмеялся как-то странно. — Не письмо случайно?

— Нет, нет. Завещание. Три огромных листа пергаментной бумаги. Вот послушайте.

Мистер Перли быстро долил содовой в бокал с бренди и отхлебнул добрую треть.

— Мадам Тевенэ, о которой вы слышали от меня в этом кафе, — продолжал я, — была тяжело больным человеком. Но она, по крайней мере до сегодняшнего утра, не была прикована к постели. Она могла вставать, двигаться, даже ходить по комнате. Ее увезли из Парижа от семьи одна завистливая женщина, которую мы зовем Иезавелью.

Но здешний адвокат мосье Дюрок знал, что мадам очень жалея об этом и созвала свою вину перед дочерью. И вот вчера вечером, несмотря на все происки Иезавели, мадам подписала завещание, объявлявшее дочь наследницей всего ее состояния.

А дочь ее, Клодина, так нуждается в этих деньгах! Конечно, и я и мой брат — у нас достаточно средств для этого — могли бы о ней позаботиться, но от нас она не взяла бы и су. А жених ее, лейтенант Деляж, так же беден, как и она. К тому же она очень больна и если не переедет из Франции в Швейцарию, то, несомненно, умрет. У нее чахотка, и притом в той стадии — я не скрываю этого от вас, — когда помощь нужна немедленно.

Мистер Перли все еще держал в руке недопитый бокал.

Он верил мне, я чувствовал это. Ни кровинки не было в лице его, оно почти сливалось с кисейным жабо его белой сорочки.

— Деньги — это такая мелочь, — прошептал он, — такая мелочь...

Он, наконец, допил свой бокал.

— Вы не думаете, что я подшучиваю над вами?

— Нет, нет, — запротестовал он, — я знаю о таком случае. Тоже одна дама. Она умерла. Пожалуйста, продолжайте.

— Вчера вечером, я повторяю, мадам Тевенэ исправила содеянную ею несправедливость. Когда мосье Дюрок зашел к ней сообщить о моем приезде, она была очень взволнована и даже напугана. «Смерть приближается, — сказала она. — Предчувствие не обманывает».

Рассказывая об этом, я буквально видел перед собой, Морис, эту душную ядовито-зеленую спальню в наглухо замкнутом доме и все, что происходило в ней в этот вечер.

— Мадам предложила мосье Дюроку закрыть на задвижку дверь спальни. Она боялась Иезавели, которая где-то пряталась и молчала. Дюрок подвинул к постели секретер с двумя свечами, и два часа без усталости, ничего не стыдясь и не скрывая, мадам рассказывала историю своего несчастного замужества, а мосье Дюрок тщательно и подробно записывал этот рассказ на больших пергаментных листах завещания.

Все свое состояние до последнего цента она оставляла Клодине. Старое завещание, составленное во Франции и объявленное наследницей эту грешницу с нечистой кожей и грязными волосами, было отменено.

Затем мосье Дюрок вышел на улицу и привел с собой двух свидетелей. Завещание было подписано, а когда свидетели удалились, Дюрок сложил листы завещания в длину и уже хотел было положить их к себе в саквояж. Вы послушайте, мистер Перли, что произошло дальше.

«Нет, нет, — возразила мадам, — оно останется со мной в эту ночь».

«Именно в эту ночь?» — удивился Дюрок.

«Я спрячу его на груди. И буду читать и перечитывать его тысячи раз. Который час теперь, мосье Дюрок?»

Дюрок извлек из кармана свой золотой хронометр и удивился. Было около часу ночи.

«Останьтесь до утра, мосье Дюрок, — попросила мадам, — не уходите».

«Мадам! — воскликнул шокированный адвокат. — Это крайне неудобно».

«У вас, наверное, много работы сегодня, мосье Дюрок?»

«Один бог знает сколько!» — прошептал Дюрок.

«Знаете что? — оживилась мадам. — Это единственная дверь из спальни. За ней — мой будуар. Поставьте этот секретер там, придвиньте его к двери, чтобы никто не мог войти сюда без вашего ведома, и работайте сколько вам нужно. Возьмите лампу и свечи. Прошу вас, — голос ее прозвучал почти умоляюще, — хотя бы ради Клодины, во имя нашей старой дружбы».

Мосье Дюрок все еще колебался.

«Она выжидает где-то поблизости, — продолжала мадам Те-

венэ, прижимая бумаги к груди, — пусть! Я буду это читать, и читать, и обливаться слезами. Если мне захочется спать, — глаза ее лукаво блеснули, — я его спрячу. Не беспокойтесь. Не может же она проникнуть сквозь закрытые ставни и охраняемую дверь».

В конце концов адвокат уступил.

Он подвинул письменный столик вплотную к дверным косякам, загородив дверь в спальню. Закрывая дверь, он увидел мадам уже в постели за зеленым пологом в тусклом свете свечи на столике у кровати.

Ну и ночка! Я так и вижу Дюрока за его секретером в этой комнатухе без воздуха и без часов, тиканье которых помогло бы скоротать ночь. Я вижу, как он снимает очки, чтобы протереть усталые глаза, как снова нагибается над бумагами и скрипит, скрипит, скрипит пером в эти бесконечные ночные часы.

Он ничего не слышал, буквально ничего до пяти часов утра. Вот тогда он и услышал крик, заставивший его похолодеть от ужаса, крик, похожий на мычание глухонемого.

Загороженная дверь не была заперта, и Дюрок тотчас же ворвался в спальню. Свеча на столике у кровати догорела, превратившись в крохотный кусочек воска, над которым едва теплился бледный синеватый огонек. Мадам лежала, вытянувшись в своем остроконечном ночном чепце. Пережитое вечером возбуждение, припадок раскаяния и в результате — паралич. Мосье Дюрок пытался расспросить ее, но тщетно: только глаза ее могли что-то сказать.

И тут Дюрок заметил, что завешание, которое она держала вечером, как фанатик распятие, исчезло.

«Где оно? — закричал он, забыв, что она уже не могла ответить. — Где завешание?»

Глаза мадам Тевенэ остановились на нем, затем взгляд их скользнул вниз, задержавшись на маленьком — не больше четырех дюймов — дешевом игрушечном зайце из розового плюша. Тут мадам снова взглянула на Дюрока, словно хотела подчеркнуть это. Затем глаза ее — на этот раз с тяжелым, мучительным усилием — повернулись к похожему на металлическую грелку, большому барометру, висевшему на стене возле двери. Три раза глаза ее повторили свой призыв, прежде чем пламя свечи в последний раз вспыхнуло и погасло. Завешание не было украдено, — сказал я. — Даже Иезавель не смогла бы проскользнуть сквозь закрытые ставни и дверь. Не было оно и спрятано, ведь ни один уголок в спальне не остался необысканным. И все же оно исчезло.

Я посмотрел на мистера Перли.

Выпитое бренди, как мне казалось, только успокаивало и укрепляло мои нервы. Но я бы не мог этого сказать о мистере Перли. Он слегка покраснел. Непонятное раздражение, вдруг отражавшееся в глазах и подмеченное мной еще раньше, теперь появлялось только в одном глазу, что придавало лицу его какую-то странную искривленность. Но он уже обрел прежнюю самоуверенность и хитренько улыбнулся в ответ.

Я стукнул по столу.

— Вы удостаиваете меня своим вниманием, мистер Перли?

— Какую песню пели сирены, — задумчиво сказал он, — под каким именем скрывался Ахилл среди женщин — загадки столь же необъяснимые. Для всех ли?¹

— Для меня наверное! — воскликнул я. — И эта тоже.

Мистер Перли протянул руку, раздвинул пальцы и принялся рассматривать их с видом собственника вселенной.

— Немного времени прошло с тех пор, как я занимался такими пустяками, — заметил он. Глаза его приняли мечтательное выражение. — Кое-какую помощь я все-таки оказал префекту парижской полиции.

— Так вы француз? Я догадывался об этом. Помогали полиции? — обрадовался я и, поймав его горделивый взгляд, тут же добавил: — Как любитель, понятно?

— Понятно, — повторил он, и его тонкая рука — было бы жестоко сравнивать ее с клешней — протянулась через стол и схватила мою. Странные его глаза горели совсем близко. — Побольше деталей, — попросил он, — чуть больше, прошу вас. Например, об этой женщине. Как вы зовете ее — Иезавель?

— Она меня встретила у дверей дома.

— А потом?

Я описал свою встречу с ней, с адвокатом, наше появление в комнате мадам, где, кроме нее, находились лохматый полисмен и мрачный доктор у постели больной.

— Эта женщина, — сказал я, отчетливо представляя себе все виденное в этой комнате, — вспылала ко мне (простите меня) непонятной страстью. Должно быть, из-за нескольких пустячных комплиментов, которые я однажды сболтнул ей в Париже.

Как я уже говорил, Иезавель не назовешь некрасивой, только бы она (опять простите меня) чаще мыла голову. Тем не менее, когда она прикоснулась ко мне и прошептала: «Вы ненавидите меня, да?» — я почти ужаснулся. Мне показалось, что я в какой-то степени ответствен за всю трагедию.

Пока мы стояли у постели, адвокат Дюрок рассказал о том, что произошло в этой комнате. Больная подтвердила это беззвучно, одними глазами. Розовый игрушечный зайка по-прежнему лежал на постели. А позади меня на стене у двери висел большой барометр.

Очевидно, для меня мадам Тевенэ снова проделала то, что уже пыталась показать своими умоляющими глазами. Она посмотрела на зайчика, затем вокруг себя (Дюрок почему-то не упомянул об этом), и только потом взгляд ее остановился на барометре.

Что это означало?

Тогда заговорил адвокат.

«Больше света! — крикнул он. — Если нельзя открыть окна и ставни, так зажгите хотя бы свечи!»

Иезавель выбежала за свечами. Дюрок принялся объяснять что-то полицейскому офицеру, причем несколько раз назвал мое имя. При первом же упоминании его лохматый полисмен сму-

¹ Автор имеет в виду упоминающихся в «Одиссее» сирен — скажочных птиц с женскими головами, губивших своим пением всех проплывавших мимо их острова. Ахилл, или Ахиллес, — один из главных героев «Илиады».

щенно вскочил и спрятал свой нож. Дюрок же подошел к доктору Гардингу и повел с ним долгий разговор шепотом.

Полицейский офицер обратился ко мне.

«Мистер Лафайет! — воскликнул он и демонстративно потряс мою руку. — Если б я знал, что это были вы, мистер Лафайет, я бы не сидел здесь, как суч на суку».

«Вы служите в полиции, сэр, — сказал я, — можете вы объяснить то, что произошло?»

Он покачал головой.

«Ведь это французы, мистер Лафайет, а вы американец, — сказал он с полным отсутствием логики. — Если они говорят правду, сэр...»

«Допустим, что так».

«Я не могу сказать вам, где находится завещание этой старой леди, но мне уже ясно, где его нет. Его нет в этой комнате, сэр».

«Но как же...» — начал я в отчаянии.

Шесть шелкового платья Иезавели возвестил нам о ее возвращении. Она принесла свечи и жестяной коробок с новомодными спичками. Тут же она зажгла несколько свечей, укрепив их где попало без подсвечников.

Среди мебели в комнате было несколько хороших вещей. Но мраморные доски были обиты и запятнаны, позолоченные украшения поломаны. Несколько зеркал создавали иллюзорный, призрачный мир, в котором следили за мной две пары глаз: умоляющие — мадам Тевенэ и влюбленные. — Иезавели. Что-

нибудь одно я бы еще вытерпел, но те и другие вместе, казалось, душили меня.

«Мистер Дюрок, — сказал лохматый полицейский, похлопывая по плечу расстроенного адвоката, — послал за нами в половине шестого утра. Когда, вы думаете, мы прибыли? В шесть часов!»

Он погрозил мне пальцем, умиляясь своей быстроте.

«С шести утра до вашего прихода, мистер Лафайет, четырнадцать человек работало в этой комнате».

«Искали завещание?»

Лохматый полисмен зловеще кивнул в ответ.

«Солидный пол, — сказал он, топнув ногой, — и потолок, и стены. Все. Ни одного дюйма не

пропустили. Считаемся ловкачами по этой части. Такие и есть».

«Но мадам Тевенэ, — настаивал я, — вчера не была инвалидом. Она могла двигаться. Если она испугалась кого-то

(я не мог назвать Иезавели, само имя ее сжимало мне горло), если она испугалась и спрятала завещание...»

«Где же она его спрятала?»

«Проверили мебель?»

«С нами был мебельщик. Никаких секретных тайников, мистер Лафайет».

«А зеркала?»

«Мы отделили и задние стенки. Завещания там нет».

«Может быть, в каминной трубе?» — предположил я.

«Мы послали туда трубочиста, — с готовностью ответил мой собеседник. Каждый ответ его был хитрым, хотя и дружеским вызовом. — Что и говорить, считаемся ловкачами по этой части. Нет нигде вашего завещания!»

Розовый зайка на постели как будто посмеивался над нами. Я посмотрел на больную, на завязки чепчика у ее подбородка, еще раз на зайчика.

«А вы осматривали постельное белье?» — спросил я полицейского.

Мой косматый приятель подошел к постели мадам.

«Бедная старушка, — сказал он, словно перед ним был уже труп. И, повернувшись ко мне, добавил: — Мы подняли ее нежно, как новорожденного ребенка (разве не так, мадам?). Никаких тайников в кровати. Ничего под навесом. Ничего в подушках и подушках».

Он сердито нахмурился, словно все ему надоело до чертиков.

«И в этом проклятом зайце ничего нет. Мы распорили его — видите? И в барометре нет. Нигде».

Молчание тяжелое, как пыльный и затхлый воздух, повисло в комнате.

«Оно здесь, — произнес Дюрок хриплым голосом. — Оно должно быть здесь».

Иезавель стояла смиренно, потупив взор.

А я, признаюсь, потерял голову, то и дело крадучись подходил к барометру и постукивал по стеклу. Игла его, неизменно указывавшая «дождь, холод», от этого только подвигалась дальше в том же направлении.

Я едва удерживался, чтобы не стукнуть по нему кулаком. Но зато не удержался и пополз по полу в поисках какого-нибудь тайника. Пощупал я и стенки. И хотя полисмен все время повторял, чтобы никто ничего не трогал, пока он находится при исполнении служебных обязанностей, я его попросту игнорировал.

То, что задержало меня немного дольше, был шкаф, уже основательно обысканный. В шкафу висело несколько поношенных капотов и платьев мадам Тевенэ, казалось износившихся вместе с нею. А если пошарить на полке?

На полке стояло множество флаконов с духами. Боюсь, что даже сегодня наши соотечественники считают, будто духи могут заменить им мыло и воду. Руки мадам Тевенэ подтверждали это. Но, кроме духов, на полке валялось несколько книг и смятый, запачканный вчерашний номер нью-йоркской газеты «Сэн». Завещания в нем не было, но был черный жук, который и пополз у меня по руке.

Я сбросил его с отвращением на пол и раздавил ногой. Дверь

цу шкафа захлопнул, сознавая свое поражение. Завещание мадам Тевенэ бесследно исчезло.

Два голоса прозвучали одновременно в этой мрачной, все еще плохо освещенной комнате. Один из них был мой собственный:

«Господи боже мой, куда же оно могло деться?»

Другой принадлежал Дюроку:

«Посмотрите на нее. Она знает!»

Он говорил об Иезавели, указывая на зеркало. Запыленное, тусклое зеркало, как и все вокруг нас. Она стояла спиной к нам и, смотря в зеркало, пыталась увернуться от наших взглядов, как от летящих в нее камешков.

Тотчас же с естественной грацией увертка превратилась в книксен, и она, улыбаясь, обернулась к нам. Но я уже успел подметить спрятавшуюся усмешку, слабую, как след бритвы, почти незаметный, пока не выступила кровь, — полную, издевающуюся над нами осведомленность, сверкнувшую в отраженных зеркалом широко открытых глазах.

«Вы мне говорите, мосье Дюрок?» — спросила она по-французски.

«Слушайте, — воскликнул адвокат, — завещание не пропало! Оно здесь, в этой комнате. Вы не были здесь вчера ночью, но, видимо, догадались. Вы знаете, где оно».

«А вы не способны найти его», — засмеялась Иезавель.

«Отойдите, молодой человек, — повернулся ко мне мосье Дюрок. — Я хочу спросить вас кое о чем, мадемуазель. Во имя справедливости...»

«Спрашивайте», — улыбнулась Иезавель.

«Если Клодина Тевенэ наследует предназначенное ей состояние, вы будете вознаграждены. Сверхвознаграждены! Вы же знаете Клодину, мадемуазель».

«Знаю».

«Но если новое завещание не будет найдено, наследство перейдет к вам. И Клодина умрет. Это можно предположить».

«Да, — сказала Иезавель, приложив руку к сердцу. — Вы сами, мосье Дюрок, можете удостоверить, что свеча всю ночь горела у постели мадам. Бедная женщина, которую я лелеяла и любила, раскаялась в своей неблагодарности ко мне. Она сожгла завещание в пламени свечи и развеяла пепел».

«Вы думаете?» — спросил Дюрок.

«Это можно предположить. Как вы говорите, — улыбнулась Иезавель. Тут она взглянула на меня. — Что касается вас, мосье Арман...»

Она подвинулась ближе. Я видел только ее широко раскрытые глаза. Она ничего не скрывала.

«Все в мире я бы отдала вам, — сказала она. — Не отдала бы только эту кукольную мордочку из Парижа».

«Послушайте, вы! — я был настолько возбужден, что схватил ее за плечи. — Вы не можете отдать мне Клодину. Она выходит замуж за другого».

«А вы думаете, что это имеет значение для меня? — спросила Иезавель, не отводя от меня своих зеленых глаз. — Пока вы ее все еще любите».

Что-то тихо звякнуло, как будто нож упал на пол.

Мы совсем забыли, что мы не одни, что в комнате находились еще двое, хотя они и не понимали по-французски. Мрачный доктор Гардинг теперь сидел в плюшевом кресле. Со скрещенными ногами, худыми, длинными, в узких брюках со штрипками, он походил на паука. Цилиндр поблескивал на его голове. Ножик, однако, уронил не он, а полицейский: раньше онковырял им в зубах, а сейчас пытался подрезать ногти.

Но оба что-то почувствовали и насторожились.

«О чем болтовня? — заорал полисмен. — Что вам пришло в голову?»

Как это ни абсурдно, но именно слово «голова» натолкнуло меня на мысль.

«Чепчик!» — закричал я по-английски.

«Какой чепчик?»

Чепчик мадам Тевенэ походил на колпак. Он был довольно велик, крепко завязан у подбородка, в нем легко можно было спрятать плотно сложенный документ — какой, вы догадываетесь. Полисмен, тупоголовый на первый взгляд, сообразил мгновенно. И как же я пожалел о сказанном! У него были добрые намерения, но ему не хватало вежливости.

Пока я успел обежать балдахин, полицейский, со свечой в одной руке, другой сорвал с головы больной злополучный чепчик. Он не нашел там завещания. Только жалкие клочья волос на облысевшей старческой голове.

Мадам Тевенэ когда-то была настоящей леди. И то, что произошло сейчас, должно быть, переполнило чашу ее унижений. Две слезы выкатились у нее из глаз и поползли по щекам. Она почти сидела сейчас на подушках. Но что-то уже порвалось в ней.

Ее глаза закрылись. Навсегда. А Иезавель смеялась.

Вот вам и конец моего рассказа. Потому я и убежал как безумный из этого дома. Завещание магически исчезло из комнаты. А может быть, тут была действительно магия? Во всяком случае, я здесь, перед вами, растрепанный, растерянный и пристыженный.

Как только я закончил свой рассказ мистеру Перли, мне показалось, что в салуне стало много спокойней. Слабый шум доносился из театра над нашими головами. Затем все стихло.

Мистер Перли сидел за пустым бокалом так, что я не мог видеть его лица.

— У вас доброе сердце, сэр, — заметил он почти с горечью, — и я буду рад помочь вам в этой пустяковой загадке.

— Пустяковой?

Его голос был хриплый, но разборчивый. Пальцы медленно вертели бокал.

— Разрешите два вопроса.

— Два? Хоть десять тысяч!

— Больше двух не понадобится, — мистер Перли не подымал глаз. — Этот игрушечный заяц, о котором столько говорилось... Я бы хотел знать его точное положение на постели.

— Он лежал почти в ногах у больной. И посредине, если смотреть вдоль кровати.

— Так я и думал. Завещание было написано на трех листах пергамента. На обеих сторонах листа или только на одной?

— Я не рассказал вам, мистер Перли, простите. Но Дюрок сказал точно: только на одной стороне.

Мистер Перли поднял голову.

Хмель исказил его лицо, кровь прилила к нему, в глазах сверкало веселое буйство. Он был горд как сатана и полон презрения к чужому интеллекту, однако разговаривал он с достоинством и рассчитанной ясностью речи.

— Весьма забавно, мистер Лафайет, что именно я должен рассказать вам, как найти пропавшее завещание и неуловимые деньги, ведь лично для себя мне это никогда не удавалось сделать.

Он улыбнулся собственной шутке и прибавил:

— Может быть, сама простота этой загадки привела вас к ошибке.

Я уставился на него в полном замешательстве.

— Видимо, тайна была слишком ясна, слишком очевидна, — прибавил он.

— Вы смеетесь надо мной, сэр! — воскликнул я.

— Понимайте, как вам угодно, или оставьте меня в покое, — сказал мистер Перли. — Тем более... — его глаза скользнули по списку отплывающих пароходов, вывешенному на стене напротив, — тем более, что я завтра уезжаю на «Парнасе» в Англию, а оттуда — во Францию.

— Я не думал вас обидеть, мистер Перли. Если можете помочь — помогите.

— Мадам Тевенэ, — начал он, заботливо наполняя пустой бокал, — спрятала завещание глубокой ночью. Вас не удивляет, что она это сделала с такой предосторожностью? Но все преувеличенное предает само себя. Иезавель не должна была найти завещания. Однако мадам Тевенэ никому не доверяла, даже пользовавшему ее врачу. Что случилось бы, если бы она умерла от удара? Полиция бы явилась немедленно и вскоре разгадала бы ее замысел: она была в этом уверена. Если бы ее хватил паралич, то все находившиеся в комнате невольно охраняли бы спрятанное завещание.

Ваша кардинальная ошибка, — продолжал бесстрастно мистер Перли, — это ваше логическое рассуждение. Вы сказали мне, что мадам Тевенэ дала вам намек, посмотрев на что-то у себя в ногах. Почему вы предположили, что это «что-то» — игрушечный зайчик?

— Потому, что он был единственным предметом, на который она могла посмотреть.

— Простите меня, но он не был этим предметом. Вы несколько раз сказали мне, что занавески вокруг постели были тщательно задернуты с трех сторон, кроме той, что обращена к двери. Делая единственно разумный вывод из этого, вы можете спокойно сказать, что занавески в ногах у больной были задернуты.

— Совершенно верно.

— После того как мадам взглянула на игрушку, сказали вы, она посмотрела вокруг. Не кажется ли вам, что она просто хотела попросить вас открыть занавески, чтобы она могла увидеть «что-то» за ними?

— Возможно, — пробормотал я.

— Не только возможно, но вполне очевидно. Сейчас я покажу вам это. Пусть ваше внимание сосредоточится на нелепом барометре, висящем предположительно вот на этой стене. Барометр показывает «холод, дождь».

Плечи мистера Перли под его военной шинелью выразительно вздрогнули.

— Значит, приближается похолодание, — сказал он, — а ведь для апреля сегодня было, пожалуй, жарко, даже знойно, а?

— Да, конечно.

— Вы сами сказали мне, — продолжал мистер Перли, рассматривая свои ногти, — что кровать была подвинута к камину так, что ноги больной почти упирались в его решетку. Предположим, что занавески у постели открыты. Мадам Тевенэ в ее сидячем положении смотрит вперед. Что она видит?

— Решетку! — воскликнул я. — Каминную решетку!

— Так. Мы уже знаем, что в комнате было жарко. А что было за решеткой камина?

— Неразожженный уголь.

— Именно. Что нужно для того, чтобы зажечь камин? Нужен уголь, нужны щепки и, кроме этого... что еще?

— Бумага! — крикнул я.

— В этой комнате, в шкафу, — произнес мистер Перли со своей снисходительной улыбочкой, — вы нашли вчерашний номер нью-йоркской «Сэн», смятый и запачканный, — заметьте, не запыленный, а запачканный. Для того чтобы разжечь огонь в камине, обычно и берут газеты. И эта газета с вечера была приспособлена для этой цели. Но что-то другое ночью заменило ее в камине. Вы сами обратили внимание на грязные руки мадам Тевенэ.

Мистер Перли допил бренди и еще более покраснел.

— Сэр! — повысил он голос. — Вы найдете завещание, смятое, с краями, торчащими из-под наваленного угля и дров. Если бы кто-нибудь и разбросал эту кучу, он нашел бы только листы грязной бумаги, повернутые исписанной стороной внутрь и ничем не напоминающие пропавшее завещание. Все это совершенно очевидно. Ну, а теперь идите.

— Идти? — глупо переспросил я.

— Идите, говорю! — закричал он, сверкнув глазами. — Иезавель не разжигала огонь в камине — в комнате было слишком жарко. Да и полицейские, торчавшие там целый день, не позволяли ничего трогать. Но как сейчас? Ведь глаза мадам Тевенэ предупреждали вас, что нельзя зажигать камина, иначе завещание погибнет.

— Вы подождете меня здесь? — спросил я.

— Да, да. И, может быть, вы принесете счастье бедной девочке, той самой... с больными легкими.

Выбежав на улицу, я заглянул в последний раз в открытую дверь: он все еще сидел, низко склонившись, нелепый и жалкий. А я помчался вперед, подхлестываемый надеждой и волнением, как взмахами кучерского бича. Но когда я достиг цели, надежда угасла.

Лохматый полисмен встретился мне на лестнице у подъезда.

— Мы уходим, мистер Лафайет, и не вернемся больше, — сказал он приветливо. — Старая миссис, как ее там, должно быть, действительно сожгла свое завещание на свечке. Пока!

Входная дверь была не заперта. Я пробежал по темному дому и ворвался в спальню.

Покойница все еще лежала в своей большой мрачной постели. Свечи почти догорели, на полу сиротливо лежал забытый ножик полицейского.

Иезавель стояла на коленях у камина с жестяным коробком спичек в руках. Спичка вспыхнула голубым огоньком. Рука со спичкой протянулась к каминной решетке.

— Адский огонь в руках Иезавели! — засмеялся я.

И с такой силой оттолкнул ее от решетки, что она споткнулась о стул и упала. Здоровенные куски угля с грохотом разлетелись в стороны, подымая клубы черной пыли, когда я засунул руки в камин. За углем полетели щепки. А внизу я нашел, наконец, то, что искал. Смятые листы пергамента — бесспорное завещание покойной.

— Мосье Дюрок! — закричал я. — Мосье Дюрок!

Мы с тобой, Морис, умеющие взять в руки оружие, когда это нужно, можем не стыдиться слез. Признаюсь, что слезы буквально ослепили меня. Я едва разглядел Дюрока, поспешившего на мой крик.

И, конечно, я не видел, как Иезавель втихомолку подняла нож полисмена. Я так и не заметил ничего до тех пор, пока она, подкравшись сзади, не ударила меня ножом в спину.

Успокойся, братец, теперь все уже в полном порядке. А в тот момент я даже не почувствовал боли. Я попросту предложил дрожащему от страха Дюроку вытащить этот нож. У него же я позаимствовал его вместительное пальто, чтобы скрыть следы крови. Я должен был спешить, спешить к маленькому столику под газовым рожком.

По дороге туда я тщательно обдумал свой план. Мистер Перли был, несомненно, чужим в этой стране и, видимо, сильно нуждался. Но мы же с тобой не нищие. И при всей его чудовищной гордости он, возможно, не отказался бы (за такую-то заслугу!) от суммы, которая не разорит нас, но позволит ему безбедно прожить до конца дней своих.

Я ворвался в салон и поспешил к стойке. Но тут же остановился. Столик у колонны под газовым рожком был пуст.

Не помню, как долго я простоял так. Рубашка, взмокшая от крови, прилипла к адвокатскому пальто. Тут я заметил обращенный на меня взгляд круглолицего бармена с золотым зубом. В знак уважения он даже вышел навстречу мне из-за стойки.

— Где джентльмен, который сидел за этим столом?

Мой голос прозвучал так хрипло и странно, что бармен смутился. Он решил, что я разгневан.

— Не беспокойтесь, мосье, — воскликнул он, — с этим все улажено. Мы выбросили отсюда этого пьяницу.

— Вы выбросили...

— Прямо в канаву. Он так и пополз на карачках, даже встать не мог. — Самодовольное лицо бармена так и сияло. — Заказал бутылку лучшего бренди и не мог заплатить! — Лицо

его вдруг изменилось. — Господи боже, мосье, да что случилось?

— Я заказал эту бутылку.

— Он и не подумал сказать об этом, когда официант подозвал меня к его столу. Только оглядел меня сверху вниз как полоумный и сказал, что джентльмен всегда может оставить долговую расписку. Джентльмен!

— Мистер Перли — мой друг, — сказал я, с трудом сдерживаясь, чтоб не убить этого бармена. — Он уезжает во Францию завтра утром. Где его отель? Где я могу найти его?

— Перли? — засмеялся бармен. — Он вам даже не назвал своего настоящего имени. И откуда только барства набрался? С верхнего Бродвея, должно быть. А на расписке подписался по-настоящему.

Вспышка надежды еще раз почти ослепила меня.

— Где, где она, эта расписка?

— Где-то у меня, — проворчал бармен, роясь в карманах, — вот. Сам не знаю, почему я ее не выбросил.

Наконец-то, Морис, я мог торжествовать.

Правда, я упал в обморок от потери крови и лихорадка не позволила мне на другой день прийти в порт, когда «Парнас» отплывал из Нью-Йорка. Я должен был оставаться в гостиничном номере и мучиться от бессонницы, пока не приобрел билеты на обратный рейс домой. Но там, где я потерпел неудачу, ты можешь преуспеть. Он отплыл на «Парнасе» в Англию, а оттуда во Францию, так он сам мне сказал. Ты можешь найти его за эти полгода. Даю тебе слово, я вырву его из нужды навечно!

«Я должен вам, — гласила его расписка, — за бутылку лучшего бренди сорок пять центов. ЭДГАР АЛЛАН ПО».

Остаюсь, Морис, твой любящий брат Арман.

Перевод с английского АЛ. АБРАМОВА

Рассказ американского писателя Дж. Диксон Карра не совсем обычный для детективного жанра, заполняющего многие страницы газет и журналов США. Его герой — это не полицейский, не сыщик и вообще никакой не криминалист, а один из крупнейших американских писателей середины прошлого века Эдгар Аллан По. Рассказ Карра при этом претендует не только на биографичность, он пытается объяснить, почему именно Эдгар По стал, по существу, родоначальником детективного жанра в американской и западноевропейской литературе.

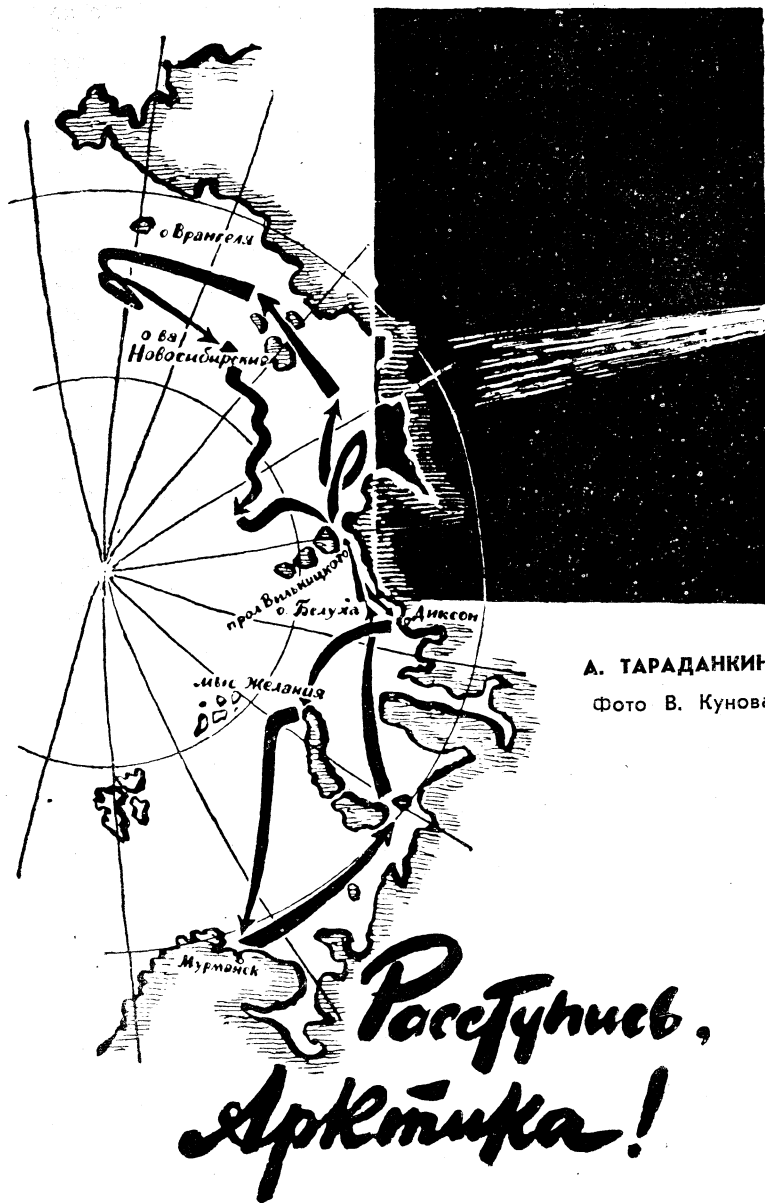
И Диккенс в «Тайне Эдвина Друда» и Коллинз в «Лунном камне» отдали дань этому жанру лишь почти три десятилетия спустя, а в появившейся к концу века эпопее конан-дойловского Шерлока Холмса прослеживается тесная связь с четырьмя новеллами Эдгара По: «Золотой жук», «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Ружэ» и «Украденное письмо», которые сам По называл не детективными, а логическими рассказами.

Однако ни один из биографов писателя не объяснил, что же для Эдгара По послужило стимулом к созданию этих новелл. Не был ли он сам прототипом своего героя, не проявлял ли склонности к такому «логическому анализу», замечательным мастером которого предстает перед нами в рассказе Карра? Он прямо говорит там своему собеседнику, что в бытность свою в Париже «оказывал кое-какую помощь префекту парижской полиции». Так ли это? После смерти По не осталось никаких документальных свидетельств ни о его пребывании в Париже, ни тем более о сотрудничестве с парижской полицией. В биографии По много туманных страниц. С 1831 года он, например, на три года исчез из Америки. Ходили слухи, что он объездил всю Европу; кто-то видел его в Марселе, в Риме; возможно, он побывал и в Париже.

Домысел Карра базируется и на авторской характеристике героя «логических» рассказов — Дюпена. Это был, пишет По, «молодой человек, хорошей, даже знаменитой фамилии, но несчастное сцепление обстоятельств довело его до крайней нищеты». Таким появляется в рассказе Карра и сам По, таким он был и в действительности — одиноким, затравленным, отчаянно нуждавшимся, но гордым и самолюбивым человеком, глубоко презиравшим окружающее его общество торгашей и спекулянтов. Действие в рассказе «Джентльмен из Парижа» происходит в 1849 году, всего за несколько месяцев до смерти Эдгара По. В это время он, одинокий (незадолго до этого умерла в нужде его любимая жена Виргиния), уставший от борьбы за существование, буквально ограбленный издателями, отчаянно нуждался, пил.

В манере Эдгара По построен и логический анализ поисков пропавшего завещания: он напоминает о почти такой же ситуации в новелле «Украденное письмо».

Ал. Абрамов

А. ТАРАДАНКИН

Фото В. Кунова

Когда собираешься в далекое путешествие, ничего не стоит оказаться жертвой словоохотливых советчиков и консультантов. Удивительно, как много их появляется вдруг! Одни, ссылаясь на свой опыт, поучают, как одеться в дорогу, другие — как себя вести. В конце концов убеждаешься в своей полной неосведомленности: все всё знают, а ты не знаешь ничего. Такова, видно, судьба всех начинающих «мореплавателей».

Так было и со мной накануне похода в Арктику на атомном ледоколе «Ленин». «Бери побольше теплого белья!», «Купи несколько банок вазелина смазывать лицо, а еще лучше — гусиный жир», «Захвати спальный мешок», «Флягу под спирт», «Меховой рюкзак», «Домино», «Пенициллин», «Шприц»... Спасла положение встреча с известным полярным летчиком Анатолием Барабановым. Он недавно вернулся из Антарктики. Увидев мою растерянность, он рассмеялся:

— Придется помочь. Собирайся, поедем ко мне домой.

И сразу все стало просто и ясно. Пилот достал из шкафа кожаный реглан с поддевкой на гагачьем пуху, коричневую цыгейковую ушанку, пару теплого белья.

— Эти доспехи проверены на двух полюсах, — сказал он. — А валенки или унты выдадут на корабле.

Теперь мне досаждали только шептуны. «Арктика? Гм! Там всякое бывает», — говорили они. «Атомный ледокол? Ну-ну! Подумай... Слышал? Радиация... альфа- и бета-лучи... Ну, как знаешь...»

„ПРИКЛЮЧЕНИЙ НЕ ОБЕЩАЮ“

Первое же знакомство с атомоходом заставило меня от души рассмеяться над самим собой, над недавними тревогами. Вместе с корреспондентом «Известий» Олегом Строгановым и фотокорреспондентом ТАСС Валентином Куновым я стал обладателем великолепной просторной каюты. В каюте были все удобства: пружинные койки, три шкафа, лампы дневного света, письменный стол, умывальник с горячей и холодной водой.

Советские кораблестроители сделали все, чтобы скрасить быт арктических моряков.

Что же касается радиации... Спросите о ней у кого-либо из экипажа «Ленина», и над вами от души посмеются. Советские ученые и конструкторы сумели создать такую защиту, что с момента рождения судна ни разу нигде не загорелась красная лампочка сигнализации, предупреждающая об опасности.

Теперь уже ясно, что в области строительства атомных кораблей наша страна оставила далеко позади Соединенные Штаты Америки. О том, что они строят атомный корабль «Саванна», американцы начали шуметь еще задолго до рождения нашего ледокола. Западные газеты сулили ей великое будущее и, конечно, возсю трубили о приоритете. Но вышло иначе.

«Ленин» уже вспарывает северные льды, а хваленая «Саванна» так и стоит у стенки. Не ладится что-то у американских специалистов с мирным использованием атома!

Но мы еще вернемся к разговору об альфа- и бета-лучах.

Люди на нашем атомоходе были мало похожи на суровых полярных моряков, знакомых по картинкам многочисленных книжек об Арктике. Ни усов, ни бород, ни морщин. Средний возраст экипажа «Ленина» — двадцать пять лет. Молод корабль — молод и экипаж.

Капитану атомохода Борису Макаровичу Соколову тридцать четыре года. Это высокий, плотный, широкоплечий человек с крупными чертами лица, открытой белозубой улыбкой и умными, внимательными глазами. Он стал хозяином корабля всего несколько недель назад. Первый капитан «Ленина», знаменитый полярник, мореход Павел Акимович Понамарев заболел, уехал лечиться. Хорошо зная достоинства своего молодого помощника (Соколов плавал с Павлом Акимовичем дублером капитана), Понамарев порекомендовал назначить его на свое место.

Я спросил Соколова, какие приключения могут ожидать нас в пути.

— Тилун вам на язык! — засмеялся он. — Я самый жестокий враг неожиданностей. Лучше все предвидеть заранее. Так что приключений не обещаю. На таком корабле их не должно быть.

НОЧНОЙ САЛЮТ

Было примерно около двух часов ночи. Вместе с капитаном Соколовым я находился в ходовой рубке. До встречи со льдами оставалось пройти десяток миль. И обидно было бы пропустить эту минуту.

Впереди, справа по борту, псывился зеленоватый мигающий огонек.

— Остров Белуха, — тихо сказал Борис Макарович.
Белуха! Я давно слышал об этом скалистом клочке земли...
В августе 1942 года, в самый разгар Великой Отечественной войны, у Белухи произошло событие, о котором никогда не забудут полярные моряки.

Сюда, в самое сердце нашей Арктики, тайно пробрался фашистский карманный линкор «Адмирал Шеер». По плану гитлеровского командования он должен был неожиданно появиться на дороге, которой шел в это время караван из четырнадцати советских судов, ведомый двумя ледоколами. Эту операцию фашисты назвали «Вундерланд» — «Страна чудес».

24 августа пират находился неподалеку от каравана, но не знал ледовой обстановки. В это время на север с экспедиционным грузом шел небольшой ледокольный пароход «А. Сибиряков».

Корабли встретились у острова Белуха. Фашисты решили захватить судно и узнать от экипажа ледовую обстановку. Но маленький мирный советский корабль не спустил флаг. Он ринулся в атаку. Завязался неравный бой. Сибиряковцы успели сообщить: «Все! Все! Все!» — о появлении вражеского линкора. Караван тем временем вошел во льды пролива Вилькицкого и стал недосыгаем для врага. Операция «Вундерланд» потерпела крах.

Объятый пламенем, «Сибиряков» был потоплен экипажем. Девятнадцать моряков, в том числе тяжело раненный капитан А. А. Качарова, попали в плен. Моряки не выдали фашистам, что капитан с ними. Не узнали гитлеровцы и обстановку в проливе.

Много мук и лишений приняли моряки, пока вырвались из неволи. Несколько человек погибло. Лишь одному, кочегару Павлу Вавилову, удалось избежать плена. На полузатопленной лодке он добрался до Белухи и прожил один на острове 37 суток, пока его не обнаружили. Тогда за ним прилетел известный полярный летчик И. И. Черевичный.

Несколько лет назад я познакомился с сибиряковцами и капитаном Анатолием Алексеевичем Качаровой, который не покинул Арктику. Он командует большим пароходом «Тбилиси».

...Над ночным морем прозвучали три протяжных гудка. Флагманский корабль Арктического флота страны отдавал салют героическому «Сибирякову», отважным морякам, погибшим здесь.

„В МЕШКЕ СО ЛЬДАМИ“

«Мешок со льдами» — так моряки называют пролив Бориса Вилькицкого. С севера над ним постоянно нависает язык мощных ледяных полей. Подуют южные ветры — наши союзники, — потеснят их, открываются разводья, дохнет полюс — и нет дороги. Этот пролив висит над центром Великого Северного морского пути как дамочков меч. Вот и дежурят в нем ледоколы, готовые выручить из беды караваны судов. Однако и им не всегда удается справиться со стихией. Памятен полярникам 1937 год. Тогда несколько кораблей вместе с ледоколами так и не смогли пробиться к чистой воде. Им пришлось дрейфо-

вать в белых полях до следующего лета. Только с появлением таких мощных ледоколов, как «Москва» и «Ленин», пролив Вилькицкого перестал быть камнем преткновения.

«Челночная операция» — так образно называют моряки работу ледоколов в проливе Вилькицкого. Ходят они по нему взад и вперед, проводя корабли из Карского моря в море Лаптевых и обратно. Ледокол — челнок, а караваны — нитки.

Особенно много дел в конце навигации, когда нужно быстрее выводить транспортные суда из восточного сектора Арктики. Загоститься им там до октября опасно: льды окрепнут, и выбраться на чистую воду будет очень трудно. Не приспособлены корпуса обычных кораблей к большим льдам. Вот почему так торопился атомоход на помощь старым ледоколам. На запад нужно было вытащить пароходы «Тбилиси», «Псков», «Механик Бондик», дизель-электроходы «Цимлянгэс», «Ангаргэс», ледокольный пароход «Лезаневский».

С 4 октября «Ленин» стал главной ударной силой в челночной операции в проливе Бориса Вилькицкого.

В полдень над атомоходом появился самолет «ЛИ-2». Это прилетел капитан-наставник ледокольной группы штаба проводки западного сектора Северного морского пути Герман Васильевич Драницын. Атомоход остановился. Сделав несколько кругов, крылатый разведчик промчался низко над кораблем и с точностью снайпера сбросил на капитанский мостик вымпел с точкой ледовой обстановки в проливе и в море Лаптевых. — Корабли ждут вашей помощи! — громко прозвучал по радио голос Драницына. — Желаю удачи!

Судно легко стронулось с места. Нос его чуть-чуть поднялся и сразу осел: белое поле дало трещину.

Капитан перевел ручки телеграфа: «Полный вперед!»

...Я новичок в арктических морях и, скажу честно, поначалу не очень-то интересовался тем, какие бывают льды. К тому же наш атомоход так легко с ними расправлялся. Непонятным только было иной раз, почему это капитан или вахтенные штурманы меняют курс, останавливают ледокол, а порой даже отходят назад: шли бы себе прямо. Однако именно здесь, в проливе Вилькицкого, привелось познакомиться мне с такими странными на первый взгляд терминами, как «водяное небо», «ледовое небо», многое узнать о льдах.

Помню беседы о ледовых плаваниях с Георгием Осиповичем Кононовичем, великим знатоком северных морей. Более двадцати лет провел он в Арктике: плавал, летал, ездил на собаках и оленях. В этот рейс Кононович был назначен капитаном-наставником. Есть на атомоходе такая должность. Наставник — это не учитель или строгий инспектор, а добрый советчик, помощник, если хотите — друг.

Дневную вахту на мостике Георгий Осипович нес обычно с 12.00 до 18.00. В тот раз атомоход проводил караван сквозь восьми-девятибалльный лед. Опять же следует объяснить: балльность определяется не толщиной льда, а тем, насколько покрыта им поверхность моря. Десять баллов — значит, все вокруг сплошь затянато льдом.

Кононович в бинокль оглядел горизонт и командовал матросу:

- Лево руля!
- Корабль сделал плавный доворот.
- Так держать!
- Есть так держать!

Теперь нос ледокола смотрел на темное туманное облако, смазывающее черту горизонта.

— Почему вы повернули атомоход именно в эту сторону? — полубопытствовал я.

Кононович посопел потухшей трубкой и ответил, растягивая слова:

— Знамение северной природы! Смотрите, справа горизонт чист — ясное белесое небо, — значит, там сплошные льды, а слева темно — это парят разводья, там вода. Отсюда и понятия: «ледовое небо», «водяное небо». Сама природа помогает нам, капитанам.

— Но ведь если искать воду, значит петлять, удлинять путь?

— На этот вопрос я отвечу вам старым изречением: «Длинный путь по чистой воде всегда короче короткого пути во льдах». И любое судно, даже ледокол, даже такой мощный богатырь, как наш корабль, всегда будет избегать встречи с тяжелым льдом и искать разводья. Мастерство полярного капитана в том и состоит, чтоб точно определять структуру льда и находить среди полей чистую воду.

Уже поздней, в рубке, библиотеке, в каюте капитана, у камин, который очень располагает к беседе, я пополнил свои познания в области льдов.

Коротко об этом.

Морская вода замерзает при температурах ниже нуля. Чем солоней вода, тем ниже температура ее замерзания. Лед начинает образовываться постепенно. Сперва появляются первичные кристаллы, имеющие форму очень тонких шестигранных призм. Они пресные. Скопление таких кристаллов на поверхности воды напоминает пятно жира на остывшем супе, и моряки называют его салом.

При дальнейшем охлаждении сало начинает смерзаться, и, если море спокойно, появляется прозрачная, как стекло, ледяная корка — нилас. Этот лед уже соленый. Если в это время идет снег, образуется мутный, белесоватый, непрозрачный и неровный лед — молодняк. При ветре и волнении нилас и молодняк разламываются на куски, которые, сталкиваясь, обивают друг другу углы. Тогда появляются круглые льдины — блинчики. А стало тихо — они смерзнутся и образуют сплошной блинчатый лед.

На отмелях и у берегов лед образуется быстрее. Примерзший к берегу лед — это припай. В тихую и морозную погоду он растет очень быстро, а поднимется волнение — отрывается и уносится в открытое море. Так возникают плавучие льды. Если их площадь более одной морской мили, их называют ледяными полями. Между такими полями быстро образуется лед и в открытом море. Многолетние, толстые поля называются паком.

Атомоход захватил начало арктической зимы, и мне посчастливилось увидеть всю метаморфозу. Лед растет очень быстро и в толщину. Помню результаты замеров. При 25-градус-

Заместитель начальника
«СП-10» Г. Хлопушин — и метеоролог и главный строитель.

ном морозе за сутки лед прибавлял до трех сантиметров. С каждым днем ломать его было труднее.

А порой встречались одиночные толстые льдины, вставшие на дыбы и в таком положении вмерзшие в окружающее поле. Это ропак. Или торосы — ледяные валы, образующиеся при давлении ледяных полей. Иногда торосы достигают высоты в несколько десятков метров и представляют собой серьезное препятствие даже для самых мощных ледоколов.

ВСТРЕЧА С „ДЕДОМ“

Как-то под утро над белым горизонтом показался дым.

Это шел дедушка арктического ледокольного флота «Ермак». Сейчас его легко узнают по «чалме». Из всех ледоколов он один работает на угле и чадит. «Ермак» пробивался на запад, ведя за кормой пароход «Механик Бондик». «Механик Бондик» — 63-е судно, которое в эту навигацию тащит «Ермак» через льды пролива Вилькицкого.

Трогательна и символична эта встреча. «Ермак» — первый в мире арктический ледокол — радостно приветствовал гудком своего гиганта внука — первый в мире атомный ледокол.

Сразу вспомнился замечательный русский флотоводец и ученый адмирал С. О. Макаров, создатель «Ермака». Он считал возможным пройти на специальном корабле «к Северному полюсу — напролом!». Макаров верил, что это сделают его соотечественники.

— К полюсу напролом? — капитан атомохода Борис Макарович Соколов улыбнулся, когда я напомнил ему о мечте русского адмирала. — Что ж, это осуществимо. «Ленин» обладает достаточной мощностью, чтобы пройти к полюсу.

— Так что ж?

— И пройдем, когда потребуется. Согласитесь, что ломиться к полюсу ради голой сенсации не имеет смысла. Другое дело — выполнить такой рейс с научными целями.

Корабли швартуются. Атомоход дарит «деду» несколько мешков картошки. Перехожу на палубу «Ермака». «Ленин» поведет караван к Карскому морю. Почти день можно погостить на борту ветерана Арктики.

Богатая биография у этого почитаемого всеми ледокола-работяги. Судну 63 года. В уютной кают-компании «Ермака» много картин, рассказывающих о его делах. Рисовали их сами моряки: гидролог Гаврилов, кочегар Самсонов. На одной из переборок — бронзовая грамота. В день пятидесятилетнего юбилея ледокол награжден орденом Ленина. А какие знаменитые арктические капитаны плавали на «Ермаке»: Воронин, Сорокин, Понамарев — тот самый, который стал потом первым командиром атомохода.

О своем родном судне больше всех может рассказать четвертый штурман Вячеслав Владимирович Смирнов. Он здесь с 1936 года, начинал с кочегара. Только один раз моряк надолго покинул борт корабля. Это было в войну, когда «Ермак» стал солдатом и курсировал от Ленинграда к Кронштадту, доставляя на остров снаряжение и боеприпасы. Во время прорыва арктической блокады Смирнов вместе с экипажем ушел на

фронт. Лишь тринадцать человек вернулись обратно. После войны вместе с «Ермаком» Вячеслав Владимирович снова оказался в Арктике, которую любит так же беззаветно, как и корабль.

Незадолго до возвращения на атомоход я разговорился с кочегаром «Ермака» Владимиром Кравцовым.

У этого парня замечательная морская биография. Он побывал во многих странах. Вспомните случай, происшедший в начале 1961 года в Эдинбурге. О нем сообщалось в печати. Тонули трое английских мальчуганов. Помощь пришла с советского парохода «Сухуми». Молодой кок В. Кравцов бросился в холодную воду и спас малышей. Вернувшись на Родину, Владимир пожелал работать в Арктике. Так он стал кочегаром «Ермака».

Север понравился Кравцову и корабль полюбился. Но о своей специальности он говорит с чувством затаенной грусти:

— Кочегар — почетный человек на пароходе, спора нет. Но ведь это отживающая свой век специальность. Надо менять ее. Учиться надо.

Что ж, Кравцов прав. Должность кочегара в недалеком будущем перестанет значиться в судовых списках.

Правда, иной раз еще и на атомоходе можно услышать слово «кочегар», но оно вызывает улыбки. Так шуточно называют в экипаже инженеров-операторов, которые следят за работой атомного сердца ледокола — ядерными реакторами.

В ГЛУБЬ АЙОНСКОГО МАССИВА

В небольшой телеграмме, полученной на борту «Ленина», излагалось новое важное задание атомному кораблю. Нам надо было принять с идущего на запад ледокольного парохода «Леваневский» участников экспедиции «Север-13» и зимовщиков «СП-10» с полным снаряжением будущей станции. После этого надлежало взять курс на восток, пересечь море Лаптевых и Восточно-Сибирское море. Вблизи острова Врангеля повернуть на север, в тяжелые льды Айонского массива. На 75-м градусе северной широты с борта корабля высадить станцию «СП-10» на разведанную с воздуха льдину и построить там взлетно-посадочную полосу, которая будет промежуточной базой авиасвязи с «СП-8». Дрейфуя, станция «СП-8» оказалась относительно нас по ту сторону полюса.

Далее атомоход с участниками экспедиции «Север-13» должен был отправиться в еще более высокие широты и, следуя на запад вдоль границы паков, установить на них пятнадцать дрейфующих радиометеостанций и радиовех.

Уже через час после получения телеграммы всему экипажу было объявлено о предстоящем походе. На общем собрании единодушно решили посвятить рейс XXII съезду Коммунистической партии. От имени молодежи выступил «кочегар» атомохода, инженер-оператор Александр Зюганов. Накануне комсомольцы судна избрали его своим вожаком.

Пятого октября атомоход встретился у мыса Челюскин с ледоколом «Красин», который с трудом пробивался по проливу, ведя за собой «Леванезского».

Началась перегрузка оборудования станции «СП-10». На борт атомохода стрелами подавались сотни ящиков, бочек с горючим, тракторы, ледорезная фрезерная машина. Работали все без исключения. За полтора суток в глубоких трюмах корабля и на палубах было размещено около 400 тонн груза.

Среди груза «СП-10» оказались четыре небольших ящика. Они появились перед отправкой экспедиции неожиданно еще там, на Большой земле. На верхней крышке их было написано «Полярникам «СП-10» — и в скобках: «Осторожно, яйца!» Обратный адрес: «Омск, Сибниисхоз. Лаборатория. Птицеводство».

Яйца? Многие тогда отнеслись с подозрением к содержимому ящиков. «С момента их отправки прошло уже много времени, должны испортиться», — рассуждали полярники, не решаясь распаковать посылку. Все выяснилось, когда об этом доложили начальнику экспедиции «Север-13» Дмитрию Дмитриевичу Максутову.

— Грузите, останетесь довольны, — сказал он и улыбнулся мне. — Помните?

Ну, конечно, я хорошо помню разговор со Львом Натановичем Вейцманом — руководителем лаборатории птицеводства Сибниисхоза. В эти же дни в Москве был и Максутов. Узнав, что готовится высадка «СП-10», птицевод пообещал прислать полярникам яйца цесарок — ведь они не портятся. Максутов заметил, что это было очень кстати: в рационе «СП-10» есть только яичный порошок.

Такова история четырех ящиков из Омска. В них оказалось около тысячи яиц. Подарок сибирских птицеводов пришелся по вкусу полярникам. После первой же дегустации они отправили благодарственную телеграмму в Сибниисхоз.

Рано утром 9 октября атомоход двинулся на восток. Набирая скорость, дал прощальный гудок. Ему ответили «Красин» и «Леваневский», последние корабли на дальней дороге. Теперь уже никто не мог нам встретиться. Навигация кончилась. А «Ленин» шел в свой необыкновенный рейс.

Четырнадцать полярников «СП-10» начали хлопотать на палубе, где стоял зачехленный вертолет. Нечего ждать, ведь домики можно собрать тут же, на корабле, а на льдину опустить готовыми.

Вскоре на вертолетной палубе появился игрушечный хуторок. И ночью пять готовых хаток весело смотрели на море огнями круглых глаз — иллюминаторов. Полярники были довольны и большую часть времени проводили в домиках: обживали, судачили о предстоящей зимовке и ласково гозорили: «Наша льдина».

Полярники «СП-10» — это молодой, но выдавший виды народ, уже позимовавший в Антарктиде либо в Арктике. Начальнику станции Николаю Александровичу Корнилову тридцать один год. Самому старшему в группе, инженеру-метеорологу Георгию Андреевичу Хлопушину — сорок четыре, а младшим (их двое), актинометристу Николаю Макарову и аэрологу Василию Митрофанову — по двадцать пять.

...Позади осталось море Лаптевых. Впереди — пролив Санникова. Все участники похода надолго запомнят его.

ПОД КИЛЕМ ПОЛТОРА МЕТРА

Взгляните на карту Арктики, и вы найдете этот пролив в группе Новосибирских островов, между Малым Ляховским и Котельным. Пролив Санникова широк, но пользуется у моряков дурной славой — мелководен. На каждом шагу можно встретить лютого врага кораблей — стамуху. Это толстые, многометровые льдины, примерзшие ко дну. Встреча со стамухой равносильна столкновению со скалой. Вот почему немногие капитаны отваживались вести здесь большие суда.

Капитан «Ленина» решил провести корабль проливом Санникова. Значительно сокращался путь к месту высадки станции «СП-10», экономилось драгоценное светлое время. В середине октября каждый день в высоких широтах убывает на тридцать минут.

В пролив вошли поздно вечером. Два прожектора с мачт ледокола, сведя лучи, едва пробивали белесую кисею тумана. Где-то рядом, у острова Котельного, парили разводья.

На мостик и в ходовую рубку собрались все, от кого зависела сейчас точность движения судна. Капитан Соколов, капитан-наставник Кононович и старший помощник Кашицкий каждые двадцать минут держали совет. Штурманы Перелыгин и Чупыра, не переставая, орудовали циркулем и транспортером над картой. В сторону — ни, ни! Полсотни метров от курса — и может случиться беда! Мелко! Осадка у атомохода солидная. Киль идет чуть ли не над самым дном. За кормой — рыжий след ила.

Судоводители, чередуясь, дежурят у локатора. Яркий лучик быстро бегает по кругу, высветляя белые точки, — это стамухи. Однако не все их может распознать локатор: те, что под водой, не обнаружишь.

— Под килем три метра, — докладывает электронavigator Александр Гамбургер, не отрывая взгляда от показаний эхолота. — Два... полтора...

Капитан снижает ход корабля до минимума. Он около полутора часа движется теперь не быстрее пешехода.

— Три... — докладывает электронavigator.

Ледокол пошел скорее, но недолго.

— Два... Полтора...

И так десять с лишним часов, пока в судовом журнале не появилась лаконичная запись: «Вышли из пролива Санникова». Впервые в истории Арктики такое большое судно прошло проливом Санникова, да еще в такую позднюю пору!

Восточно-Сибирское море встретило нас довольно радушно: оно было чистым. Хруст льда сменился шипением воды. Но это было только первое знакомство с четвертым на нашем пути морем. Через несколько часов небо нахмурилось, на вершинах волн появились белые дымки срывааемых ветром брызг, повалил густой снег. Палубы покрылись сугробами, домики «СП-10» надели мохнатые шапки, а между ними обозначились тропинки, точь-в-точь как в зимней деревеньке. Только бушевавшие за бортом волны нарушали эту мирную картину.

Шторм разыгрывался не на шутку. Но атомоходу он был не страшен.

„ОБОЙТИ... МЕДВЕДЯ“

Двенадцатого октября атомоход резко изменил курс и пошел прямо на север. К вечеру навстречу стали попадаться большие льдины — первые вестники Айонского массива, в глубь которого нам нужно было врубаться. Ряды льдин становились тесней и тесней, пока не сомкнулись в сплошное поле. Ни разводий, ни трещин, кажется, что корабль идет по суше. Но гулкие удары в борта и всплески за кормой напоминают, что это не суша, а многометровая холодная бородавчатая кожа полярного моря. Иногда льды настолько крепки, что корабль не в силах сразу поднять их под себя и сокрушить. Тогда короткая остановка, отход назад и стремительная атака. И снова льды трещат вокруг, отступая перед атомным гигантом.

На следующее утро над «Лениным» появился самолет «ИЛ-14». Он сбросил карту ледовой обстановки. Уже близко. Летчики сообщили новости: на выбранной для станции льдине живут медведи. При виде крылатой машины они беспокойно бегают по своим владениям.

— Ничего, потеснятся, — услышав эту весть, рассмеялся Николай Александрович Корнилов.

Шутки шутками, а в экспедиции уже разработан специальный план борьбы с медведями. Их в этом районе очень много. Десятка два мы уже встретили. Эти громадные желто-белые хищники вовсе не похожи на мишек в московском зоопарке. Зоопарковские по сравнению с ними — карлики.

При встречах с ледоколом медведи вели себя до глупости одинаково. Если они оказывались перед носом корабля, то не сворачивали, а бежали вперед. Улепетывали боком, повернув голову назад, забавно переваливая зад из стороны в сторону. Так иногда продолжалось пятнадцать-двадцать минут. Помню, один медведь соревновался с нами в скорости добрых полчаса: изнемогал от быстрого бега, но никак не мог «догадаться», что надо уступить дорогу судну.

— Глупый, пропусти нас! — кричали с борта моряки. — Тебя ж инфаркт хватит!

Люди свистели, корабль давал гудки, но упрямец был глух к добрым советам.

И тогда не выдержал капитан. Он приказал рулевому обойти медведя стороной.

Так пугливо и забавно ведет себя косолапый перед ледоколом. Но от человека он не побежит, встреча может кончиться очень трагично...

ЕСТЬ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-10“:

— Вот она, взгляните! — Анатолий Матвеевич Кашицкий протянул мне бинокль.

Я увидел... то же, что и везде: сплошное белое поле, и на нем те же снежные барханы и ропаки.

Все, что не был занят на вахте, в эту минуту стояли у бортов атомохода, рассматривали бродячий ледяной остров, который должен был на год приютить наших товарищей.

— На льдине самолет? — удивился кто-то.

— Это дед Мазай, — улыбнулся Кашицкий.

Так на Севере в шутку величают старейшего полярного летчика Героя Советского Союза Виталия Ивановича Масленникова. С рассвета он барражировал над кораблем, а потом куда-то исчез. Оказывается, пилот уже посадил свой «ЛИ-2» на приглянувшийся ему «аэродром» и ждет нас.

«Ленин» медленно движется по узкому разводью. И вот останозка.

— Приехали, братцы, «домой»! — кричит товарищам инженер-гидролог Михаил Извеков. Он будет зимовать этак пятый раз, поселки на льдах давно стали для него вторым домом.

По штормтрапу полярники первыми — это их право — спускают вниз. Потом несколько матросов.

— Отдать ледовые якоря! — звучит с мостика команда.

Это было в шестнадцать часов 15 октября.

Гидрологи обследовали льдину. Оказалась она многолетним полем, достигающим в некоторых местах толщины десяти метров. Все отлично. Правда, строить взлетно-посадочную полосу будет трудно — нет ровных площадок.

А как же сел Масленников? Я глянул в сторону, где еще недавно был самолет, и не нашел его сразу. Он... переместился метров на четыреста.

— Мы сели на очень тонкий лед, образовавшийся у пака, — рассказал мне позднее штурман Владимир Гришелев. — Другой площадки не было. Постояли немного. «Аэродром» наш начал пицать, потрескивать, проступила вода. Завели моторы, переехали на новое место. Через час та же картина.

— Это же опасно!

Володя отшутился:

— Льду опасно. Вот мы и крутились, чтоб его не попортить... Началась разгрузка.

Аврал. Работают все.

Как мало светлого времени — каких-то два-три часа! Почти не гаснут прожекторы. Но ими не осветишь всю льдину. С корабля протянули провода. На вехах, воткнутых в снег, повесили фонари. Свет нужен и для безопасности: могут пожаловать медведи.

Они не заставили себя ждать. Только выгрузили продукты, ночью косолапые тут как тут. Заметил их первым матрос, работавший на тракторе. Подъехал ближе: три медведя. Сосиски лопают! Разбили ящик и пируют. Матрос решил припугнуть обжор, пустил на них машину. Но не тут-то было! Один из медведей смело пошел навстречу «знакомиться». Трактористу это не очень понравилось, и он ретировался.

Тогда направили прожекторы с ледокола. Тоже не помогло. Закрывшись от света лапами, звери принялись за госяжью тушу. Как ни жалко было, но пришлось пустить в ход карабины. Соседство этой милой семейки не сулило добра.

Быстро строился лагерь. В центре льдины появились семь домиков, кают-компания, склады, электростанция. Из камбуза неслись аппетитные запахи. Там хозяйничал повар ленинградского ресторана «Метрополь» Степан Пестов, пожелавший работать на «СП-10».

Пошли третьи сутки. На счету каждая минута. Завтра откры-

тие XXII съезда КПСС, и всем хочется ознаменовать это историческое событие подъемом флага на льдине. Вот почему люди работают день и ночь.

Помню морозные ветреные сумерки. У нас было семнадцать часов, а в Москве — восемь утра. Все, кто мог, пришли с ледокола к домикам станции. На мачте взвилось алое полотнище. За два километра сквозь колючие облака запоземки с корабля пробился луч прожектора, и знамя ярко запылало. К небу взметнулись ракеты, резко шелкнули выстрелы карабинов. Через два часа в Москве начнется съезд. В эфир из глубины Арктики полетели слова: «Москва, Кремль, Дворец съездов... Впервые в истории на льдах Центрального полярного бассейна с помощью ледокола создана новая научная дрейфующая станция «Северный полюс-10» в координатах 75 градусов 27 минут северной широты, 177 градусов 10 минут восточной долготы...»

Назавтра в восемь утра снова на лед — строить посадочную полосу, сравнивать торосы и ропаки. На каждую бригаду по торосу. Начали. Кирки и пешни застучали по телу тороса. Именно застучали: лед, как камень, не хочет колотиться. Размахнешься изо всей силы, ударишь — отскакивает хрустальный кусочек величиной со спичечный коробок. Вот те на! Сколько же придется потратить времени, чтобы расчистить километровую полосу?

— Не горюйте, хлопцы! — кричит Извеков. — Сейчас мы его не так!..

В руках у гидролога длинный бурав. Он залезает на торос, сверлит дырку. Минут через двадцать все отходят в сторону. В морозном воздухе гулко разносится хлопок взрыва.

— Навались!

Торос в трещинах стал податливей. Дело пошло быстрее.

Светло стало только к полудню. С корабля прилетел вертолет, привез бутерброды и горячее какао в термосе. Выпьешь кружку, погреешь об нее руки — разморит, спать хочется, да некогда. Снова в руках кирка.

Три дня строили посадочную полосу, и вот она готова. На стала пора расставания. Прощальный гудок. Ракеты прощального салюта в ночном полярном небе. До свидания, друзья! Успехов вам в работе — трудной, но благородной, важной для науки.

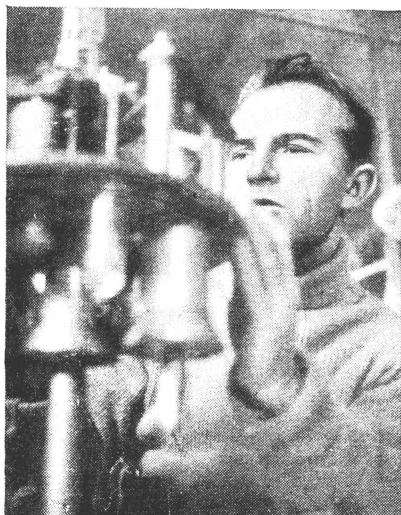
ЧЕЛОВЕК С ПОЛЯРНОЙ ФАМИЛИЕЙ

Опять нехоженые тропы. Хрустко стучит в борта атомохода поверженный лед. А корабль, попрощавшись с полярниками «СП-10», двинулся на восток. Горячие дни наступили для молодого сероглазого человека с полярной фамилией Мороз и его товарищей. Заместителю начальника экспедиции «Север-13» по научной части Владимиру Георгиевичу Морозу тридцать шесть лет, но его опыту могут позавидовать старые полярники. Участник двенадцати экспедиций по установке дармсов и радиовех, Мороз в одиннадцати случаях назначался руководителем. Заставить льды говорить — вот задача, которую он должен решить.

— Поход «Ленина» в высоких широтах, да еще зимой, —

случай исключительный, грешно его не использовать, — объясняет Владимир. — И что стоит такому кораблю сделать небольшой крюк по пути к дому?

Так мы попали еще в одно море — Чукотское, пятое на нашем пути. Ледокол пересек 180-й меридиан — условную границу, которая вместе с гринвичским меридианом делит планету на два полушария.

Океанолог Володя Мороз проверяет работу дармса перед установкой на паковый лед.

Владимир Мороз беззаветно влюблен в свое дело. В этом я убедился еще на «СП-10», где ставился первый дармс. По-мню, с какой нежностью океанолог распаковывал ящик, обильно снабженный предупреждениями: «Не кантовать!», «Осторожно!», «Верх!», «Не бросать!»

— Этот автомат — замечательный прибор, — объяснял Мороз, освобождая из упаковки круглый серебристый предмет, похожий на кастрюлю-«чудо», в которой домашние хозяйки пекут пироги. — Красавец, правда? Сейчас его проверим...

В наушнике зазвучала морзянка — голос дармса.

— Поет, — шепотом сказал Мороз.

В тот день океанолог посвятил меня в тайны своей суровой и романтической профессии. Сколько противоречий! Мороз-человек восхищался красотой льдов. Мороз-океанолог ненавидел льды: их коварство, строптивость, изменчивость. Радиовехи и дармсы — это верные лазутчики в стане злого врага. Они дают возможность определить его силы, узнать, куда он собирается нанести удар. По сигналам дармсов определяется температура воздуха, направление и сила ветра. Пеленгуя сигналы радиоавтоматов береговыми станциями, полярники определяют, куда и как движутся массивы льдов.

И летает неугомонный Мороз над советским Севером, плавает ледовыми морями, а с ним неразлучные и верные помощники Евгений Юрьев, механик Семен Кабанов, ледоиспытатель Александр Листов. Их знают все арктические пилоты. Ведь самые сложные посадки на льду делаются именно из-за этих морозовских ребят. Называются такие операции «прыгающими». Знают Мороза и радисты всех полярных станций. Как же иначе? Они первыми слышат, когда языком радиотелеграфа начинают говорить льды. А если Мороз покидает Арктику, его постоянно видят на заводе, где производятся автоматы. Уж такой характер; и тут он должен внести свои поправки. Замечания океанолога всегда представляют большую ценность.

...Группа Мороза сошла на лед. У Владимира чуть воспалены глаза. Ночью в вертолетном ангаре собирали очередной дармс. Теперь нужно пробурить или взорвать толщу льда, поставить двенадцатиметровую радиомачту и сам автомат. В собранном виде он уже не напоминает кастрюлю-«чудо», а скорее похож на жар-птицу. К нему прицепили дюралевые крылышки, а сзади — хвост.

Пробыв три-пять часов на морозе и ветру, группа по штурмтрапу поднимается на борт атомохода. Брови и ресницы заиндевели, руки непослушные, пальцы не разожмешь. Большую часть работы приходится делать, скинув рукавицы.

— Ничего, в каюте оттаем, — шутит Семен Кабанов.

После стужи хорошо проглотить горяченького и поспать. А вечером...

Мороз и его товарищи любят петь под гитару. Здесь редко поются песни о северной стуже. Тут хочется петь о ярком солнышке, о цветущих садах, о колосщемся золоте пшеницы.

— Между прочим, показания дармсов помогают определять погоду и там, на Большой земле, — сказал мне как-то Влади-

мир Георгиевич и с аппетитным хрустом надкусил розовощекое яблоко.

Человек с полярной фамилией Мороз любит песни о теплом лете.

АЛЬФА- И БЕТА-ЛУЧИ

Однажды я получил разрешение от главного инженера-механика Александра Калиновича Следзюка спуститься в центральный отсек. Это святая святых ледокола, там находится сердце корабля—три атомных реактора. Заведующий лабораторией службы радиационной безопасности Александр Соколов любезно предложил быть моим гидом.

— Итак, начнем посвящение вас в рыцари центрального отсека, — улыбается Соколов. — Получите «КИД».

Инженер Олег Никаноров подает каждому из нас предмет, очень похожий на автоматическую ручку, только без пера. Это и есть «КИД» — карандаш измерительный дозиметрический. Его нужно брать с собой. Затем начался процесс облачения в «доспехи». Скажу откровенно, я представлял их иными, по меньшей мере похожими на водолазный костюм. Но, раздевшись донага, мы натянули на себя белоснежные из толстого полотна комбинезоны и такие же чулки. Еще нам выдали по кокетливому колпачку, марлевую маску на лицо, резиновые перчатки и кирзовые башмаки. Вот и все.

Мы поднялись по узкому трапу куда-то вверх и очутились в просторном помещении. Над металлической палубой три крупных возвышения, похожих на торцы бочек, над ними в центре — белые, в руку толщиной стволы стержней. На переборке горит желтая лампочка, такая же наверху — значит все в порядке, безопасно. Инженер водит меня по залу, объясняя назначение механизмов. Незаметно для себя ступаю на «бочку» и вдруг:

— Сейчас вы стоите на первом реакторе, — торжественно говорит Соколов. В его карих глазах, увеличенных стеклами очков, бегают веселые чертики. — Теперь вы с атомом на «ты»!

Не скрою — сердце екнуло! Подумать только: в каком-то метре от моих ног под толстым слоем защитной брони в эту минуту происходят могучие процессы атомного распада. Здесь зарождается энергия, дающая кораблю исполинскую силу.

Исколесив лабиринты помещений вокруг реакторов, насосов и пароперегревателей, оббитых километрами труб и трубочек, мы вернулись назад. Никаноров забрал «КИДы», покрутил в руках и сказал:

— Все в полном порядке.

— Как вы определили?

— Очень просто, посмотрите в торец карандаша.

Направив один конец «КИДа» на лампочку, я посмотрел внутрь: круглый нимб, наверху написано «Миллирентгены», а ниже шкала. Стрелка на нуле. Странно, но меня вдруг взяла досада, что путешествие в центральный отсек настолько безопасно. Ну хоть бы немного двинулась вправо эта самая стрелка. Ведь я стоял на реакторе.

За шахматами я спросил у Соколова, сколько же все-таки рентген может получить человек, работающий на атомном ко-

рабле. Саша хладнокровно снял с доски моего коня, спокойно закурил и ответил:

— Вы проходили рентгеноскопию в поликлинике? Так вот, люди, работающие у реакторов ледокола, за год получают этой самой радиации столько, сколько вы за время, пока врач любовался вашей грудной клеткой.

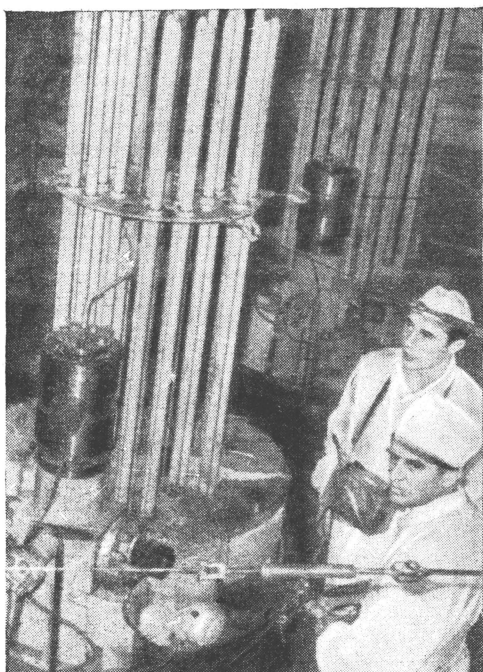
ЗДЕСЬ КОРАБЛИ НЕ БЫВАЮТ И ЛЕТОМ

Двадцать седьмого октября вошли в тяжелый пак. И началось...

Мы уже знаем, что главное искусство полярных капитанов — умение уходить от многолетних льдов. Но не всегда их избежишь. Порой встанет на пути массив, который не обойдешь, так он велик. И приходится «драться».

Для того чтобы ломать такие льды, кораблю нужна инерция. Пробьет метров тридцать-пятьдесят — остановка. Руль прямо — и назад по каналу. Потом разбежится, вползет на поле, продавит его корпусом — еще метров пятьдесят...

В тот раз попался атомоходу крепкий орешек. Одна из атак закончилась неудачей. Лед попался настолько крепкий и толстый, что влез на него корабль форштевнем, да так и замер. Не поддалось, не раскололось белое поле. Тогда впервые по-

Заведующий лабораторией службы радиационной безопасности Александр Соколов делает в месяц более десяти тысяч анализов — и все спокойно: никакой опасности радиации.

знакомились мы с еще одной замечательной особенностью судна. Оно начало качаться из стороны в сторону — капитан включил креновое устройство. Минут через пятнадцать раздался треск, льдина лопнула. Двинулись дальше. За вахту, то есть за четыре часа, атомоход ходил в атаку около тридцати раз — и победил.

Чем дальше, тем труднее становилось кораблю. Ледовитый океан покрылся сплошным панцирем, который крепчал с каждым днем. Правда, слово «день» почти вышло из употребления на судне. Полярная ночь уже упрятала солнце за горизонт. Небо за кормой светилось лишь на два часа, так робко, что звезды не блекли.

Атомоход снова уперся в язык многолетнего пакового льда к юго-востоку от острова Новая Сибирь. Лед преграждал путь на запад. Перед капитаном встал сложный вопрос: поворачивать опять к проливу Санникова или прорываться севернее островов Анжу. В эту пору самолеты ледовой разведки уже не летали — темно. Единственным помощником оставался малый вертолет, который был на борту. Много раз выручал он моряков и экспедицию в походе.

Оделся в свои кожаные доспехи бородач Иван Иванович Гуринов, спокойный, рассудительный человек, в которого все на ледоколе были немножко влюблены.

Интересная биография у этого летчика. В Арктике он всего второй год. До этого жил в Крыму, и главным его делом было аэроопыление виноградников. Но слава о мастерстве Ивана Ивановича, о его виртуозном управлении винтокрылыми машинами разнеслась далеко. Полярная авиация пригласила Гуринова на одну навигацию. С делом справился отлично. В этом году просили снова. Он с радостью согласился: Арктика понравилась южанину.

Когда машина была готова к вылету, с неразлучной трубкой во рту и карабином за спиной вышел на вертолетную площадку Георгий Осипович Кононович. Он тоже полетит в разведку.

— Ну, счастливо! — пожал разведчикам руку Соколов.

Помню томительное ожидание.

В штурманской рубке, поглядывая на часы, капитан следил по карте.

— Этот маршрут мы составили заранее, — объяснил он, — чтобы по времени знать местонахождение разведчиков. Полет очень сложный. Видят они лишь под собой, в кружке от прожектора.

— А зачем Георгий Осипович взял с собой карабин?

Соколов улынулся:

— Арктика. Случись вынужденная посадка, придется им идти пешком к острову Новая Сибирь. Возможна тогда встреча с медведями...

— Впереди видим чистую воду! — прозвучал в репродукторе спокойный бас Кононовича. — Попробуем пойти вдоль кромки льда.

Но вот машина опустилась на палубу. Все свободно вздохнули. Поднявшись в штурманскую рубку, Кононович взял карандаш и провел на карте черту.

— Здесь до чистой воды двадцать миль. Можно идти.

Через сутки атомоход, обойдя с севера Новосибирские острова, шел со скоростью четырнадцати узлов морем Лаптевых.

Все дальше и дальше на север поднимался корабль. Он шел местами, где даже летом не бывали корабли в свободном плавании. На паках остаются радиовехи.

— Уже скоро, — успокаивает нас похудевший от бессонных ночей Володя Мороз. — Вот поднимемся еще на два градуса. Всего три дармса осталось.

ПЛАВУЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ

10 ноября «Ленин» распрощался с восьмидесятыми широтами и пошел на юг. Экспедиция «Север-13» закончила программу научных работ.

Близость родного порта можно было почувствовать во всем: и в том, с какой тщательностью убирались и без того идеально чистые помещения, и в том, как стали вести себя моряки. Поутихли страсти заядлых доминошников, мало зрителей в кино. Большую часть времени люди проводят в своих каютах, склонившись над учебниками, чертежами. Это называется подтянуть хвосты.

Да, атомоход — судно молодежное. Добрая половина моряков уже закончила институты. Остальные учатся. Учеба — одно

из важнейших условий соревнования за звание корабля коммунистического труда.

На одной из дверей жилой палубы надпись: «Заочная общеобразовательная школа». Тут регулярно идут занятия в четырех классах — седьмом, восьмом, девятом, десятом, есть директор и даже своя печать.

Нет недостатка и в преподавателях: каждый окончивший вуз готов помочь товарищу. Но есть и утвержденные учителя. Инженер-дозиметрист Олег Никаноров дает уроки алгебры и геометрии, инженер-оператор Борис Каминский — тригонометрии, радиофизик Анатолий Ненецкий ведет занятия по физике, Александр Соколов — по химии, а начальник радиостанции Владимир Петюшин — признанный преподаватель английского языка. И все это делается на общественных началах.

Удивительная школа! Люди учились, а класс вместе с кораблем побывал в пяти морях и одном океане. А не знаменательно разве, что машинист Виктор Фролов отвечал урок физики в западном полушарии, а уже через десять дней сдавал химию в восточном, под небом полярной ночи, да еще на 81-м градусе северной широты, в местах, где раньше человек вообще не бывал?

Общее руководство школьниками осуществляет член судового комитета комсомола Николай Дмитриев — заочник четвертого курса Ленинградского энергетического техникума. Он сам учится отлично и требует того же от друзей.

Николай достает из кармана записную книжку. В ней аккуратно выписаны фамилии заочников, их успеваемость, пожелания. На судне учатся пятьдесят пять человек. Шутка ли! Ведь это целый экипаж обычного корабля. Восемь моряков занимаются в институтах, остальные — в техникумах и общеобразовательной школе. Атомоход «Ленин» поистине плавучий университет.

* * *

...Последние мили.

Ответственное задание полностью выполнено. Рейс прошел успешно. Он еще раз доказал всему миру, как далеко шагнула вперед советская наука и техника. За кормой осталось более восьми тысяч миль, шесть тысяч из них — в ледовом плавании.

Девятнадцатого ноября мы, наконец, увидели Большую землю. Из темноты проступили сначала мигающие глазки маяков, затем крохотные бисеринки огней Диксона. Пробив в сугробистом льду широкий канал, атомоход подошел к самому поселку. Несмотря на ранний час, встречать корабль пришли почти все жители. Ведь впервые за всю историю Диксона в такую позднюю пору сюда зашло судно!

Снова заработали могучие винты. Атомоход взял курс на мыс Желания. Отсюда и начался последний переход. А на следующее утро все узнали о своеобразном рекорде: атомоход прошел по затянutoму льдом Карскому морю до северной оконечности Новой Земли всего за одни сутки.

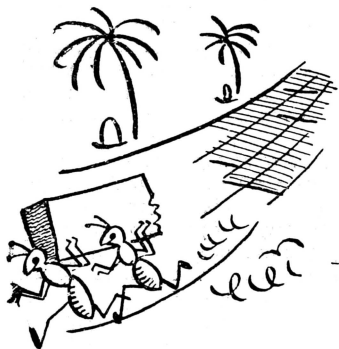
...Последние мили. Атомоход «Ленин» входит в Кольский залив. Мурманск!

Борт атомохода «Ленин» — Москва.
Октябрь — ноябрь 1961 года

Шестиногие враги прогресса

В Африке проложили несколько автострад из пластмассы. И что же! Это новшество пришлось «по вкусу» термитам. Они источили дороги, съели их, растащили на строительство своих домов.

Наученные горьким опытом, инженеры пришли к выводу, что надежнее строить дороги из местных материалов и пропитывать их гашеной известью. Гашеная известь термитам не нравится...

Профессия герольда в Европе давно потеряла свое значение. Пресса, радио, телевидение и другие современные средства информации с успехом заменили эту «живую газету» прошлого, некогда громогласно вещавшую толпе текущие государственные новости.

Однако герольды не исчезли на островах Великобритании. Ведь англичане — большие любители и коллекционеры традиций «доброй старой Англии».

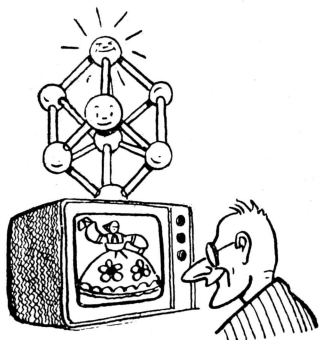
Правда, тематика сегодняшних сообщений герольдов значительно сузилась. Это частные объявления о пропаже собак и кошек, сообщения об открытии сельской ярмарки, о выключении водопровода на время ремонта...

По традиции в Англии ежегодно проводится конкурс герольдов. Его участники кажутся ожившими персонажами средневековья. Пышные, подчас отдающие нафталином ливреи с галунами, смешные старомодные треуголки; напудренные парики, в руках традиционный атрибут герольда — колокольчик; величественная, преисполненная достоинства осанка — таков живописный облик претендентов на звание лучшего герольда Англии. Участвовать в конкурсе могут только наследственные герольды-профессионалы.

Победа присуждается владельцу самого мощного и звучного голоса. При этом берутся в расчет и дикция и выразительность чтения. Текст, который по очереди оглашают речитативом герольды, зачастую не менее древен, чем сам традиционный конкурс. Иногда это манускрипты раннего средневековья.

Победителя конкурса ждут переходящий оловянный кубок и небольшая денежная премия.

НЕЖДАННО- НЕГАДАННО

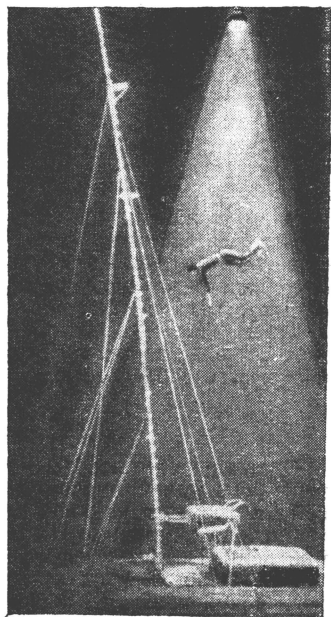
Брюссельцы, живущие недалеко от Атомиума, одного из павильонов бывшей Международной выставки, пользуются редкой привилегией: они могут смотреть телепередачи из Москвы, Чехословакии и Италии. Для этого достаточно лишь повернуть антенну телевизора по направлению к Атомиуму: верхний шар Атомиума, возвышающийся на 150 метров, служит великолепным отражателем для телеантенны. Такого эффекта не ожидали даже сами создатели Атомиума.

„ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНЫМИ НЕРВАМИ“

Так называют французского акробата Русс-Хута. Публика валом валит на его выступления. Многие пророчат Русс-Хуту гибель, но, к общему изумлению, он до сих пор еще жив, несмотря на все безумство своего аттракциона.

При мертвой тишине полного зала Русс-Хут взбирается на верхнюю ступеньку передвижной лестницы и прыгает вниз с высоты 18 метров. Акробата спасает умение управлять телом в воздухе. Оно позволяет ему вовремя схватиться за ручки гимнастического снаряда, что стоит у подножия лестницы, и плавно опуститься на мат.

Последнее время акробат пользуется большим успехом в Западной Германии. Владелец гимнастического зала, где выступает Русс-Хут, тоже весьма ценит артиста. Его игра со смертью приносит предпринимателю небывалые доходы.

Рисунки В. Чернецова

БЛОХОЛОВ

В моей жизни он промелькнул впервые в сентябре 1913 года. Промелькнул, чтобы тотчас же и надолго скрыться. Видимо, так уж нам с ним на роду было написано: много раз встречаться, но всегда лишь на ходу, при самых странных и неожиданных обстоятельствах.

Таких встреч было несколько. И вот мне хочется с самого начала, не пропуская ничего, изложить историю моего знакомства с блохоловом.

„ХА-ХА-ХА! БЛОХА!“

Однажды осенью 1913 года я ехал из Павловска в Петербург с одной знакомой — очень милой молодой актрисой Театра музыкальной драмы.

Отстоял и кончился теплый, синий с золотом, сухой осенний день. Воздух, казалось, сам лился в легкие.

Мне было 22 года. Я только что окончил историко-филологический институт, был горд переполнявшей меня премуд-

ростью и готовился защищать диссертацию. Моя тема? Она была скромной, но значительной: «К вопросу о некоторых обозначениях оттенков масти домашних животных в монастырских писцовых книгах первой половины XVI века».

Знакомые шарахались от меня, услышав про такое. Родные вздыхали: доучился парень! Но я гордо нес свою филологическую голову. Мне казалось, что весь мир должен ощущать прелесть редрых (красно-бурых) бычков да избура-пегих или же гвездатых (со звездочкой на лбу) телок.

Всюду мне мерещились самые различные оттенки шерсти и волос. Глядя на пушистую, с сильным медно-красным отливом — «редрую» — головку моей спутницы, сияющую в последних лучах вечернего солнца, я и тут ощущал научный восторг.

Мы проехали Царское. Стемнело. Я не видел моей соседки, но с той стороны, где она сидела, доносился горьковатый запах осенних цветов: огромный букет из ноготков, астр и настурций лежал у нее на коленях.

Не видел я в сумерках и других пассажиров. Вагонный фонарь почему-то погас. Люди разговаривали вполголоса, легко покашливали, в темноте блуждали красные светлячки папирос. В этих сумерках мне и надлежало занимать мою даму.

— Да! — приступил я решительно к этому тонкому занятию. — Вы можете сколько угодно смеяться надо мной, Ксана, но в нашей архивной работе есть свои тайны, свои приключения, своя, если вам угодно, романтика...

— Правда? — вежливо спросила «редрая». — Ах, впрочем, конечно! Я верю. Для специалиста это, должно быть, очень интересно.

— Почему только для специалиста? — тотчас возмутился я. — Это романтично и в глазах поэта. Сколько раз, сидя над своими грамотами, я испытал истинную дрожь, трепет... Вот, вообразите — рукопись! Толстенная, переплетенная в коричневую, отполированную временем телячью кожу... Вы с почтительным содроганием берете ее в руки: боже мой — ведь ей двести лет! Триста! Вы благоговейно раскрываете ее... И вдруг видите кляксу! Да! Обыкновенную кляксу, с задорным разбрызгом; только не наших анилиновых чернил, а тех, которые делались когда-то из милых чернильных орешков. Значит, у того, кто писал, на этой строке — на этом вот слове! — дрогнула рука. Чернила брызнули. Капнула сальная свечка... Значит, по этому

Рассказ публиковался в журнале «Пионер» в 1940 году. Печатается в новой авторской редакции.

самому листу двести лет назад водил гусиным пером человек, настоящий живой человек, такой, как мы с вами...

Букет слегка зашелестел.

— А ведь вы правы, пожалуй, — нерешительно сказал тихий голос. — Это страшновато чуть-чуть... Но и увлекательно! Вроде какого-нибудь камня с Марса!

— Да что кляксы, свечка! — почти закричал я. — А представьте себе вот какую редчайшую штуку. Это со мной совсем недавно было. Читаю в Публичной рукопись... И, вообразите, в одном месте между страницами присохла к бумаге муха! Та, от которой, может быть, отмахивались сокольничьи Алексея Михайловича!..

Моя соседка недоверчиво пошевелилась.

— Но послушайте, Леня, — сказала она. — Откуда же вы это знаете? А может, ваша муха только год назад попала в ту книжку? А?

Я возмутился:

— Да нет же! Ничего подобного! Вся она — вы слышите? — вся вокруг обведена чернилами! Теми самыми, которыми написана рукопись. Старые коричневые чернила из дубовых орешков! Вся обведена: лапки, крылышки, брюшко! А еще выше, венчиком, тем же почерком выведено не без злорадства: «Поделом вору и мука!» Так значит...

Я не договорил.

— Моудой человек! — взволнованно, картавой скороговоркой, фыркая, как вскипающий чайник, заговорил кто-то сидевший против меня. — Моудой человек! Позвольте спросить... А вы уверены? А это не буоха была? Может быть, буоха? Моудой человек! Припомните хорошенько: не было ли там и буохи? Не попадалось?

Я слегка опешил.

— Блохи? Почему блохи? Какая же разница — блоха или муха?

— О, — простонал невидимый, — что вы говорите! Как какая разница? Что такое муха? Муска domestica! Пф! Кому это нужно? Не мне. Во всяком случае, не мне...

— А блоха? — осторожно спросила моя соседка.

— Буоха? — рванулся тотчас же этот человек. — Боже! Буоха семнадцатого века! Как мне самому никогда не приходило в голову. В книгах, в рукописях! Гениально! А где же иначе? Да что вы знаете о буохах? — он чуть не всхлипывал. — Маленькая, черненькая? Прыгает и кусается? И все? А какая это была буоха, позвольте спросить вас, дорогой коллега? Какая именно? Пулекс ирританс, обыкновенная буошка? А может быть, пулекс канис, буоха собачья? Это совсем иное дело! А если это пулекс авис, птичья буоха? Что же, и это, по-вашему, то же самое? А ежели перед вами, коллега, буоха проникающая? Та, которая сбита в тропиках. Вам и тогда безразлично? Вы, может быть, полагаете — их двадцать пять видов плюс десять неустановленных? Пф-ф! Да если бы не эта проклятая тьма, я бы вам сейчас же, тут же на полу, под лавками изловил бы три-четыре вида... Прекрасных вида! Вполне обособленных! Дивные экземпляры: жизнедеятельные, энергичные!

Я не мог терпеть дальше. Все тело у меня уже чесалось от одних только его слов. В вагонной тьме, мерещилось мне, на полу и по стенкам кишит, шуршит, скачет целое полчище вполне обособленных, энергичных проникающих блох.

— Что за чудак? — шепнул я своей спутнице.

Между тем человек замолк. Поезд подъезжал к Петербургу. За стеклами, слегка запотевшими от вечернего холода, замелькали бесконечные цепочки уличных фонарей, желтых — керосиновых и голубоватых — газовых. Кое-кто из пассажиров зашевелился, готовясь к выходу. И тут он заговорил снова — нерешительно, осторожно.

— Молодой человек? Я, конечно, понимаю... Но, может быть, вы разрешили бы мне? Я же не думаю оспаривать ваш приоритет... Я (он, видимо, заколебався), я отмечу ваше имя на ярлычках коллекции. Я признаю, что эта идея... Ну, что она подсказана мне другим лицом. Я даже (мне показалось, он с усилием заставил себя выговорить это) могу оговорить особо... Сделать примечание к докладу, петитом, если только вы позволите...

— Что? Что я могу вам позволить?

— Как «что»? Как так «что», молодой человек?! Да обловить книги. Обловить эти старые рукописи. Я же уверен, что вы не искали в корешках. Это страшное упущение! Прошу вас, назовите мне вашу фамилию...

Но выполнить его просьбу мне не удалось. Под вагоном, в колесах, пронзительно заскрипело. Брызнувший в запотевшее окно фонарный луч на секунду показал мне реденькую бородку, мягкую фетровую шляпу, золотые ободки пенсне. В следующий миг поезд стал, все тронулись к выходам, поднялась обычная толча — и нас разлучили.

На платформе моя спутница перестала бороться с собой, на ее звонкий смех оборачивались даже выдержанные петербуржцы. Она достала платок, вытирала глаза и все смеялась.

— Господи! — говорила она сквозь слезы. — Вот попала в общество... Леня, милый, вы не обижайтесь. Один — с какими-то двухсотлетними телками целый день. Другой... Хорошо еще, что у меня сегодня ванну топят. Нет, можно с ума сойти... Ну, ведите меня на извозчика.

Я взял ее под руку. Вдыхая от смеха, она прошла несколько шагов по платформе и вдруг искоса, лукаво взглянула на меня из-под вуальки.

— Жил-был король когда-то, — негромко запела она, — при нем блоха жила...

Но короля, вернее — блохолова, нигде уже не было видно.

Я ВИЖУ БЛОХОЛОВА

Три года спустя я уже почти ничего не помнил ни о редрых бычках, ни о чистопсовых гончих далекого прошлого. Все масти в колоде моей жизни, как и в жизни множества других людей, смешала рука войны.

В середине мая 1916 года я приехал с германского фрон-

та в Москву, легко раненный в плечо. И вот на углу Лаврушинского переуллка, идя из Третьяковской галереи в гостиницу, я с размаху налетел на Колю Мосина — моего одноклассника, сына крупного московского фабриканта. Он пригласил меня сегодня же вечером побывать у него дома.

— Ты не косись на мундир-то! — слегка сконфуженно смеялся он. — Ну да, ну, земгусар... Не всем же быть героями. Ну, батя в Союзе городов заворачивает, по снабжению... Медикаменты. Ну, и я — тоже... Зато угостим, как в довоенное время, с вином, с фруктами!

На нем была чистенькая защитная форма, блестящие сапоги, каких мы на фронте не видывали, ременная португеза с хрустом, с приятным запахом кожи. Таких тыловых пижонов вся Россия звала тогда «земгусарами».

Его «ужасно военная» фигура казалась мне наглой издевкой над миллионами солдат в старых, грязных шинелях там, в окопах.

Но я так давно не бывал в гостях, в светлых, чистых, веселых комнатах, не сидел за накрытым скатертью многолюдным столом, не слышал звона ножей и запаха хороших кушаний...

— Ладно, приду! — пробурчал я. — Только, пожалуйста, без всякого этакого, знаешь? Ну, там — «один из героев» и прочее...

— Ну что ты? Разве я не понимаю, как и с кем...

Вечером я пришел к нему в Сыромятники. Он взял меня под руку и провел сквозь толпу каких-то людей в светлую шумную столовую.

Меня посадили за стол. Горничная с белой наколкой подавала блюда. Все было так непривычно после фронта, все казалось каким-то сном. Я стал внимательно разглядывать окружающих. Взгляд мой остановился на моем визави — маленьком человечке с коротким бобриком жестких волос над высоким лбом и в золотом пенсне с дымчатыми стеклами.

По одну сторону от него сидела известная декадентская художница, похожая на чистую тощую рыжую кошку. По другую — громко смеялась пышная черноволосая жена модного адвоката. Обе они пытались было заговорить со своим соседом, но безрезультатно.

Вокруг шумели, двигали графинчики, деловито жевали семгу, переговаривались через стол крупные профессора-медики, юристы, какие-то дельцы, несколько прытких молодых людей. А этот сухонький человек смиренно сидел между своими красочными соседками и, двигая усами и бородой, задумчиво что-то грыз. Рюмка возле его тарелки стояла нетронутая.

Разговор за столом делался все оживленнее, все громче. Когда гости обернулись туда, где царил блестящая лысина хозяина, мой визави внезапно оживился.

Воровато оглядевшись, он протянул длинную сухую руку, резко выхватил из ближайшей к нему вазы апельсин, плотно закрученный в цветистую бумажку, быстро, торопливо развернул ее и... Да, да, я видел это очень ясно! Он поднес

апельсин вплотную к своим близоруким глазам, наклонил голову, внимательно, но с необыкновенным проворством, как обезьяна, оглядел рыжий плод, а потом и бумажку. Еще секунда — и он бросил апельсин в вазу, схватил другой. Такой же внимательный осмотр. Третий...

Внезапно лоб его напряженно наморщился, апельсин замер в руке.

Я не успел моргнуть, как в другой его руке, словно у фокусника, очутилась стеклянная пробирка и какие-то щипчики. Человечек подцепил ими что-то на апельсине, бросил это нечто в скляночку, заткнул ее пробкой, сунул в нагрудный карман. А ненужный фрукт снова упал в вазу.

Человечек откинулся к спинке стула. Губы его удовлетворенно жевали. Он издал облегченное «Пф-ф».

Я посмотрел вокруг. Нет, кажется, никто не заметил.

Но я ошибся. Соседка чудака, черноволосая жена адвоката, тоже углядела эту сцену. Должно быть, и она не знала, как к ней отнестись. Но любопытство взяло верх.

— Простите, профессор, — негромко заговорила она, слегка склоняясь к человечку и улыбаясь ему очень приятно. — Я не окажусь нескромной? Скажите, что это вы сделали?

Мой визави встрепенулся, точно внезапно разбуженный.

— Я? Обловил два-три апельсина, — скороговоркой произнес он, безо всякой тени смущения взглядывая на даму. — Но ничего нет! Иногда на них попадаются любопытные экземпляры. К сожалению, довольно редко.

— Но ведь вы, кажется, поймали кого-то? — с недоумением, почти с ужасом, все так же тихо выговорила дама. — Поймали и посадили в трубочку?

Человечек пожал пренебрежительно плечами, выпятил губу.

— В пробирку? Ерунда! — бросил он. — Ну, гусеница какой-нибудь плодоярки, может быть. Еще не знаю. Бух мало! Нет бух! Впрочем, зачем бухам быть на апельсинах? Разве что случайность...

Дама уставилась на него в совершенном смущении. А я едва не хлопнул себя по лбу: блохолов! Это был он во плоти и крови! Собственной персоной!

И не столько потому, что он интересовал меня сам по себе, сколько от нахлынувших воспоминаний о другом вечере, три года назад, да нет — вечность назад! — в другом, спокойном довоенном мире, я весь задрожал от радостного умиления. Блохолов! Так вот где ты мне попался вторично!

Я едва досидел до конца ужина: мне не терпелось предстать и познакомиться.

Как только все начали с шумом вставать из-за стола, я подошел к блохолову. Мой военный вид, моя белая медалька давали в те дни некоторые особые права — на прямоту.

— Здравия желаю, профессор! — сказал я, протягивая ему руку. — Вы меня, конечно, не помните!

— Я вас действительно позабыл, коллега! — правдиво

ответил он. — У меня столько учеников теперь на войне. Но, к сожалению, я все еще не профессор...

— А я не ваш ученик, увы! — в тон ему ответил я. — Скорее, простите, я ваш учитель. Да вот, представьте себе! Неужели вы не вспоминаете? Поезд из Павловска. Темнота... Муха, раздавленная между страницами рукописи семнадцатого века...

Блохолов подскочил на месте.

— Коллега! Как я могу забыть! Если бы вы знали, какой у меня возник из-за этого спор с Флетчером, с Брошэ! Но эти олухи... Их ничем не прошибешь! Дело в том, что я действительно обнаружил несколько бубх... Немного, собственно говоря, три. Было больше, но остальные не доказательны. Зато одна — ее заклеили в переплет «Четы-Миней» тысяча пятьсот... позабыл какого года, — одна бесспорная. Совершенно новая разновидность, нигде не описанная. Я назвал ее «пулекс фелис палеографика», бубха кошачья древнеписьменная!..

В эту самую минуту судьба в образе горничной с кружевной наколкой вздумала воспрепятствовать нашей беседе.

— Господин профессор! — раздался ее звонкий голос. — Вас просят к телефону, в кабинет Александра Саввича.

Хозяин, стоявший неподалеку, недоуменно поднял брови:

— В мой кабинет? Каким образом?

Блохолов повернулся как на шарнирах.

— Ах, да, очень может быть, я дал этот номер! — живо вскричал он. — Страшно важное дело! Простите, Александр Саввич... Ради бога, коллега... Пять минут! — И он исчез.

Хозяин пожал плечами.

— А я решил, что вы знакомы, — сказал он, отвечая на мой немой вопрос. — Нет? Я-то его совсем не знаю. Он дока по блохам! Бывают же профессии, господа! Мне его прислали потому, что персидские торговцы предлагают вместо обычной своей ромашки какой-то другой блохобойный знак. Так вот, министерству потребовалось заключение этого премудрого клопомора... Фамилия? Ей-богу, забыл! Где-то на блокноте записано! Хотите, завтра выясню?

Разговор этот еще не кончился, когда блохолов снова появился в дверях. Без всяких церемоний, видимо в чрезвычайном ажиотаже, прихрамывая и поправляя пенсне, он бросился прямо к нам:

— Простите, Александр Саввич, но я не могу задерживаться ни одной секунды. Я должен немедленно ехать. Я даже вызвал таксомотор. Дело в том, что она... только что скончалась!

— Скончалась! — ахнули дамы. — Что вы говорите? Какой ужас! Кто скончался?

— Рысь! — отрезал человек, вытаскивая блокнот.

— Рысь? Какая рысь? Где?

— Боуотная! — с непонятным торжеством ответил он. — В том-то и дело, что боуотная! Что значит где? На Пресне! В зоологическом! Я должен ее обловить! На ней могут быть буохи. Буохи с боуотной рыси нет даже у Джона Моргана! Так я пошлю ему эту буоху! Я!

В передней, торопясь и волнуясь, он укутал тощую шею кашне, наколотил на ноги калоши, надел пальто и, фыркнув, исчез.

ШПИОН И МАМОНТ

Прошло еще три года. Настал незабываемый 19-й. Наши войска начали гнать Колчака. У нас на границе тайги и тундры, где я воевал, половодье только что кончилось. Стали чуть-чуть намечаться таежные тропы, обсыхать поймы рек. Надо было быстро установить разорванную весной связь между частями, обревизовать тылы, передать им новые радостные вести.

Я, как комиссар бригады, поехал по ее полкам. Почти два месяца, в глубоком тылу у Колчака, эти полки сражались каждый на свой страх и риск, каждый — в своем углу этого дремучего края.

Сначала я направился в 202-й полк, которым командовал превосходный парень, бывший фельдфебель Григоров. Как оказалось, потери в полку за последнее время были не так уж велики, а прибыли — перебежчиков от Колчака — порядочно. Правда, среди них удалось обнаружить и «ликвиднуть», как выразился Григоров, четырех опасных шпионов.

Полк держал фронт на глухой таежной речке, многоводной и сердитой, как все замечательные сибирские реки. Звали ее коротко — Уна.

По рассказам местных жителей, где-то в ее долине, совсем близко, но, к сожалению, все же на стороне белых, осенним паводком из вечной мерзлоты частично вымыло тушу мамонта. Он так и остался там, наполовину вмержший в грунт древний великан. В полку смеялись, что Григоров теперь костями ляжет, но отбросит белых, лишь бы увидеть это чудо: он был удивительно любознателен, этот большой, суровый человек.

Я пробыл в частях до вечера, а ночь проспал так славно, что не слышал даже зуда и гуденья комаров.

Утром меня разбудил Григоров. Белобровое и белоусое обветренное лицо его было озабоченно.

— Комиссар, а комиссар! — говорил он, двигая то туда, то сюда, как рычаг, мою еще сонную ногу. — Будь другом, встань! Пойдем в трибунал, не то его ликвидируют!

— Кого?

— Шпиона, чтоб ему пусто было!

— Вот тебе на! — изумился я. — С каких это пор ты за шпионов стал заступаться?

— Э! — он досадливо щелкнул языком. — Не на сто, значит, процентов доказано, что он шпион! Говорит, правда, несуразное, ломает из себя шут его знает кого. Была якобы у него какая-то баночка тайная, пузырек такой... Недоглядели, спрятал и молчит — куда!

— Ну!

— Не верю я этому! Совесть не позволяет! Всю ночь не спал, лежал, думал. Какой это шпион? Не похож он на шпиона. Так, пыльным мешком смалá ударенный!

Мы пошли. По дороге Григоров рассказал мне, что подозрительного человека привели из тайги вчера утром. Пробираясь от Колчака, он вышел прямо на наш патруль.

По неопытности или вящей хитрости ради он не придумал лучшего объяснения, как «заблудился». При нем нашли сумку с подозрительными инструментами и стеклянной посудой. Похоже было, что это — отравитель колодцев в тылу. Все его имущество конфисковали, но одну посудину он сумел утаить и потом, если верить хозяйке дома, где его держали под арестом, куда-то спрятал!

Военный трибунал полка помещался в большом доме на взлобке над рекой. Мы вошли в сени, потом в первую, насквозь прокуренную комнату. За дощатой стеной шел допрос.

Я услышал голос — знакомый, но давно забытый. Он как-то осип, ослаб; иногда прерывался, но все же сохранил еще свои старые бурлящие, вскипающие, одновременно и добродушные и сердитые интонации.

— Я миллион раз сказал и повторяю вашему трибуналу, что есть на самом деле. Мне добавлять нечего. Я — шпион? Благодарю вас! До сих пор я был... энтомологом!

— Но поймите, этому трудно поверить, — раздался голос комиссара полка, ведущего следствие, — здесь, в тайге, в сотнях километров от всех дорог, во время свирепой войны, вы... ловите блох!!!

— Ну, да, буюх, — тотчас же вскипел первый. — Конечно, буюх! Именно буюх... Что ж тут такого? Вы не способны понять даже этого... мальчишка! Вы не умеете отличить обычной энтомологической пробирки от каких-то фантастических флаконов с ядом... А беретесь судить о буюхах!..

Я открыл дверь и вошел. Должен признаться, я не сразу смог бы узнать его, блохолова.

Он сидел на лавке, боком ко мне, обросший, грязный, взъерошенный и, главное, одетый в такой диковинный ко-

стюм, что не сразу можно было вообще признать его за нормального человека.

Рваный красный с горошком ситцевый платок был обвязан у него вокруг головы, так что концы торчали на макушке зайчиком, а впереди, подхваченная тугой повязкой, ершилась реденькая жесткая бородка. Огромные, не по ноге, сибирские пимы, сто раз промоченные в жидкой грязи и сто один раз высохшие, превратились внизу, возле ступней, в какие-то слоновые лапы. Выше пим виднелись затрушенные спилками, утыканные хвоей, вымазанные углем стеганные солдатские штаны; а еще выше было напялено нечто несказанно узкое, схваченное в талии и короткое; очень может быть, этот предмет одежды назывался когда-то женским жакетом. Склеротические красные руки далеко торчали из рукавов. Глаза слезились. Только золотые ободки пенсне, так хорошо мне знакомого пенсне, дымчатого, с синеватыми стеклами, блестели по-прежнему — нарядно, учено, энтомологически...

Я зашел слева от блохолова и стал у печки. Григоров остановился у двери. Конвойный, бородатый дядя, сидел на табурете в углу, позевывая.

Как старший по званию, я приостановил допрос и сам обратился к арестованному.

— Скажите, гражданин! — равнодушно начал я, и блохолов невольно насторожился перед лицом еще одного вопрошателя. — Вы говорите, что здесь, в тайге, вы ловите блох? Допустим! Но каких же именно? Пулекс феликс, пулекс канис? Пулекс урси в конце концов? Медвежьих?

Блохолов, полукоткрыв рот, обернулся в мою сторону, внезапно укрощенный. Секунду или две он жевал еще губами, недоверчиво глядя на меня. Очевидно, он сомневался, серье-

зен ли мой вопрос, удовлетворительна ли мера моих познаний, не маска ли это?

— Меня привлекла сюда, собственно... пулекс элѳантис примигений. Буоха мамонта, — нерешительно сказал он. — Я давно подозревал о ее существовании и, понятно, не мог потерять столь благоприятного случая...

— Блоха мамонта? — изумился я. Поистине, этот человек был неподражаем! — Как мамонта? Какого?

— Я устал объяснять это поочередно множеству взрослых балбесов! — с неожиданным утомлением и горечью произнес блохолов, как-то вдруг сразу оседая. — Весь мир знает, только вы не знаете, что река Уна вымыла из грунта мерзлый труп мамонта. Мне сообщили об этом полтора года назад! Я решил обловить его. Прошлые экспедиции прощляпили всех буох как идиоты. Я приехал сюда, в Сибирь. Никакой войны здесь еще не было. Потом экспедиция сорвалась. Поехал дальше один. Задержался. Зимовал в тайге... Ел черт знает что! Прожил... Решил выбираться, заблудился!..

— Хорошо, гражданин! — сказал я очень официально. — Оставим этот вопрос пока в стороне. Меня сейчас интересует другое. Вам не знакома фамилия Мосина? Александра Саввича? И не припомните ли, кстати, одного студента, в свое время надумившего кое-кого искать блох в старых книгах?

Я не рассчитал силы моих слов — кровь отлила от заросших редкой щетиной щек блохолова.

— Голубчик, голубчик! — лепетали его губы... — Какое счастье. Я же передал ее женщине, Марии Степановне, эту пробирку с буохами мамонта! Это не буохи... Это клещи... Просил отослать ее в город... Я дал денег... Мой друг... Обещайте... — Он полуулыбнулся и вдруг упал перед скамейкой ничком, в глубоком обмороке.

— Я знаю этого человека превосходно! — сказал я, как только блохолова унесли. — Знаю и ручаюсь за него. Он не шпион, а ученый. Ему нужны сейчас койка и лекпом! Григоров, будь другом, позаботься о нем.

— Будьте спокойны! — сказал Григоров. — Цел будет! Доставлю куда надо, товарищ комиссар! Убейте меня, уважаю таких. Для научного ученья. Из-за блохи проклятой. Да в тайгу, да зимой... Ах ты, мать честная!

Я ушел из избы в полной уверенности, что вечером, как только блохолов придет в себя, зайду к нему: мы поговорим, заново познакомимся.

Но два часа спустя я уже сидел в седло. Меня срочно вызывали в штаб бригады. А блохолов крепко спал.

МИСТЕРУ ДЖОНУ МОРГАНУ, США

Прошло еще семь лет.

В 1926 году мне по какому-то делу понадобилось побывать у моего приятеля — одного из крупных начальников на Московском почтамте. Едва я вошел в его кабинет, он, смеясь, стал мне рассказывать.

— Понимаешь, какой вышел номер? Полчаса назад приходит ко мне озадаченный работник Иващенко с приемки (он показал куда-то вниз), спрашивает, что делать.

Явился к нему некий тип, принес посылку. Приличный ящичек — так, сорок пять на тридцать. Иващенко берет ящик, а он, оказывается, без веса, меньше кило с тарой. Странно — этакий-то вагон! Ну-с! Он удивлен, смотрит адрес. Батюшки! «Соединенные Штаты Америки, Детройт, мистеру Джону Моргану». Ощущаешь? Взглядывает на ценность — одна тысяча долларов. Это без веса-то! Ах, пропади ты пропадом...

Мой приятель поглядел на меня испытующе.

— Тебе знакома фамилия Морган, США? Что может пересылаться в посылке легче пуха при такой ценности? Бриллианты? Мой сотрудник вежливо спрашивает: «Простите, что вы пересылаете?» Но этот субъект сразу же полез в бутылку.

«А если я не желаю отвечать?»

Сотрудник пожал плечами. «Это, конечно, ваше право. Но все равно посылку придется вскрыть».

Тогда тот сощурился, зажевал губами:

«Что я отправляю? Хорошо, пожалуйста: блоху!»

— Как? — радостно закричал я, перебивая друга. — Ты не помнишь, золотое пенсне? «Л» не выговаривает?

— Да ты его знаешь? — спросил меня удивленный вонец приятель.

— Еще бы! Ну, ну, дальше!

— Дальше пошла полная чепуха. Оправившись от первого потрясения, бедный Иващенко спрашивает его: «То есть как это блоху? Что вы под этим подразумеваете? Это нечто ювелирное?» Тот опять в бутылку: «Какого черта, — кричит, — ювелирное?! Я вам говорю: блоха! И подразумеваю блоху! Вы русского языка не понимаете? Вы невежда, молодой человек!» Иващенко ему: «Простите, но я вынужден вскрыть ящик!» Тот кричит: «А я не позволю! Вы можете ее исковеркать, она утратит всякую ценность...» Иващенко ему: «Ну я уж не знаю... Тогда пройдемте к директору». А он... Словом, кончилось тем, что все явились ко мне: Иващенко, две барышни, столяр наш и этот старец.

«Мне, — говорю, — очень грустно, уважаемый товарищ, но согласитесь сами: что кот в мешке, что блоха в ящичке — разницы никакой... Придется вскрыть осторожноенько вашу ценность».

Он зафырчал, засопел: «Сделайте милость, вскрывайте, режьте, жгите, только освободите меня от бесед с вами!» И вот столяр наш, Павел Евстратыч, осторожно, точно адскую машину, ставит ящик на стол.

Ветoshку долой — фанерка. Фанерку прочь, там — пакля, куча пакли. Разобрали паклю — жестянка. От дореволюционного печенья «Сиу и компания». Открыли — еще пакля. Разобрали — сигарный ящичек, тоже допотопный. Сняли крышку — вата, а в ней коробочка от лекарства. А в ней опять вата, а в вате — пудреница, в пудренице

снова ватка, и уже на ней лежит крошечная желатиновая капсулка.

Берем капсулку, смотрим на нее так и сяк. В ней бумажка, а к бумажке приклеена — поверишь? — блоха! Обыкновеннейшая блоха! И надпись при ней на ярлычке вроде рецепта! Мы рты разинули.

А старик кинулся к Иващенко, вырвал свою капсулку, пошел запаковывать снова. «Это возмутительно! — кричит. — Я — энтомолог, и Морган — энтомолог! Его коллекция блох оценена в два миллиона долларов. Но такой блохи у него нет! И быть не может! Этот чертов янки смел полемизировать со мной! Он назвал меня «фантастом»! Они не ученые, а торгаши! Так вот я пошлю ему эту блоху...»

Но тут я снова прервал своего друга:

— А фамилию, фамилию его не помнишь?

Послали вниз за Иващенко. Тот явился смущенный: дикий старик не пожелал воспользоваться услугами почтамта. На обратный же адрес на ящике Иващенко не обратил внимания. Помнил, впрочем, что фамилия была известная, литературная как будто... Не то Варламов, не то Гурилев... Но вроде бы двойная.

— Н-да! — огорчился мой приятель. — Черт, досадно-то как! На пять минут раньше, и ты бы его застал...

Но я застал, наконец, его восемью годами позже и совсем в другом месте.

КОНЕЦ АЛАКУРТУ

Теперь настало время признаться, что весь мой рассказ написан ради этой последней главы.

Как-то раз в 1934 году мне, лингвисту, пришлось с научными целями забраться в далекий угол Средней Азии, в чудесные, сказочно прекрасные места.

Однажды председатель местного исполкома сообщил мне, что к ним прилетает на самолете крупный ученый. Как я слышал, он спас местное население от какой-то эпидемии. О нем здесь много говорили, называли не то «наш Милейший», не то «наш Миляцкий». Я особенно не вслушивался в эти разговоры и не понял, фамилия это такая — «Милейший» или прозвище.

В день его прилета вместе с другими я отправился на небольшой местный аэродром. Человека этого, по-видимому, любили и ценили в здешних местах: чем дальше я шел, тем больше становилось спутников: степники и горцы, киргизы и русские, жители городка и крестьяне из глухих аулов... Солнце пекло. Народ, собравшийся у посадочной площадки, с мелькающими пестрыми мазками халатов, тюбетеек, красных платочков, белых, синих, желтых маек, выразил самым своим присутствием здесь признательность тому, кто должен был прилететь.

Когда я подошел к месту посадки, большая металлическая машина уже стояла, а дверца над крылом приоткрылась.

Послышались приветственные возгласы... Закричал и я — больше от неожиданности. Он! Он снова явился передо мной, и опять-таки в новом виде.

На его упрямой стариковской голове плотно сидел кожаный шлем. Бородка, как всегда, торчала вперед под прямым углом. Одетый в теплую и длинную меховую доху, в чьи-то фетровые валенки, он выбрался на крыло машины, что-то сжимая в руке.

— Товарищу Нелединскому ура-а! — кричали рядом со мной. — Ура, Мелецкому! Да здравствует победитель алакурта!

Несколько стариков киргизов стояли поодаль, приложив руки к груди. «Алакурту... алакурту!» — слышал я их почтительное негромкое бормотание. А он, неизменный, неповторимый маленький человечек, наклонившись с крыла самолета к председателю, тщетно старался перекричать толпу и сердито совал ему что-то в руку.

— Буоха тушканчика!.. Так повезло! Была вынужденная посадка! — расслышал я. — Сейчас же передайте...

Председатель нерешительно принял из рук блохолова маленькую пробирку. Затем, спохватившись, выпрямился.

— До-дорогой товарищ! — раздался его зычный и взволнованный голос. — Позвольте приветствовать вас, человека, который два года назад вступил в борьбу с алакуртом и победил его!..

Аплодисменты заглушили его слова.

Председатель повернулся к нам, оставив стоять на крыле маленькую фигурку, ожесточенно возившуюся с застежками шлема.

— Товарищи! Ведь я не преувеличу, если скажу, что был еще недавно у нас на Тянь-Шане враг страшнее барса, опаснее змеи, ядовитее скорпиона... Так, а? Он таился высоко в горах, у самых ледников. Он спускался в наши степи вместе со стадами. Он накидывался на наши отары овец, и они таяли как снег... Он уносил у нас самых лучших, самых упитанных верблюдов. Он терзал наших коней — кровь ручьями струилась по их бокам после его укусов. Муллы и попы пели молитвы, а он ждал нас за каждым углом. Бывали годы, когда он губил половину нашего скота. Целые кочевья разорялись. Наступал голод. А старики бормотали: «Нет человека, который может победить алакурта! Только пророк аллаха остановит его на пути его...» Ну вот! Кто же перед вами, пророк? Ничего подобного, товарищи, простой человек, советский ученый, Николай Николаевич Нелединский-Мелецкий! Два года назад его прислала к нам Москва, а теперь каждый мальчишка в нашем краю знает профессора Мелецкого. Потому, что он поднялся на наши горы и спустился в наши долины, он бродил по степи и ездил по рекам. И он победил алакурта! Теперь вы видите сами: советский ученый может сделать больше, чем все пророки!..

Когда смолкли овации, блохолов, зажавшись на самолетном крыле, очевидно, решил, что с него довольно.

Развязать шлем ему так и не удалось. Так, в шлеме и

валенках, сбросив только доху, он выпрямился над гофром крыла, затряс бородашкой.

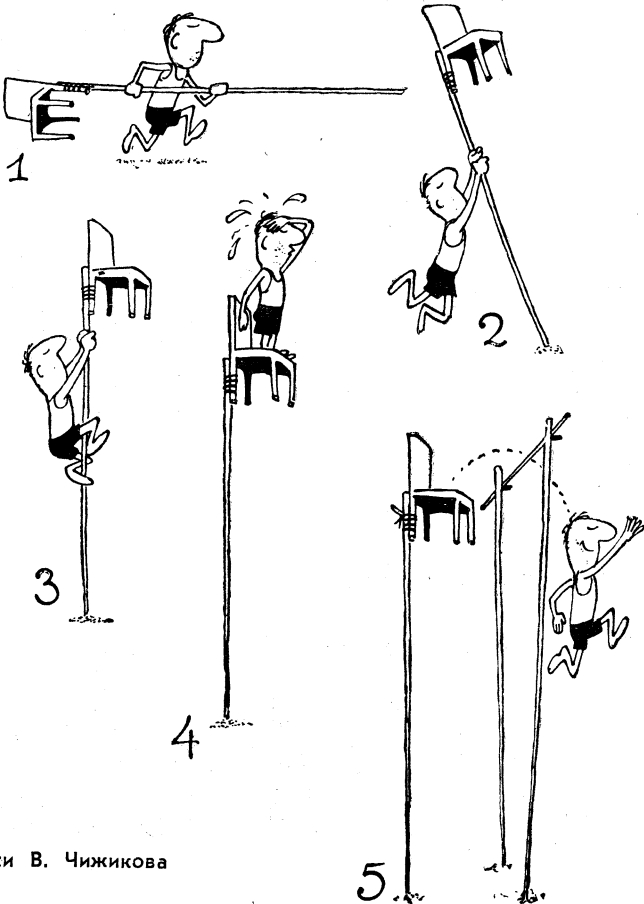
— Ауакурт?! — пронзительно, сердито закричал он, показывая пальцем через наши головы вдаль, точно там, вздымая пыль, колота хвостом по жидким ребрам, и в самом деле бежало это страшилище. — Все говорят: «ауакурт!» А что это такое? Буохá! Обыкновенная буохá. Хотя, вернее, необыкновенная! Это черво-буохá. Победить ее можно было. Можно победить все на свете, когда знаешь, что оно собою представляет! А чтобы знать, надо учиться. Эн-то-мо-логия — прекрасная наука! Вон ты! — Он ткнул пальцем на мальчишку в тубетейке, который, задрав голову, стоял у самого крыла. — Ты, наверное, хочешь летчиком быть? Пф-ф! Всё летчики да летчики, а где же у нас энтомологи?.. Я знаю: вот этот орден, за который я глубоко благодарен Советской стране, этот орден дали не мне. При чем тут я?! Его дали энтомологии — науке, которая научила меня, как поступить с вашим ауакуртом! И я пошел в горы, изучил его жизнь, его пути, его привычки, как мне велела энтомология... И тогда мне стало ясно, что надо делать, чтобы победить его. При чем же тут я?

Он запнулся и насупил брови. Вдруг его взгляд упал на меня. Несколько секунд он внимательно всматривался в мое лицо, удивился, смутился, махнул рукой, фыркнул.

— Ну, довольно обо мне, дорогие товарищи! Благодарен! Очень благодарен! Не стоило меня так встречать, и вообще... Довольно слов. Будем работать! — Он протянул мне руки: — Здравствуйте, голубчик, здравствуйте!..

Находчивый спортсмен

Рисунки В. Чижикова

СОДЕРЖАНИЕ

А. СТРУГАЦКИЙ, В. СТРУГАЦКИЙ. Генеральный инспектор	1
Г. ГОЛУБЕВ. Беседа с Марсом	31
ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ. Брод	38
Т. ТИХОВА. Ветер в горах	44
Е. ФЕДОРОВСКИЙ. Ты будешь летать, дружище!	61
В. СМИРНОВ. Один день на Безымянном	68
Чудеса XX века	75
НИК. КОРОТЕЕВ. Планета, которую надо познать	79
Снимки рассказывают	96
ДЖОН ДИКСОН КАРР. Джентльмен из Парижа	99
А. ТАРАДАНКИН. Расступись, Арктика!	120
Всемирный калейдоскоп	142
ЛЕВ УСПЕНСКИЙ. Блохолов	144

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

...Стопка книг тяжело опустилась на письменный стол. Трудна работа следователя. Порой приходится с головой окунаться в историю: Николай I, графы Келлеры, пропавшая Мадонна... Но вот ниточка истории приводит к сегодняшнему дню. Клубок становится еще запутаннее. Удастся ли распутать его следователю Громову! Удастся ли вырвать у похитителей бесценное произведение искусства! Удастся ли, наконец, — а может быть, это и есть самое главное в истории о пропавшей Мадонне, — удастся ли помочь нескольким молодым ребятам, запутавшимся в жизни и вольно или невольно помогавшим злоумышленникам, найти правильную дорогу в жизни!

Прочтите в третьем номере приключенческую повесть «Фамильный рубль» — и вы узнаете это. Авторы повести — молодые следователи Г. Рябов и А. Ходанов. Рисунок на третьей странице обложки сделан художником В. Немухиным.

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова. Адрес редакции: Москва, А-30, Суцевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А05510 Подп. к печ. 9/IV 1962 г. Бумага 80×103¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 202.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцевская, 21.

„ФАМИЛЬНЫЙ РУБЛЬ“

Эта приключенческая повесть
будет напечатана
в третьем номере
«Искателя»

ЦЕНА 20 коп.

